

ВОЛОГДА • 2013

Библиотечка вологодского
епархиального журнала

БЛАГОВЕСТИК

Владимир Яцкевич

В ТИХОЙ ВОЛОГДЕ

Историческая повесть

Владимир Яцкевич • В ТИХОЙ ВОЛОГДЕ

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 13 – 310 – 1829

Владимир Яцкевич

В ТИХОЙ ВОЛОГДЕ

Историческая повесть

Вологда
2013

УДК 821.161.1(470.12)-3

ББК 84(2Рос-4Вол)-4

Я93

Яцкевич В.А.

Я93 В тихой Вологде : историческая повесть / В.А. Яцкевич ; [худ. Э.А. Фролов ; Архиер. подворье храма Покрова Пресвятой Богородицы на Торгу]. – Вологда : Архиерейское Покровское подворье, 2013. – 280 с.: ил. – (Библиотечка вологодского епархиального журнала «Благовестник» ; вып. 8).

ISBN 978-5-9905437-07-6

Предлагаемая читателю повесть основана на исторических документах и охватывает период с 1906 по 1938 год. Герои повести – реальные люди, жившие на Вологодской земле: крестьяне, мастеровые, политические деятели, революционеры, священники. Многие из них стали жертвами жестокого террора, который на долгие годы воцарился в России после Октябрьского переворота.

Среди пострадавших в страшную эпоху гонений особого внимания заслуживают те, кто был убит за веру во Христа и даже под угрозой смерти не отрекся от своей веры и не оговорил других. Среди них настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы протоиерей Константин Богословский и другие Вологодские новомученики.

Автор книги – профессор кафедры физики Вологодского государственного университета, доктор технических наук.

УДК 821.161.1(470.12)-3

ББК 84(2Рос-4Вол)-4

ISBN 978-5-9905437-07-6 © Яцкевич В. А., 2013

© Оформление. Архиерейское подворье храма Покрова Пресвятой Богородицы на Торгу, 2013

Библиотечка вологодского
епархиального журнала
Выпуск 8

БЛАГОВЕСТИИ

В начале XX века Российское государство быстрыми темпами шло по пути экономического прогресса, уверенно выходя на уровень промышленно развитых стран. В России появилось немало удачливых промышленников, талантливых инженеров. Строили дороги, мосты, заводы, корабли, создавали новые машины, проводили электроосвещение в города, механизировали сельское хозяйство, осваивали новые рудные, угольные и нефтяные месторождения. В России сложились всемирно признанные научные направления: школа П.Н. Лебедева в физике, Д.И. Менделеева – в химии, Н.Е. Жуковского – в авиационной науке, И.М. Сеченова и И.П. Павлова – в физиологии, К.А. Тимирязева – в биологии. Русские ученые предложили агрокультуры для северного климата, разработали новые методы лечения болезней, сделали выдающиеся изобретения, такие, как радио, электродвигатель и немало других.

В книге В.В. Кожина «Россия. Век XX» упоминается отчет под названием «Экономическое преобразование России», изданный в 1913 году французскими экономистами после тщательного изучения российского хозяйства. В 1986 году этот отчет был переиздан в Париже, и в предисловии к нему совершенно справедливо сказано: «Тот, кто внимательно прочтет этот беспристрастный анализ, поймет, что Россия перед революцией экономически была здоровой, богатой страной, стремительно идущей вперед».

Однако произошло по-другому: в результате революционного переворота к власти пришли безбожники большевики. Россия на долгое время была ввергнута в хаос, а ее народ испил горькую чашу страданий.

Эта повесть о тех, кто пытался остановить надвигающуюся революцию, но был сметен ею, уничтожен. И еще о тех, кто даже под угрозой смерти не отрекся от веры во Христа и не оговорил других. Таких, претерпевших до конца, твердых в вере людей Церковь называет святыми мучениками. Великое множество мучеников и исповедников было в России в двадцатом веке. Имена многих из них остались неизвестны. Все они обрели спасение и предостоят ныне у престола Божия.

В повести использованы архивные документы, ставшие доступными благодаря большой работе коллектива вологодских историков, издавших под редакцией профессора Михаила Алексеевича Безнина серию краеведческих альманахов. Автор также благодарен Тамаре Николаевне Богословской (внучке священномученика Константина Богословского), Льву Сергеевичу Беляеву и Константину Олеговичу Козлову за любезно предоставленные материалы.

1. ИСТОРИЯ ВОЛОГОДСКОГО БУНТА. 1906 г.

Когда-то Вологда была тихим патриархальным городом. Именно про такие места писал Некрасов:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, -
Там вековая тишина.

В начале двадцатого столетия тишина была нарушена. В Вологде, помимо коренного населения с традиционным жизненным укладом, оказалось немало политических ссыльных различного толка: от философов-марксистов до исполнителей-бомбистов. Здесь, как, наверное, ни в каком другом городе, тесно сошлись люди с различными мировоззрениями. Порой страсти накалялись, выливаясь в митинги и демонстрации, а иногда и в прямые столкновения.

* * *

Сегодня Павел проснулся рано, мать как раз пошла обрывать коров. Собирался недолго: солнце еще только поднималось из-за леса, а он уже был в пути. Как-то особенно легко шагалось этим ясным апрель-

ским утром. Знакомой тропкой добежал до Болтино, здесь уже всюю топились печи и вкусно пахло печеным хлебом, мужики на телегах с сохами да боронами тянулись на пашню. Перешел по мостику через речку, поднялся на холм и увидел деревеньку Бурцево, где живёт его Татьяна. Сладко защемило на сердце, перед глазами возникло её милое лицо, карие глаза с зеленоватым оттенком, длинная густая коса. Прошное воскресенье ходили с парнями в Бурцево на беседу, и Таня сама его выбрала, хотя и увивался вокруг нее рослый парень из местных. Павел вспомнил, как они сидели в шумной избе, уединившись за занавеской, говорили о всяких пустяках и как он, осмелев, взял её руку, и как заалели её щеки.

Ах, Таня, Таня! Как много надо сказать ей, да, видно, опять придется ждать воскресенья. Работал бы он на своем подворье вместе с родителями, так можно было бы видеться хоть каждый день, а теперь...

В стороне осталась деревенька Бурцево. Вот ведь судьба: отец определил его в подмастерья к сапожнику. Говорит, деньги нужны, дети без одёжи сидят. И то правда, их в семье пятеро: старшему, Павлу, — уже почти восемнадцать, а младшей сестре — пять лет. Теперь Павел ходит в го-

род на работу каждый день. Возвращается поздно. Вот и сегодня вернется в седьмом часу, уже стемнеет, а тятя велел картошку перебирать на посадку. Когда тут на свидание идти! Да и не пойдет девица вечером с парнем, не принято это.

— И всё-таки ремеслу учиться надо, — убеждал себя Павел. — Не пройдет и полгода, как выучусь на сапожника, а там, глядишь, открою мастерскую у себя в деревне. Работа уважаемая, доходная. Построю дом, женюсь на Татьяне. Матушка не будет против, она как-то сама сказала, что Таня — девушка баская, славутница¹ да рукодельница. К свадьбе надо бы себе костюм справить. Сапоги уже есть, ладные сапожки.

Павел нагнулся, сорвал пучок травы, почистил свою обновку. Эти сапоги хозяин продал в счёт жалованья. Как только увидел, в каких опорках явился к нему Павел, так и подобрал ему обувь по ноге. Весело в них шагается!

Вдали показалась колокольня Софийского собора — значит, он отмахал уже половину пути. Теперь он шёл по узкой тропке озимым полем, по-крестьянски

¹ Баская — красивая (волог.).

Славутница — девушка, достигшая брачного возраста, хорошего поведения, из хорошей семьи (волог.).

оценивая зелёные всходы. Вдали, как сказочные крылатые чудовища, стояли в ряд четыре ветряных мельницы. А вот и Осановская усадьба помещиков Волковых: двухэтажный, украшенный деревянной резьбой дом, огромный сад с длинными тенистыми аллеями и отдельно на холме небольшая красивая церквушка.

В этом доме три года назад Павел видел отца Иоанна Кронштадтского². Слава об этом пастыре, прозорливце и целителе, шла по всей России. Тогда, летом 1903 года, батюшка, путешествуя на пароходе по северным рекам, сделал остановку в Вологде. Утром он прибыл в Спасо-Всеградский собор, где отслужил обедню, после чего городской голова Николай Александрович Волков привез его в свою загородную усадьбу. Как-то очень быстро об этом узнали в окрестных деревнях. Когда Павел с матерью и двумя сестрами пришли в Осаново, вокруг дома и в саду уже было много народа. Отец Иоанн показался на высокой открытой веранде, рядом с ним стояли вологодский архиерей,

² О посещении Вологды протоиереем Иоанном Кронштадтским пишет С. Животовский в своих воспоминаниях, помещенных в книгу: Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М.: «Отчий дом», 1998.

городской голова и губернатор. Он стал говорить, обращаясь к народу, плотной толпой стоявшему у дома, и его сильный голос, казалось, проникал в самую душу. Говорил он о том, что все наши беды – болезни, неурожай, засухи, пожары, падежи скота – происходят Божьим попущением из-за того, что слаба вера в народе. И еще Павлу запомнились слова о том, что люди ждут от Бога чудес, а Он обыкновенно откликается на их просьбы через законы природы. И наказывает людей также посредством законов природы, установленных Божественной премудростью.

Затем отец Иоанн вышел в сад, тут же православный люд окружил его. Ему пришлось встать на нижнюю ступеньку крыльца, и тогда люди стали поочередно подходить к нему под благословение. Особенно много подходило женщин, каждая рассказывала о своем горе, спрашивала совета. У той муж пьяница, у другой детей нет, у третьей какая-то неизлечимая болезнь. Отец Иоанн всех благословлял, всех утешал и давал надежду.

Когда батюшка садился в коляску, чтобы ехать на пристань, люди, столпившись вокруг, не хотели отпускать его. Многие хватили руками колеса, иные пытались прикоснуться хотя бы к краю его ризы,

некоторые бросали в коляску письма, записки о поминовении, пакеты с деньгами. Из толпы слышалось: «Голубчик ты ненаглядный, помолись за нас, грешных!» И когда экипаж все-таки тронулся, верующий народ долго бежал за ним по дороге.

«А ведь и правда, удивительный батюшка, — думал Павел, шагая по той же дорожке, по которой когда-то коляска увозила отца Иоанна. — Ведь сестра Нюра после встречи с ним перестала заикаться. А он всего лишь погладил её по головке».

Дорожка вывела Павла к вокзалу, теперь он пошел городскими улицами и вскоре оказался перед домом с вывеской: «Лебедевъ. Обувь на заказъ». В доме, видно, еще только просыпались. Зайдя в мастерскую, Павел увидел, что его друг Венька лежит под одеялом, сладко потягиваясь. Венька был родом из-под Кадникова, квартировал прямо в мастерской.

— Рано ты встаешь, крестьянская твоя душа, — говорил он Павлу, одеваясь. — Давай-ка вместе чайку попьем. Сейчас самовар поставлю.

— Ладно, я сам поставлю, ты давай умывайся да молись, — отвечал Павел, доста-

вая из котомки завернутый в холщевую тряпицу пирог с картошкой. Венька махнул рукой:

- С этими молитвами мне родители во как надоели, а тут еще ты.

За чаем Венька, с аппетитом уплетая сочные ломти, говорил:

- Сегодня хозяин со всей семьей на Всенощную идет, завтра у них в церкви праздник. И нас раньше отпускает. Давай с тобой сходим в Народный дом, там интересное будет.

- Театр, что ли, будут показывать?

- Нет, речи говорить будут. Ссылные, да из местных кто-то. — Венька перешел на шепот. — Ты, Паша, никогда не думал, почему так по-разному люди живут: у кого дом такой, что в нем заблудиться можно, да прислуга, а кто работает всю жизнь, не разгибается, а живет в избенке тесной. Вот нам какое жалованье положили? Шесть рублей в месяц. А сапоги тебе за сколько продали?

- Ну, за девять рублей. Так ведь кожу скорняк не дешево отпускает.

- Значит, ты за прошлый месяц ничего не получил и за нынешний получишь с гулькин нос.

- Так ты, Веня, не забывай, что нас хозяйка обедами кормит.

- Какие там обеды! Ноги протянешь от её обедов. А сама разъелась, аж лоснится. Хитрая, деньги наши зажилила.

- Какие деньги?

- А помнишь, третьего дня купец приходил, сапоги охотничьи забирал. Он при мне хозяйке полтинник дал, сказал: «Это ребятам на чай». А она нам сколько дала? По 15 копеек только, значит 20 копеек – себе.

- И то правда, – сказал Павел, – работаем, работаем, а чему научены? Только дратву сучить. Пора бы нам уж голенища тачать. Так не дает хозяин.

В четыре часа Павел с Вениамином были уже свободны и сначала пошли в чайную, что у пристани. Стоя за столиком, они пили чай с кренделями и смотрели на оживленную жизнь речного порта. От пристани отчаливал большой двухпалубный красавец пароход рейсом на Великий Устюг. Мощный гудок заглушил людской гомон, и пароход тронулся, поднимая волну. Поодаль разгружали большую баржу. Грузчики таскали тяжелые мешки и складывали на телеги, запряженные ломовыми лошадьми.

- Зерно из Ярославля привезли или из Рыбинска, – сказал Павел. – Плыли с Волги вверх по Шексне, потом по кана-

лу герцога Вюртембергского в Кубенское озеро, оттуда по Сухоне, а потом вверх по реке Вологде к нам. А назад, видно, вот это железо повезут. — Он показал на металлические полосы, сложенные рядом с баржей. — Поди-ко, из Устюжны недавно подвезли.

- А здесь что грузят? — спросил Веня, показывая на другую баржу.

- Это, кажись, лен или пенька. Видишь, здесь грузчики легко идут, не то что там. А повезут, видно, в Архангельск. Буксир-то, глянь, называется: «Соломбала». Пойдут вниз по Сухоне до Устюга, потом по Двине к Белому морю. А там, может и в Европу наш груз пойдет.

- Ну, Паша, у тебя голова, что у нашего архиерея. Тебе бы учиться, большим человеком бы стал.

- А вот ты, Веня, кем хочешь стать? Только серьезно скажи.

- Я? — Веня поскреб в затылке. — Я, понимаешь, не люблю кому-то прислуживать. Хочу начальником быть. Чтоб сидеть в кабинете и командовать.

- Ишь ты как. А ведь у любого начальника свой начальник есть, и ты у него будешь в услужении. Уж лучше тогда крестьянином быть. Крестьянин сам себе и хозяин, и работник. Он только от по-

годы зависит, значит, от одного Господа Бога.

С пристани друзья пошли в Пушкинский народный дом³. Они зашли в зал, уже полный народа, и устроились в заднем ряду. Павел видел в зале гимназистов, семинаристов, приказчиков, мастеровых. В первых рядах сидели люди барского вида. Один из них, высокий, с бородкой клинышком, в добротном костюме, вышел на сцену и начал говорить:

- Великий ученый Карл Маркс в своем выдающемся произведении «Капитал» убедительно доказал, что капиталистический общественный строй, основанный на эксплуатации рабочих, в самом себе несет гибель и поэтому обречен...

Дальше оратор понес какую-то тарарбарщину, которую Павел понять не мог.

³ Здание этого культурно-просветительского центра находилось на улице Дворянской (ныне Октябрьская) на месте нынешнего Театра юного зрителя. Было построено в 1904 году по инициативе Вологодского просветительского общества «Помощь». В нем помещалась библиотека с читальным залом, большой зрительный зал, где проводились литературные вечера, концерты, спектакли, лекции. В 1905 – 1906 годах этот дом стал центром, где проводили митинги либеральная интеллигенция и политические ссыльные.

Слышалось только: буржуазия, пролетариат, прибавочная стоимость, борьба классов. Второй оратор говорил более доходчиво:

– У кого-то есть все, а у кого-то ничего. Разве это справедливо? Но мы знаем, как построить справедливое общество, где не будет ни бедных, ни богатых, где все будут равны, все будут свободны и счастливы! – Он прервал начавшиеся аплодисменты и продолжал: – Но сначала надо разрушить то общество угнетения, что у нас существует...

Павел был по крестьянским меркам человеком грамотным. Он закончил трехклассную начальную школу, а сестра матери, бывшая замужем за купцом, приучила его к чтению. Родители не препятствовали, разрешая допоздна жечь керосиновую лампу. У тети Марии была хорошая библиотека, Павел читал Пушкина, Гоголя, зачитывался историческими романами Загоскина, любил рассказы Даля, стихи Никитина, а вот Горького читать не стал – не принимала душа. Что-то похожее на рассказы Горького звучало сейчас с трибуны: такая же яростная ненависть.

- Слушай, Веня, – Павел нагнулся к другу, – этот, кто говорит, вроде как не русский. Он откуда будет, не знаешь?

- Не знаю. Грузин или еврей, я в них не особенно разбираюсь. Но говорит он всё правильно.

Дальше Павел услышал такое, что не поверил своим ушам: оратор поносил царя. Павел чувствовал себя так, будто его ударили под дых. Вспомнилось, как однажды, еще семилетним мальчиком, он ехал с отцом в город. По дороге к ним попросился молодой парень в красивом мундире. Сидя в телеге, он о чем-то, не умолкая, говорил отцу, размахивая какой-то бумажкой. Отец сначала слушал молча, потом сказал попутчику: «Ты разве поп, чтобы учить меня, как надо жить?» Еще через некоторое время он остановил лошадь и закричал: «Ну-ка слезай, а то свяжу и сдам уряднику!» И после того, как попутчик спрыгнул, отец долго не мог успокоиться. Повернувшись к Павлу, он сказал: «Какое крамольник, а? Против царя говорил. А кто против царя, тот против нас».

Павел заерзал на стуле:

- Слушай, Веня, пойдем отсюда, неохота такое слушать.

Тот схватил его за рукав:

- погоди, уже сейчас конец.

В конце своей пламенной речи выступающий, потрясая кулаками, призвал всех первого мая не выходить на работу

и собраться на площади, чтобы отмечать праздник солидарности всех трудящихся...

Вечером Павел сказал матери, что хочет пойти на митинг.

- Не дело ты задумал, – заволновалась мать. – Первого мая в Вологде всегда большой торговый день, и мы собрались ехать, ячмень вести на продажу. Говорят, цены нынче на зерно хорошие. Нам теперь деньги-то ой как нужны. За лошадь ещё не расплатились, ещё двадцать рублёв долгу осталось.

Она взглянула на насупившегося сына.

- Слушай, Паша, нам ведь с тобой пора причащаться. Давай-ка три дня поговеем, а в воскресенье пойдём к причастию. Мария приглашала к ним в храм. Говорит, у них батюшка хороший. Ты в субботу после работы прямо к ней приходи, и я там буду. У нее и заночуем.

В субботу в полдень Павел зашел в дом тёти Марии. Та обняла его и со смехом сказала:

- Ну и пахнет от тебя – кожей да дегтем. Давай-ка иди сейчас в баню, а потом к столу. Я для вас с мамой постных блинов напекла.

Тётя Мария овдовела два года назад и жила в небольшом доме на окраине города вместе с приёмной дочерью. Своих детей

ей Бог не дал. С компаньонами покойного мужа она судиться не пожелала и довольствовалась небольшим наследством. Деньги берегла на приданое дочери и для того, чтобы сделать вклад в монастырь, куда собиралась уйти на покой, а пока жила по-крестьянски, держа коз и возделывая огород.

В воскресенье Павел стоял в храме, с робостью и волнением дожидаясь своей очереди на исповедь. Пожилой священник с пышной седой бородой внимательно выслушивал каждого, переспрашивал, давал наставления. Выслушав Павла, батюшка сказал:

— Зависть, она, как червь, душу человека гложет. Завистники — люди желчные и злобные. Не поддавайся этому греху. Господь сам знает, кому какие блага даровать в этой жизни. Что завидовать богатству? Богатым трудно войти в Царствие Небесное. На Страшном суде они будут завидовать нищим, как богач завидовал нищему Лазарю. «И возопил богач: Отче Аврааме! Умилосердись надо мной и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламене адовом».

После литургии и причастия отстояли панихиду, которую заказала тетя Мария

по случаю годовщины смерти мужа. Потом был поминальный обед, на котором, кроме Павла с матерью, было еще несколько гостей. К одному из них, дальнему родственнику мужа, тётя Мария относилась с особым почтением и называла по имени-отчеству: Константин Александрович. Это был мужчина лет тридцати, одетый в темно-синий костюм-тройку, с небольшой бородкой и спокойным, благожелательным взглядом. Позже Павел узнал, что он был ученым человеком, преподавал в духовной семинарии. Несмотря на свою ученость, он держался просто и поддерживал семейный разговор:

- Скажите, Мария Николаевна, а как вы с Андреем познакомились?

- А у нас как в притче получилось. Знаете притчу про купца, что жену выбирал? Ходил по дворам и объявлял, что покупает сор по гривеннику за фунт. Ну, ему кто совок сору вынесет, кто ведерко, а кто и мешок. А в одном доме вышла девица на крыльцо и стоит расстроенная. Говорит, нету сора в доме. Ну, он ее замуж и взял. Вот и со мной похожая история случилась. Проезжал мимо молодой купец на бричке, зашел к нам в дом, попросил молока попить. А родители тогда на покосе были, нас с сестрой оставили на хозяйстве да

с малышкой нянчиться. Мне семнадцать лет было, а Надежде двенадцать. – Она засмеялась и показала на мать Павла. – Ну вот, посидел он у нас, посмотрел, какой в доме порядок да дети ухоженные. Видать, приглянулась я ему, через неделю сватов прислал...

- Ох, кажется, совсем недавно это было. А уже дочке замуж пора. – Тетя Мария посмотрела на свою дочь, скромно сидевшую за столом. – Мы ведь завтра собрались идти за советом к отцу Александру, что из Вознесенской церкви. Жених к моей Тоне сватается. Парень как будто хороший, из порядочной семьи. Подождем, что нам завтра батюшка скажет.

- Так вы идете к отцу Александру Баданину?⁴ – спросил Константин Александрович.

- Да, к нему. Теперь он, бедный, болеет, сидит безвыходно дома, с кресла не встает. А народ идет к нему без конца. Все знают, что он дар прозорливости имеет.

В разговор вмешался еще один родствен-

⁴ Священник Александр Баданин (1843 – 1913). Причислен к лику местночтимых святых Вологодской епархии в 2000 г. как праведник. Дни памяти 22 февраля и 23 марта. Похоронен на Горбачевском кладбище вблизи Лазаревской церкви. Отмечались случаи исцеления по молитвам отцу Александру.

ник покойного Андрея, важный господин лет сорока.

- Мария Николаевна, дорогая, я вашей Тонечке всяких благ желаю, но нельзя же так... Такое серьезное дело, как брак, должны решать сами жених с невестой по взаимной любви да их родители. А вы хотите довериться больному старичку, который вас и знать не знает. Это, извините, суеверие какое-то.

Наступило неловкое молчание, и Константин Александрович уже хотел вмешаться, но тётя Мария сама нашла правильный ответ:

- А вы бы спросили у соседки нашей, Власовой, – вон там, через дорогу её дом, – как она сына своего хотела женить. Сватали ему невесту, но отец Александр не благословил, даже на смотрины ехать не велел. Сказал, что жениться ему надо на сироте. А через год вся правда и открылась, когда девушка эта умерла. У нее горловая чахотка была. А сын женился на сироте и живет счастливо.

За чаем тётя Мария потчевала гостей пирогами с клюквой.

- Андрей покойный очень это кушанье любил. Как уезжает куда по своим делам, так я ему подорожников с клюквой наложу в туесок...

Она стала вытирать слёзы. Мать Павла, сначала робевшая в непривычной обстановке городского дома, вдруг заговорила:

- Сынок-то мой собрался на митинг идти, — она показала рукой на смутившегося Павла. — Это, знать, бунтовщики придумали заместо крестного хода. А кому пойдут поклоняться, не могу понять.

Константин Александрович посерьезнел.

- Уже год как бунты идут по России. Видно, и до нас докатилось. Вот недавно в домово́й церкви женской гимназии отслужили панихиду по казнённому преступнику Шмидту, тому офицеру, что осенью прошлого года возглавил бунт на крейсере Черноморского флота. А ведь ещё война с Японией шла. Объявил себя командующим флотом и диктовал условия Государю Императору. А из него героя делают. Конечно, ссыльные здесь воду мутят. Семинаристы наши совсем от рук отбились. В Народный дом ходят на митинги, брошюры разные читают. Даже эту поганую газетку, как её, «Северная земля». И ничего не поделаешь, свобода каждому дана. Мой тебе совет, Павел: ни на какие революционные сборища ходить не надо. От этих бунтовщиков держись подальше.

Они хотят законную власть свергнуть. А в Писании как сказано: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога». Я этих революционеров хорошо знаю. Люди это одержимые, живут в грехах, как в грязи. Все непутевые, только к болтовне способные. Откуда им знать, как надо мир устраивать, если они свою жизнь устроить не могут...

* * *

Утром 1 мая 1906 года Алексей Окулов⁵, ссыльный студент из Москвы, стремительно шел по деревянному тротуару вдоль улицы Афанасьевской (ныне улица Марии Ульяновой), направляясь к духовной семинарии. Он имел поручение Вологодского комитета социал-демократической партии прекратить занятия в семинарии и в мужской гимназии и вывести учащихся на демонстрацию.

Алексей был выслан в Вологду за участие в беспорядках 1905 года. На пути к месту ссылки он был погружен в мрачную

⁵ Окулов Алексей Иванович (1880 – 1939). Видный российский революционер, советский военный и партийный деятель, писатель. С 1917 года на руководящих должностях центрального аппарата РСДРП-ВКП(б). Умер в заключении в Амурлаге, в г. Свободном. Посмертно реабилитирован.

меланхолию, ожидая, что в этом захолустном городишке его ожидает беспросветная тоска. Однако жизнь в Вологде оказалась весёлая. Здесь было множество ссыльных, близких ему по духу людей. Никакого особого полицейского надзора не было. Можно было без труда убежать, как сделал это недавно Борис Савинков. Каждому ссыльному выплачивалось от казны пособие, которого вполне хватало на жизнь. Часто устраивали диспуты на различные темы: философские, религиозные, политические, и потому среди ссыльных Вологду называли «Северными Афинами». Кружки эсеров и эдеков свободно занимались пропагандой среди рабочих железнодорожных мастерских. В последнее время удалось раздобыть оружие, и теперь правый карман студенческого мундира Алексея приятно оттягивал браунинг, а в левом лежал большой запас патронов.

Здесь мы на время оставим нашего революционера и расскажем, как в Вологде появился вооружённый отряд, состоявший в основном из политических ссыльных.

В октябре 1905 года был издан Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», где Государь Император выражал свою волю: «Даровать населению незыблемые основы граж-

данской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». По этому случаю в Вологде прошел ряд митингов. Либералы оценивали манифест положительно, а представители левых партий, в особенности, большевики, призывали к борьбе за полное свержение самодержавия. На митинге 19 октября в Народном доме тон задавали революционно настроенные ораторы: Цейнерман, Гальперин, Содман, Сегаль, Окулов, Ильин. Они резко высказывались против властей, а некоторые доходили до того, что поносили царя. В зале поднялся шум. Недовольные услышанным покидали здание и собирались на площади, где устроили свой монархический митинг. Здесь преобладал простой люд: рабочие, приказчики, мещане. Когда на крыльце показались революционеры, начались взаимные оскорбления и угрозы. Страсти накалялись. Вдруг с крыльца кто-то выстрелил. В толпе шархнулись, дико закричали. Прозвучал ответный выстрел. Завязалась перестрелка. Трое были ранены.

В это время полицмейстер Р.М. Дробышевский забежал в Народный дом и потребовал к себе организаторов митинга. К нему вышли Окулов, Золотов, Ильин,

жена Кудрявого, жена Содмана. Полицмейстер предупредил их о грозящей опасности при столкновении с толпой, просил выйти через задний ход и последовать по пустынной улице.

Разъяренная толпа, узнав, что здание опустело, двинулась по улицам, разбивая окна в домах и лавках евреев. Проходя мимо здания городской управы, толпа сорвала транспарант – огромную полотняную полосу с надписью: «Да здравствует свободная Россия!».

На другой день, когда полицмейстер шел к губернатору с рапортом, его остановила вышедшая из городской управы группа служащих. Бывший среди них Ильин попросил доложить губернатору, что они организовали в городе Союз охраны, цель которого – защищать горожан от антисемитских погромов. Он вручил также текст устава этой организации, который подписали Ильин, Ионов, Клушин, Надеждин, Сегаль, Фишер, Коноплев, Тарутин, Монтвилло, Достойнов, Моторин, Сущевский, Моделунг, Золотов, Гейт и Богданов.

Полицмейстер возразил, что никакого антисемитизма в Вологде никогда не было и что адвокаты, аптекари, ювелиры, парикмахеры нисколько не мешают рабочему люду, а вчерашнее негодование толпы

было вызвано только тем, что со стороны лиц еврейской национальности прозвучали оскорбления в адрес Царственной особы, которая для русского человека священна.

На это Ильин заявил, что этот Союз они открывают явочным порядком и в утверждении его не нуждаются.

Для обсуждения этого вопроса губернатор Лодыженский пригласил всех гласных городской думы.

- Господа, — сказал он, — я ничего не имею против организации какой-либо охраны жизни и имущества граждан, но вместе с тем не могу допустить участия в ней политически неблагонадежных элементов, которые, судя по представленному мне списку, составляет основную часть вашего Союза охраны.

Однако почти все присутствующие считали участие поднадзорных в такой организации необходимым, мотивируя это, во-первых, отсутствием в городе войск и малой численностью полиции, во-вторых, тем, что поднадзорные — это стойкие и храбрые люди, имеющие оружие и составляющие сплоченную группу, готовую для подавления беспорядка.

Несмотря на возражения губернатора, городская дума на заседании 25 октября

1905 года утвердила Союз охраны на правах милиции в ведении городской управы. Начальником милиции стал ссыльный большевик Алексей Окулов, а его заместителем – ссыльный эсер Карл Иванович Долгис, мещанин из Минска.

Общая численность милиционеров сначала была двести человек, затем, пополняясь гимназистами и реалистами, доходила до трехсот. На их вооружение городская дума ассигновала из городских средств 2000 рублей. Оружие было в основном закуплено в Москве. Это были усовершенствованные винтовки Маузера и Винчестера и пистолеты Браунинга. Ссылные, уезжая из Вологды после амнистии, увозили оружие с собой, и, таким образом, часть его вскоре пропала.

Милиционеры, которые называли себя дружинниками, ходили по городу в вечернее и ночное время, охраняли некоторые дома. Но главную свою роль они сыграли в декабре 1905 года, когда организовывали забастовки рабочих, и позже, в мае 1906 года.

Вернемся теперь к нашему герою, шагавшему по городу. Грохоча по булыжной мостовой, Алексея обгоняли подводы, груженные мешками. На мешках сидели здоровые розовощекие крестьяне и весело

перекликались между собой. Алексей по-мрачнел: «Радуются, сиволапые. Накопили добра, везут продавать». Беспричинная злость овладела им, и не потому, что он как-то по-особому относился к крестьянскому сословию, просто у него была такая черта характера: он злился, когда видел, что кто-то радуется. И, наоборот, испытывал удовольствие, когда видел, что кому-то плохо.

У Каменного моста Окулов подождал, пока не подошли его товарищи. Все вместе зашли в здание семинарии, стали открывать классы и скликать всех в зал для важного сообщения. Умелый оратор, Алексей стал сразу же говорить речь, призывая прекращать занятия и идти на демонстрацию. Инспектор семинарии вызвал полицию, а пока сам попытался убедить семинаристов выдворить пришедших из здания. Но, увы, семинаристы его не слушались, им явно хотелось вместо скучных занятий подышать воздухом свободы.

В 10 часов прибыл полицмейстер Дробышевский с четырьмя стражниками. Семинаристы притихли, незваных гостей стражники вытеснили на улицу, но Алексею со своим однокашником удалось остаться, спрятавшись среди учащихся. Оставив одного пристава, полицейские

ушли, и тут два друга под смех семинаристов набросились на пристава и, не дав ему дотянуться до сабли, затолкали в пустой класс и заперли дверь стулом. Инспектор, красный и испуганный, молча смотрел, как толпа его учеников во главе с наглыми прищельцами вываливает на улицу.

Все пошли к зданию мужской гимназии. Там также быстро и весело удалось прервать уроки и вывести гимназистов на улицу. После этого большая толпа учащихся двинулась по Кирилловской улице (ныне улица Ленина), останавливалась возле магазинов и других торговых заведений и требовала их закрытия. Прошли по Каменному мосту, вышли на Гостинодворскую площадь (ныне улица Мира) и всюду, угрожая разгромом, требовали сворачивать торговлю. Испуганные торговцы закрывали свои заведения.

Алексей привел возбужденную толпу к Народному дому, где их восторженно встречала боевая дружина. На высокое крыльцо поднялся студент Равич, большевик, недавно нелегально приехавший из Ярославля.

- Царская конституция – это подачка, брошенная народу, чтобы его успокоить! – кричал он. – Но мы не смиренные овечки, нас не обмануть. Это не конец нашей борь-

бы, а ее начало. Мы возьмем самодержавие за горло и свергнем его!

Раздались аплодисменты, крики «ура». Все двинулись в сторону Красного моста, направляясь к назначенному за рекой месту маевки, где уже собрался народ. Однако на Гостинодворской площади демонстранты были встречены толпой крестьян, возмущенных закрытием торговли. Слышались крики:

- Беса празднуют, кощунники! А нам что теперь? Домой идти, несолоно хлебавши?

В демонстрантов полетели камни, палки. Алексей выхватил браунинг.

- Дружинники, вперед! — закричал он.

Человек двадцать боевиков выстроились поперек улицы и дали залп по толпе. Раздались крики раненых. Разъяренные крестьяне набросились на стрелявших. Те разбегались в разные стороны. Алексей, получивший сильный удар палкой по плечу, побежал вместе с группой боевиков назад по улице Дворянской. Не добежав до Народного дома, они свернули во двор дома Бартенева и укрылись за высоким забором. Крестьяне рвались в ворота. Алексей наугад сделал несколько выстрелов по воротам и услышал, как нападающие с воплями разбегаются. Он торжествовал: «Разбежались, суконные рыла!» В это

время к дому подбежали шесть полицейских и открыли беспорядочную стрельбу. В доме со звоном вылетали стекла.

На звуки выстрелов с Гостинодворской площади и со всех прилегающих улиц хлынули крестьяне. Толпа в несколько тысяч человек в короткое время запрудила громадную площадь у Народного дома. Сначала выбили все окна и двери в доме Бартенева, но никого не обнаружив, обратили свою ярость на Народный дом – двухэтажное кирпичное здание с колоннами.

- Вот оно, поганое гнездо! – слышались крики. – Отсюда вся крамола идет!

В ход пошли камни, сложенные в кучу для ремонта мостовой. Вскоре в доме не осталось ни одного целого окна, были выломаны двери. Полицейские пытались остановить бесчинства, стреляя в воздух, однако всё было тщетно. Сам полицмейстер Дробышевский старался урезонить народ, но возбужденная толпа никого не слушала. Внутри дома полезли сотни людей, они выбрасывали на площадь мебель, книги. Все эти вещи стоявшая на площади толпа моментально хватала и разламывала или рвала на части. Внутри дома крестьяне складывали книги в кучи и поджигали. Полицмейстер попытался затоптать первый такой костер, но его сбили с ног и выта-

щили из дома. Подъехал губернатор Лодыженский и тоже потребовал прекратить разгром, но толпа встретила его криками:

- Потакаешь царским изменникам! Они власть забрали в городе, вооружились, делают, что хотят.

Брошенный из толпы кирпич попал губернатору по голове. Он закрыл рану рукой и крикнул притихшей толпе:

- Люди русские, опомнитесь! Против власти бунтуете!

Вдруг послышалось пение гимна: «Боже, Царя храни». Из здания вышла группа крестьян, держа в руках портреты Государя Императора и Государыни. Не прекращая пения, они двинулись к ближайшему полицейскому участку, куда и сдали портреты на хранение.

Пожар внутри здания разгорался. Подъехала пожарная команда, стали разворачивать шланги, но крестьяне с криками: «Не дадим тушить подлого гнезда!» – не пускали пожарных к насосам и даже стали перерезать шланги. Лодыженский стал уговаривать крестьян позволить пожарным хотя бы отстоять только соседние дома. С этим они согласились и даже сами стали работать на насосах.

В это время продолжалась погоня крестьян за боевиками. Настигнутых крестьян

не жестоко избивали. Алексей, без труда ускользнувший от толпы из дома Бартенева, бежал по улице Пятницкой (ныне улица Мальцева) в сторону реки. Наперерез ему из-за угла выскочили крестьяне. «Студент!» – раздался крик. Видно, студенческий мундир действовал на них, как красная тряпка на быка. Алексей бросился бежать. Бегун он был неважный, топот и крики позади нарастали. Пистолет колотил по бедру. «Остановиться и выстрелить? – промелькнуло в голове. – Нет, тогда уж точно разорвут на части». Он забежал во двор большого двухэтажного дома и увидел, что одна из дверей приоткрыта. Это было спасение. Через мгновение он уже был на крыльце, рывком открыл дверь, повернулся и, увидев вбегающих во двор крестьян, достал пистолет и поспешно выстрелил. Кажется, ни в кого не попал: стрелок он тоже был неважный. Закрыв изнутри дверь на засов, он помчался по коридору, чуть не сбив с ног женщину с ребенком. Она в испуге опустилась на пол, прижав к себе малыша. – «Где у вас черный ход?» – кричал он, размахивая оружием. Женщина только беззвучно открывала рот. На счастье, в коридоре оказался мужчина, который быстро всё понял и вывел Алексея черным ходом. Озло-

бленные крестьяне закидали дом камнями, до смерти напугав его жителей.

В тот день толпа разгромила еще типографию газеты «Северная земля». Выбили окна, двери, проникли в помещение, разбросали по полу шрифты и поломали главную машину. После этого двинулись к дому городского головы Клушина, про которого все знали, что он потакает революционерам. На защиту своего покровителя собрались дружинники в числе около 150 человек. Они произвели три залпа в воздух и разогнали толпу.

К семи часам вечера в городе стало спокойно. Еще через четыре часа из Ярославля прибыла рота солдат, но усмирять уже было некого...

Приведенное здесь описание первомайских событий 1906 года сделано на основе донесения прокурора Вологодского окружного суда Б.С. Врасского прокурору Московской судебной палаты⁶. Вологодского прокурора трудно заподозрить в симпатиях к крестьянам, участвовавшим в беспорядках, ведь он и сам, будучи в гуще событий, был сбит с ног ударом крестьянской дубины. Тем не менее из его подробного

⁶ Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. – Вологда: «Легия», 2004. – С. 444.

доклада можно сделать вывод, оправдывающий землепашцев, оставивших плуг и взявших в руки колья и камни. Вот как прокурор заканчивает свое донесение:

«К вечеру громадное здание Народного дома сгорело дотла, так что от него остались только одни кирпичные стены, в самый же разгар пожара из объятых пламенем здания раздавались постоянно глухие взрывы, свидетельствующие о значительном количестве хранившихся в нем патронов, а вечером, когда огонь стал утихать, нахлынувшая на пожарище толпа нашла в нем несколько десятков револьверов, которые тотчас же расхитила...»

К сему считаю нужным добавить, что причиной описанных событий 1 мая в г. Вологде является полное нежелание либеральных элементов городского населения считаться с настроениями местной рабочей и крестьянской массы и с их экономическими интересами, страдающими от забастовок и беспорядков, и щадить их глубокую преданность идее самодержавной царской власти и благоговение перед особой Государя Императора, беспрестанно оскорбляемой ими на митингах в Народном доме. Сам же ход и размеры постигшего Вологду бедствия находят себе, по-моему, объяснение единственно в

полной недостаточности и слабом вооружении городской полиции (на всю Вологду имеется 49 городских, вооруженных лишь никуда не годными шашками и револьверами системы Лефоше, совершенно не годными к употреблению), в полном отсутствии войск и обнаружившейся в этот день полной несостоятельности единственной имеющейся в распоряжении местной администрации реальной силы — полицейских стражников. Состав стражников этих, находящихся в фактическом заведовании и в обучении у адъютанта Вологодского губернского жандармского управления Пышкина, оказался настолько проникнутым духом самой крайней политической нетерпимости, что даже пример и приказания губернатора не могли заставить их перейти к активным действиям против толпы, производившей беспорядки и погромы во имя борьбы с «царскими изменниками и бунтовщиками»...

* * *

Происшедшие в Вологде события обсуждались в Государственной Думе первого созыва в июне 1906 года. По запросу депутатов выступал министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин. Ниже приведена стенограмма его доклада.

П.А. Столыпин:

«Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествий в городах Вологде, Царицыне и Калязине, проверенных как чинами министерства внутренних дел, так и чинами прокурорского надзора. В первом из этих городов, в Вологде, толпа сожгла Народный дом, повредила 4 частных дома, разгромила типографию и пыталась разгромить дом городского головы. При этом на месте осталось 2 убитых и 28 раненых. Дознание выяснило, что беспорядки начались вследствие насильственного закрытия лавок группою манифестантов, когда в город съехалась масса народу для закупок припасов ввиду двух праздников — Николина и Троицына дней. Затем, при столкновении с толпой, первый выстрел был произведен со стороны манифестантов. Губернатор, прокурор и полицеймейстер прикрывали собою избиваемых; последний затапывал костры, сложенные из книг, выброшенных из народного дома.

Трудно даже себе представить, чтобы тут была обвинена администрация в устройстве и сочувствии в учинении погрома. Причина была ясна — насильственное закрытие лавок, объектом же злобы народа явился Народный дом, ко-

торый был обычным местом собрания политических ссыльных, причем в октябре там на митингах раздавались речи о вооруженном восстании, а сцена была украшена надписью «Да здравствует республика», что тогда же вызывало протест и беспорядки со стороны простонародья. Такие же беспорядки повторились по этому же поводу в декабре. Что началом беспорядков послужили действия манифестантов, было видно из крайне враждебных отзывов прессы и из показаний всех опрошенных лиц. Погром не был своевременно прекращен вследствие малочисленности полицейских сил. Всего налицо было 59 человек, войска же приехали слишком поздно, так как они были вызваны из соседнего города по железной дороге. Нарекания со стороны некоторых лиц, вызванные действиями ротмистра Пышкина, который командовал стражниками и который будто бы действовал недостаточно решительно против толпы, объясняются тем, что стражники были только что сформированы и сам он получил от губернатора приказание не стрелять. При таком положении едва ли он мог действовать более активно, Однако, если бы судебное следствие, которое ведется по этому делу, показало обратное, то мини-

стерство не преминет соответственно распорядиться».

Как видим, Столыпин кратко пересказал упомянутое выше донесение вологодского прокурора. Следом за ним выступил Владимир Дмитриевич Набоков, один из лидеров Конституционно-демократической партии. Он основывался на том же источнике, что и Столыпин, однако его трактовка событий была другая. Он увидел желание властей разгромить очаг свободымыслия в Вологде с помощью крестьян. Никаких убедительных доводов в пользу этой версии он не привел, но его блестящая риторика, свойственная либералам того времени, произвела впечатление на членов Думы. Надеясь на какие-то ему одному известные сведения, Набоков обвинил ротмистра Пышкина в том, что тот заранее наметил дома для погромов и подготовил погромщиков. Далее Набоков сделал обобщение. Он заявил, что в России рядом с каждым, даже очень хорошим, губернатором есть «тайное правительство», свой Пышкин, который проводит погромную политику. Вот отрывок из его продолжительной речи.

В.Д. Набоков:

«...У нас тоже есть тайное правительство – своего рода ротмистр Пышкин, и есть открытое правительство, которое в иных случаях, в лице представителей своих, одушевлено, может быть, горячим желанием положить конец всему этому безобразию. Но вологодский губернатор хорошо понял, что когда рядом с ним существует и продолжает до сих пор свою благонамеренную деятельность ротмистр Пышкин, то ему, вологодскому губернатору, при ротмистре Пышкине делать нечего и что если ротмистр Пышкин будет продолжать вести свою темную агитацию, возбуждать темные силы и направлять их, а за него будет, так сказать, отдуваться открытая власть, то для нее это положение несколько недостойное. Каково же в самом деле их положение? Они за всё отвечают, а может быть, и не знают, что ротмистр Пышкин делает за их спиной. И один из них, вологодский губернатор, это понял и ушел в отставку. Я думаю, что это пример с точки зрения личного достоинства, государственного достоинства, – пример, достойный подражания (аплодисменты)... Для Вологды дело вовсе не в том только, чтобы ушел г. вологодский губернатор

или г. вологодский полицеймейстер: надо убрать прежде всего ротмистра Пышкина. Я думаю, что и для России мы должны, конечно, требовать, чтобы ушли те, которые сочли возможным существование с «ротмистром Пышкиным», но вместе с тем мы считаем, что когда они уйдут, то другие могут прийти на их место с одним только категорическим условием, чтобы были навсегда из русской жизни вырваны господа ротмистры Пышкины!» (бурные аплодисменты).

Министр внутренних дел пытался возражать.

П.А. Столыпин:

«Дело о погроме передано следствию, и если судебным следствием будет выяснена вина ротмистра Пышкина, то он, конечно, будет в ответственности. Что же касается вологодского губернатора, то я должен сказать, что он подал в отставку ранее вологодского погрома. Затем, когда я его спрашивал по телеграфу о нареканиях, которые распространяются на администрацию и полицию, он ответил, что это сплошная ложь — извините за это выражение, но эти слова были в телеграмме...

Я должен сказать, что по приказанию Государя я, вступив в управление мини-

стерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю» (шум, крики: «Отставка!»).

Таким образом, ротмистр Пышкин был с высокой трибуны выставлен организатором погромов. Фактически Набоков, упражняясь в красноречии, вынес человеку приговор, не имея на то оснований, поскольку следствие по этому делу не было завершено. Неудивительно, что Иван Федорович Пышкин, 38 лет от роду, выпускник Павловского военного училища, был убит террористом в 1907 году в Екатеринбургe.

То, что произошло в Вологде в мае 1906 года, можно назвать столкновением двух миров. Один мир – крестьянский, традиционный, домашний, требующий мирного труда и порядка. (Следует знать, что крестьяне того времени – это не забитые советские колхозники. И бунт их был, вопреки известному высказыванию Пушкина, не бессмысленным, а имеющим вполне определенную цель: прекратить самоуправство действующего в городе вооружённого отряда революционеров). Другой

мир – чужой, оторванный от той почвы, на которой выросло Российское государство, мир, желающий радикальных перемен. Сейчас, с высоты нашего XXI столетия мы знаем, что второй путь был для России гибельным, и ничем нельзя оправдать моря крови и страданий, через которые прошла страна. А в то время либералы-интеллигенты раскачивали корабль государства, не предвидя, что вместе с кораблем потонут и они сами.

Ах, если бы человек, одержимый идеей разрушить государство, мог хоть на минуту увидеть то будущее, которое он сам себе готовит! И увидел бы тогда Набоков, как он бежит с чемоданами по трапу отплывающего из Севастополя парохода, оставив гранитный особняк в Петербурге, родовое поместье в пригороде, обреченный на скитания за границей вместе с такими же, как он, горе-либералами, заварившими в России такую кровавую кашу, что жители огромной страны расхлебывали ее долгие годы.

И увидел бы Алексей Иванович Окулов, как он, старый большевик, бывший член ВЦИКа, горбится с лопатой в руках на дне огромного котлована и мечтает как о высшем благе о миске мутной баланды и о своем месте на нарах в холодном бараке.

И увидел бы Александр Федорович Клушин, городской голова, дом которого был всегда гостеприимно открыт для политических ссыльных, как его волокут по каменным ступеням в подвал ОГПУ, потому, что, избитый на допросе, он не мог передвигаться самостоятельно.

Многое может удивлять нас в России начала XX века. Станным кажется, что слово «патриот», означающее человека, любящего свое Отечество, среди интеллигенции того времени считалось бранным. Судя по стенограммам заседаний Государственной Думы, назвать кого-либо патриотом означало заклеить его как ярого врага прогресса, ретрограда. Зато большим почетом пользовались «западники» типа Набокова, про которых сказано: «и всё чужое возлюбил, и всё свое возненавидел». Но ведь любовь к своему Отечеству равносильна инстинкту самосохранения, и утрата у людей этого чувства грозит нации гибелью.

Станным кажется и отношение либералов-интеллигентов к террору. Они не только оправдывали террористов, но откровенно радовались, когда пуля или бомба лишала жизни государственного служащего, будь то министр, губернатор или простой городской. А вот когда ле-

том 1906 года был застрелен член Государственной Думы банкир Герценштейн, известный своими леворадикальными взглядами, возмущению либеральной интеллигенции не было предела. Как-то сразу всем стало ясно, что это дело рук черносотенцев. Откликнулись на это событие и в Вологде. В Спасо-Всеградском соборе состоялась панихида по убиенному Михаилу, на которой служил, а потом и выступил с взволнованной речью священник Софийского собора Тихон Шаламов.⁷ Совсем по-другому реагировали либералы, когда жертвой террористического акта становился не разрушитель государства, а его строитель или страж. Приведем здесь отрывок из воспоминаний А.А. Тарутина, выпускника Вологодской гимназии, после 1917 года заведовавшего культпросветом в Вологде⁸.

...А вот ученик выпускного класса реального училища Сергей Золотов – это

⁷ Шаламов Тихон Николаевич (1868 – 1933), отец известного писателя Варлама Шаламова. Был сторонником активного вмешательства Церкви в политику и общественную жизнь. После революции стал обновленцем.

⁸ Вологда в воспоминаниях и путевых записках: Конец XVIII – начало XX века / Сост. М.Г. Ильюшина. – Вологда: «Русь», 1997.

уже не миф, а подлинная героическая личность. Золотов, чуткий свободолюбивый юноша, возмущенный реакционной воспитательной политикой директора Поморского, решил в компании с такими же самоотверженными и наивными товарищами убить Поморского. Бросил в квартиру директора бомбу; бомба взорвалась, но жандарм от просвещения остался цел, а юношей посадили в тюрьму. Просидевши здесь более года по приговору кровожадного царского суда, Золотов погиб от чахотки. Это было в 1911-1912 годах.

Как видим, кровожадным, по мнению работника культуры, был царский суд, а не маньяк, пытавшийся взорвать своего учителя вместе со всей семьей.

Чем объяснить такую нравственную ущербность интеллигенции? Конечно, это следствие её безрелигиозности, отхода от Церкви, который начался со времен Петровских реформ и продолжается поныне.

* * *

В тот памятный день Павел работал в мастерской один: Веня исчез с самого утра. На улице послышались крики, запахнулась дверь, и в помещение ворвались два гимназиста, здоровые парни с пробивающимися усиками.

- Эй, мастеровой, кончай работу, выходи на манифестацию.

Павел от неожиданности выронил шило из рук.

- А вы кто такие будете?

- Мы пролетарии, такие же, как ты. Сегодня наш праздник, пролетарский.

- Чего это вдруг? Понедельник сегодня. Никуда я не пойду. Крестьянин я, а не пролетарий.

- Ах ты, лапотник, мы тебе щас покажем классовую борьбу!

Гимназист пнул ногой столик с инструментом, тот с грохотом перевернулся. Павел вскочил, схватил толстую палку с деревянным сапогом-колодкой на конце.

- А ну, пошли вон!

В это время в дверях появился хозяин с бледным испуганным лицом.

- Павел, кончай работу, закрываю мастерскую...

Так Павел оказался в толпе крестьян, встретивших колонну демонстрантов на Гостинодворской площади. Когда боевики выстроились и направили револьверы на толпу, крестьяне опешили. Превосходство было явно не на их стороне, надо было расходиться. И тут раздался залп. Охнул и осел на землю мужик, стоящий рядом с Павлом, это был Николай — боч-

карь из Ивановской. Широко открыв глаза, он держался за живот, из-под пальцев у него сочилась кровь. Раздался дикий, в сто глоток, крик толпы, в котором смешались ужас, отчаяние и ярость. Стрелявшие, как нашкодившие мальчишки, бросились врассыпную, кое-кто побросал оружие. Вдали мелькнула Венькина рыжая шевелюра и зеленая рубаха. «Вот гад, к крамольникам подался», – пронеслось в голове у Павла.

Он и ещё десяток разъяренных крестьян погнались за группой боевиков. Те свернули в какой-то двор с высоким забором и заперли за собой ворота. Крестьяне стали ломиться в ворота, и тут изнутри несколько раз выстрелили. Павлу обожгло лоб. Он схватился за рану и почувствовал кровь. «Пуля в лоб. Это что, конец?» – промелькнуло в голове. Однако вместе со всеми отбежал от ворот и сел на траву.

- погоди, сынок, я тебе щас кровь вытру, – незнакомый мужик достал белую, видно, только что купленную женскую косынку, обтер Павлу лицо и стал промокать рану. – Не пужайся, – успокаивал он, – деревянные заусеницы торчат, щепкой тебе кожу содрало.

Павел, прижимая косынку ко лбу, поплелся к дому тети Марии, рассчитывая

застать там родителей. Так оно и вышло. Сначала охи, ахи, а через некоторое время Павел сидел на лавке, мать промывала ему ранку и приговаривала:

- Чево было соваться, куда не надо. Дураlei! С палками на леворверы.

Отец ругался на боевиков:

- Паскудники окаянные, чтоб им пусто было!

- Ой, что там творится! – говорила тетя Мария. – Дым валит, знать, подожгли что-то. Стреляют без конца. – Она терла в чашке сырую картофелину, потом выложила кашицу на бинт и обмотала Павлу голову. – Тебе, Павел, надо Бога благодарить, что пулю от тебя отвел. А еще за то, что раной этой тебя Господь увел от греха.

В деревню возвращались порожняком: непроданное зерно оставили у Марии, та обещала найти покупателя. Ехали по Глинковской улице, свернули направо и проехали мимо Николы на Глинках. Темнело, настроение было унылое, а тут еще застучало колесо у телеги.

- Где-то тут недалеко, на Золотушной набережной должна быть мастерская, – сказал отец.

Со стуком и скрежетом подкатили к воротам с надписью: «Каретная мастерская Девяткова». Их встретил сам хозяин –

мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с натруженными руками.

- Что, раненого везете? – кивнул он на Павла, сидящего в телеге с повязкой на лбу.

- От бунтовщиков пострадавший, – сказал отец. – Обстрелянный уже, хоть и на войне не бывал.

- Неужто под пулю попал?

- Рикошетом задело. Легко отделался. Николая-то, бочкаря, убили наповал. Знамо дело, управа раздала оружие молокосам, так чего хорошего ждать.

Отец вместе с хозяином занялись ремонтом: меняли колесную втулку и попутно обсуждали сегодняшние события. Отец возбужденно говорил:

- Кто у нас бунтует супротив власти? Не голодные, не раздетые, а студенты, что на казенном коште.

- От приезжих житья нету, – слышался голос хозяина. – Вооружились и распоряжаются у нас в городе, за нас решают, что нам делать – работать или идти на митинг.

- Вот народ-то наш вологодский их малость и окоротил. Гнездо ихнее сожгли и типографию разгромили, где они свои прокламации печатали.

С ремонтом управились быстро, и тут неожиданно для Павла состоялся разго-

вор, который определил его дальнейшую судьбу. Хозяин мастерской сказал ему:

- А ведь мы с тобой встречались. Не узнаёшь? Вместе вчера на исповедь стояли. И тётку твою я знаю, она мне говорила, что ты у сапожника в подмастерьях. Ну и как? Осваиваешь сапожное дело?

Павел недовольно махнул рукой:

- Неохота и вспоминать.

- А хочешь, иди ко мне в работники. Мне как раз нужен человек. Каретное дело, брат, такое, что всему научишься: и столярничать, и в кузне работать, и по слесарной части. Ученикам я плачу семь рублей в месяц, да бывают наградные за срочную работу. А если не городской, у меня для таких комнаты есть.

Подошел отец:

- А что, Павел, переходи к Дмитрию Кирилловичу, а то я гляжу, ты совсем с лица спал. Каждый день по десять верст туда и сюда. Только вы уж его, Дмитрий Кириллович, на сенокос да на жатву отпустите, сразу после Петровок.

- О чем разговор, сенокос да жатва — дело святое...

* * *

Приближалось Преображение — престольный праздник в родной деревне Павла. Накануне в домах делали уборку. Мать

Павла вымыла во всём доме полы, настлала чистые половики и принялась за пироги. Павлу она доверила протирать иконы и чистить мелом оклады, и он, разложив под её присмотром старинные образа, долго кропотливо трудился. Потом занялся большим медным самоваром: вынес его во двор и до блеска надраил толченым кирпичом. Братьям и сёстрам тоже не дали бездельничать: вручили заготовленные заранее голики и отправили подметать деревянную улицу. Отец водил купать коней к ручью, а, вернувшись, стал затапливать баню. В чулане томились, ожидая гостей, две больших корчаги хорошо выбродившего пива. Стояли еще две корчаги сладкого сусла — любимого напитка детей и женщин.

Утром в храме прошла праздничная служба, потом святили яблоки. Народ расходился в приподнятом настроении, все спасские чувствовали себя именинниками. У церковного крыльца, как всегда в престольный праздник, собрались нищие и увечные со всей волости. Их ждали: женщины подавали пироги и шанежки, мужчины одеяли копеечками.

Часам к трём стали подходить гости, кое-кто подъезжал на телегах. Взрослые мужики и бабы с детьми сразу расходи-

лись по родственникам, а молодёжь ещё на подходе к деревне выстраивалась шеренгами поперёк улицы. Сначала шли парни с гармошкой, за ними девушки. С песнями прошли вдоль улицы и обратно, потом двинулись к околице, где их ждала местная молодёжь. Сначала церемонно обменялись поклонами, потом бросились обниматься. Радостный гомон оглашал округу. Пошла весёлая пляска.

Павел стоял и ждал, когда придут бурцевские. Татьяну он за всё лето видел только трижды, да и то в компании, так что не удалось толком поговорить. Он с волнением ждал встречи. Сегодня он оделся по-праздничному: на нём была кумачовая рубаша с широким поясом, новые суконные штаны и хорошо смазанные дёгтем сапоги. Наконец он увидел свою Таню, подходившую в компании девушек. Ах, как она была хороша! Правда, похудела, стала смуглая от загара, но всё равно была самой красивой. И расшитая узорами светлая юбка, и казачок, и кружевной платок, и полусапожки – всё смотрелось на ней ладно и весело.

Павел едва успел перемолвиться с ней, как её подхватили подружки и увлекли плясать. Девушки образовали круг, поочередно выходили, приплясывая, и пели ча-

стушки. На круг выскочил сам гармонист Василий, тот самый парень, что ухаживал за Татьяной. С тальянкой в руках он остановился напротив неё и пропел:

Сероглазая сударушка,
Пойдёшь ли за меня?
Я на карем жеребёночке
Приеду по тебя.

Павел затаил дыхание. Что она ответит его сопернику? Татьяна оказалась умелой плясуньей. Она закружилась так, что юбка на ней стала колоколом, а от мелькающих узоров рябило в глазах. Потом она ловко отбила дробь ногами и запела:

Во саду берёзка выросла
Без летнего дождя.
Я дала словечко милому —
С другим гулять нельзя.

Василий сел на приготовленный для гармониста пенёк, но гармонь отдал своему дружку. Музыка продолжалась. На круг вышел немолодой холостяк, недавно вернувшийся из армии:

Что вы, девки, не любили,
Пока был я молодой.

А теперя моя рожа
Обрастает бородой.

Все захохотали. Павел собрался с духом и, пройдя круг, глядя на Татьяну, пропел:

Я тогда тебя забуду,
Ягодиночка моя,
Когда вырастет на камушке
Зелёная трава.

Татьяна, растягивая на плечах платок, и глядя Павлу в глаза, отвечала:

Я тогда тебя забуду,
Сероглазый дроля мой,
Когда вырастет на камешке
Цветочек голубой.

Вечером он провожал Таню домой. Шли в Бурцево большой компанией, почти все парами. Только что всех щедро угостили пирогами и свежим пивом, и усталости как не бывало. К деревне подходили, когда уже совсем стемнело, но вдруг, как по заказу, из-за туч выкатилась полная яркая луна, словно приглашая продолжить гулянье. Молодежь встретила ночное светило криками восторга. Разошлись кто куда, две парочки даже скрылись в овинах.

Деревня уже засыпала, лишь в отдельных окнах горел свет. Пахло молоком, свежим сеном, яблоками. Павел с Таней подошли к пруду, сели на лавочку под березой и долго заворожённо смотрели на лунную дорожку, что золотым мостиком протянулась от берега до берега. Наконец Павел решился: обнял свою зазнобушку и, словно в омут бросился, поцеловал ее первым в своей жизни, неумелым поцелуем. Какие мягкие были у неё губы, как затрепетала она вся и как сияли в лунном свете её изумленные глаза! Как бы хотелось, чтобы эти мгновенья никогда не кончались. Но вот она зашептала: «Пусти, Паша, мне домой пора, небось уже ищут меня». Он проводил Таню до дома, посмотрел из-за калитки, как она поднялась на крыльцо и помахала ему рукой, и даже услышал недовольный голос её матери: «Наконец-то пришла, гулёна».

Он шагал домой по освещённой луной дороге, будто на крыльях летел, душа его ликовала. Но только успел дойти до бурцевской выгороды, как услышал сзади голоса и топот ног. На его памяти в Спасов день ни разу не обошлось без драки, поэтому он, не теряя времени, вытащил из изгороди здоровенную жердину. Подбежали двое. Одного, высоченного, он сразу узнал

– это был тот самый Вася-гармонист. Подойдя ближе, Вася гаркнул:

- Так и есть, это Пашка Хитров! Это он, гад, наших девок отбивает. Щас мы его поучим малость.

Они стали заходить с разных сторон. Павел закрутил суковатой дубиной над головой:

- Что, двое на одного! Ну, давай, подходи!

Они остановились. Вася сказал:

- А что, Пашка, давай по-честному, один на один. Ты, Лёха, не лезь, – он кивнул в сторону дружка. – Давай так: кто одолеет, того и Татьяна будет. А другой, значит, к ней более не приставай. Ну что, лады?

«Да он, кажется, пьяный, – сообразил Павел. – Точно, даже издали самогоном разит. Вроде мой ровесник, а вино пьёт. И такой мою Татьяну обхаживает». Он сильно разозлился на пьяного Ваську.

- Что ж, давай, – сказал он. – Смотри только, чтоб всё по-честному. Значит, так: ногами не драться, ниже пояса не бить.

Павел слышал, что этот дуролом дерется жестоко и что с ним лучше не связываться. Но ведь и Павел тоже не новичок в кулачных боях и не раз выходил вместе с односельчанами биться стенка на стенку с парнями из соседних деревень. А прошлой

зимой он нашел в журнале «Нива» уроки английского бокса с подробными рисунками. Изучал внимательно, чтобы овладеть новыми приемами. Научился бить не так, как деревенские, а без замаха, быстро и точно. Отрабатывали приемы с братом, надев овчинные рукавицы, набитые паклей. Освоил и прямой удар в голову, и боковой по челюсти, и удар по корпусу, и уклоны, нырки, отскоки.

«Главное, не даваться ему в руки, а то подомнет», – размышлял Павел, снимая праздничную рубаху и бросая на изгородь. Голый по пояс, он встал в боевую стойку.

Да, ручищи у Васьки были как грабли, он с самого начала пытался загрести Павла к себе. Тот отскакивал, уворачивался, выбирая момент для точного удара, но дотянуться до Васькиной головы было не просто, а бить по груди бесполезно – всё равно что стучать по дубовой бочке. Всё-таки Васька схватил его за руку, сдавил, как клещами, и дёрнул на себя, но тут же получил мощный удар в голову. Разжав руку и смазнув кровь с губы, он рассвирепел и с медвежьим ревом бросился на противника, работая кулаками, как цепями на молотье. Павел растерялся, попятился к изгороди, закрываясь руками, и все-таки пропустил два тяжёлых удара,

от которых у него помутилось в голове. Мелькнула даже мысль — убежать, но тут же подумалось: он ведь не только себя защищает, но и Таню; как же быть ей, беззащитной. Нет, против этой ярости надо выставить точный расчёт.

Он отпрыгнул в сторону, поднырнул под летящий сбоку кулак и ударил врага под дых. Тот крякнул, согнулся, и Павел тут же нанес ему боковой удар в челюсть. Ваську крутануло, понесло в сторону, однако он устоял и снова бросился в атаку. Теперь его напор ослаб. Павел пугал его ложными движениями левой в живот, а сам бил правой в голову. Из разбитого Васькиного носа текла кровь, может быть, и хмель делал своё дело, но он явно выдыхался. Вот в который раз он бросился на Павла, пытаясь подмять его под себя, но нарвался на прямой встречный в челюсть и упал как подкошенный. Поднялся на четвереньки, но снова плюхнулся на землю и, лёжа на животе, стал выплёвывать кровь изо рта.

Павел стоял, тяжело дыша, не подозревая, какая опасность над ним нависла. Выручила луна: он вовремя заметил мелькнувшую по земле длинную тень и дернулся в сторону. Тяжёлая палка, обдирая кожу, скользнула по руке и врезалась

концом в землю. Он придавил этот конец ногой и, развернувшись, другой ногой изо всех оставшихся сил пнул в бок согнувшегося над палкой Лёшку. Тот упал и истошно завопил: «Лежачего не бьют!»...

Павел добирался домой долго. Остановился у ручья, с трудом разделся – пальцы еле слушались – и залез в воду. Омыл кровоточащую ссадину на руке, кровоподтёки. Потом отмачивал разбитые костяшки пальцев, чувствуя, как от холодной воды стихает жгучая боль. Выйдя из воды, отряхнулся, кое-как натянул на мокрое тело штаны и рубаху и дальше шёл посвежевший. Усталость проходила, появлялось чувство гордости за одержанную победу. Он еще не знал, что, повзрослев и уже помирившись с Василием, будет вспоминать о жестокой драке со стыдом, и ещё долго совесть будет укорять его, омрачая светлое воспоминание о первом поцелуе...

Прошло, прокатилось трудовое крестьянское лето. Северное недолгое лето со светлыми ночами в июне и звёздными в августе, с июльской жарой и грозами, с одуряющими запахами скошенных трав и звенящей тишиной лесных ягодных полян. К сентябрю сложили стога, смолотили рожь и ячмень, околотили и постлали лен, а потом свезли тресту на гумно. В на-

Столыпиним. Тот напутствовал молодого губернатора:

- Вологда – город небольшой, старинный. Мы туда ссылаем революционеров под надзор, и, представьте себе, кое-кто исправляется. Наверное, влияет патриархальная обстановка. Вот Бердяев, слышали о таком? Ну так вот, был ярым марксистом, а пожил три года в Вологде – и начисто отошел от марксизма, занялся религиозной философией. Этот край не знал крепостного права, да и помещиков там мало. Может быть, поэтому там до сих пор никаких погромов помещичьих усадеб не было. А то, что произошло недавно в городе, непонятно. Разберитесь, Алексей Николаевич. Полномочия у вас самые широкие. Как говорится, и казнить, и миловать.

На прощанье, пожимая Хвостову руку, Петр Аркадьевич сказал:

- Мы должны справедливо и твердо охранять порядок в России. От этого зависит наша судьба и судьба наших потомков.

Приехав в Вологду, новый губернатор начал действовать решительно: распустил незаконный Союз охраны с его милицией, запретил проведение без разрешения администрации митингов и демонстраций, запретил продажу оружия. Ввёл наказание за нарушение указов губернатора.

Как-то очень быстро и умело он подобрал себе верных помощников. Провели ревизию в городской управе, и весь её состав был отдан под суд: часть чиновников обвинялась в растрате казенных средств, часть – в организации вооруженного формирования из поднадзорных ссыльных. Был привлечен к суду и председатель губернской управы В.А. Кудрявый, несмотря на то, что был избран членом Государственного Совета. Под судом оказались участники первомайских беспорядков, а также 11 организаторов забастовки на Вологодском железнодорожном узле⁹.

Веселый нрав и добродушный вид губернатора сначала обманывали его подчиненных. Его пытались ублажить, приглашая на роскошные банкеты, на охоту, предлагая подарки. Он всегда отвечал отказом, шутливо, но твердо. В таком случае обычно находился надежный путь: действовать через жену, но она пока не появлялась в Вологде.

Хмурым осенним деньком вологодский губернатор сидел у себя в кабинете и писал письмо в Санкт-Петербург с ходатайством об увеличении штатов полиции в Вологде.

⁹ Впоследствии часть подсудимых скрылась от правосудия, часть была оправдана судом присяжных.

«...Город Вологда в последнее время вступил на путь быстрого и всестороннего развития. Присущий городу ранее характер глухой провинции утратился, и появилось много пришлого люда.

По сведениям местного статистического комитета, население г. Вологды составляет 30542 человека, но в действительности за счет пришедших рабочих достигает 35 тысяч. Число политических ссыльных в настоящее время 250 человек. При этом штатная численность городских 69 чел. Этого явно недостаточно для борьбы с уличным хулиганством, кражами, побоями, для поддержания благочиния на улицах...»

В кабинет вошел секретарь.

- Ваше превосходительство, к вам владыка Никон.

- Проси, — Хвостов вышел из-за стола навстречу гостю.

Епископ Вологодский и Тотемский Никон (в миру Николай Иванович Рождественский) только на днях приступил к управлению епархией взамен ушедшего на покой епископа Алексия. До этого он был епископом Серпуховским, викарием Московской епархии. Владыка Никон был широко известен как составитель Троицких листков, выпускавшихся для духов-

ного просвещения народа. Листки эти народ разносил из Троице-Сергиевой лавры по всем уголкам России, а книга Владыки Никона о Преподобном Сергии Радонежском издавалась уже дважды. Поговаривали, что его назначение в провинцию – это реакция Синода на слишком рьяно высказываемые им на страницах газет обвинения в адрес либералов.

Сразу же по приезде владыка отдал распоряжение во всех храмах Вологды 29 августа (в день усекновения главы Иоанна Предтечи) совершить молитвенное поминовение «всех во дни смуты и междоусобной брани за веру, Царя и Отечество убиенных православных христиан».

Хвостов подошел к владыке под благословение. Потом предложил ему кресло и сам сел напротив. Эти два человека внешне разительно отличались друг от друга. Один – молодой, полный, круглолицый, в раззолоченном мундире, другой – в монашеском одеянии, с лицом аскета и серьезным внимательным взглядом умного пожилого человека.

- Вот где нам с вами пришлось встретиться, Владыко, – начал разговор хозяин кабинета. – Ну что же, потрудимся вместе на благо матушки России. Я ваши статьи

читал и ваши взгляды мне известны. Думаю, что мы с вами единомышленники.

- И слава Богу, Алексей Николаевич. Позвольте мне вас так называть на правах старого знакомого. Мне кажется, что здесь в Вологде вам удалось справиться с беспорядками.

- Что же, успехи есть. Главное, удалось разогнать это гнездо, что свили ссыльные бунтовщики под прикрытием либералов. Представляете, встречали ссыльных как родных детей, кормили, одевали, вооружали, потом хлопотали об амнистии и провозжали вместе с оружием делать свои дела по всей России. — Хвостов забавными жестами изображал встречу и расставание. — Ну да ладно, прикрыли эту лавочку. Но заслуга в этом не только моя, но и моих новых друзей из Союза Русского Народа. Считаю, что такая организация должна быть в каждом городе. Только союз власти и простого народа позволит предотвратить революцию. В Вологде отделение этого Союза возглавляют помещик Брянчанинов и Анна Ивановна Караулова, жена нашего земского начальника. Кстати, вчера я получил от них прошение: просят удалить ссыльных из Вологды, поскольку они творят здесь много зла. Что ж, будем стараться рассылать их по отдаленным уездам,

там у них будет меньше возможности организовать.

- Я думаю, Алексей Николаевич, мы с вами ещё об этом поговорим. А сейчас я пришел к вам с просьбой вполне прозаической: помогите найти средства для ремонта Софийского собора. Здание нужно капитально подновить. Последний раз его ремонтировали перед приездом в Вологду Государя Императора Александра II в 1858 году.

Хлыстов посерьёзней и нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

- Теперь, Владыко, губернаторы никакими финансами не распоряжаются, кроме своего жалования. Ни финансовыми, ни промышленными, ни строительными делами. У губернатора задача одна – поддерживать порядок в губернии. А с вашей просьбой надо бы идти в городскую управу, но это бесполезно: казна у них пуста... Я могу вам помочь вот чем: организовать сбор пожертвований. Сегодня же присылайте вашего человека, он с моим помощником пойдет с кружкой. Пусть начнут с чиновников, их у нас немало. С меня первого. У купцов можно будет строительные материалы просить. К сожалению, Вологда – город бедный. Это не Новгород, не Ярославль. Нет здесь ни богатых купцов,

ни промышленников. Но, как говорится, с миру по нитке...

Выпили чаю, вспомнили общих московских знакомых. Владыка припомнил тяжелые и позорные для Москвы дни октябрьских забастовок и декабрьского восстания.

- Нас, русских людей, поносили, оплевывали, а в революционных подпольных листовках приговаривали к смерти...

Потом он заговорил о новых печатных изданиях:

- Эти либеральные журналисты – настоящие прелюбодеи печатного слова. Они разрушают духовные основы нашего бытия.

Хвостов оживился и даже захохотал, услышав, как загомонила либеральная печать, когда в «Московских ведомостях» вышла статья Владыки «Что нам делать в эти тревожные дни».

- С вашего позволения, Владыко, хочу вернуться к вологодским делам. Революционную заразу искоренить не просто, и во многом здесь виновата наша семинария. – Хвостов показал в окно, где виднелось здание семинарии. – Кто возмущал спокойствие горожан 1 мая? Большею частью семинаристы. У меня есть сведения, что и сейчас там беспорядки творятся. На-

стоятельно прошу вас принять самые радикальные меры. Это в ваших руках, Владыко!

* * *

Стояло свежее майское утро 1907 года. Епископ Никон вошел в свой кабинет и, как всегда, первым делом подошел к окну, потянул за шнур, раздвигая тяжелые бархатные шторы. В архиерейском садике царило настоящее лето. Он приоткрыл оконную раму и увидел, как рыжая белка метнулась со ствола высокой сосны на ветку и, распушив хвост, перелетела на подоконник.

- Ну, здравствуй, красавица хвостатая, — сказал Владыка. Он положил на подоконник несколько орешков, заранее приготовленных для старой знакомой, и полюбовался на лесного грызуна, ловко разгызавшего крепкую скорлупу.

Хорошо здесь, в тихой Вологде. Владыка только вчера вернулся из Санкт-Петербурга, где участвовал в шумных заседаниях Государственного Совета. Почему-то именно его решили выдвинуть членом этого органа от Святейшего Синода. А здесь, в его епархии, дел накопилось немало. Он подошел к большой иконе Спасителя, кратко помолился, сел за стол и принялся за чтение бумаг.

Прочитав доклад благочинного из Великого Устюга, епископ помрачнел. Опять в духовном училище непорядок. Двое учащихся попали в полицию за пьяный дебош на улице. А у троих при обыске нашли революционные брошюры. Смотритель училища брошюры отобрал, а учащихся посадил в карцер. Это правильно, но этим дело не исправишь. Надо разъяснять всю никчемность и порочность революционных учений, чтобы юноши сами эти книжонки выбрасывали.

Владыка задумался. После памятного разговора с губернатором он сменил руководство семинарией, ужесточил дисциплину. Видно, надо и в Устюжском училище другого смотрителя ставить. Образованный человек нужен. Владыка вспомнил своё недавнее посещение Вологодской семинарии. Он тогда посидел на нескольких занятиях и остался доволен. Один преподаватель выделялся особенно, судя по всему — это эрудит и умница. Как он четко разъяснил учащимся, что христианский социализм — это очередная ересь. И коммунистические утопии попутно развенчал. Как же его фамилия? Кажется, Богословский.

Владыка, медленно разгибаясь и держась за поясницу, встал из-за стола, вы-

шел в приемную и попросил секретаря принести личные дела преподавателей семинарии. Через 20 минут нужная папка была в руках у владыки. Он открыл ее и прочитал:

«Богословский Константин Александрович.

Родился 17 февраля 1871 года в селе Борисоглебское Грязовецкого уезда Вологодской губернии.

Отец – Александр Григорьевич Богословский – был священником Борисо-Глебской Ельниковской церкви, происходил из духовного сословия, из рода Непеиных.

Мать – Любовь Фёдоровна – была дочерью священника.

В семье было ещё 7 детей: 3 брата и 4 сестры.

В 1891 г. окончил Вологодскую духовную семинарию и в 1895 г. – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия.

В 1895–1896 годах преподавал Закон Божий и русский язык в Вологодском епархиальном женском училище.

В 1896–1899 годах преподавал русский и церковнославянский языки, чистописанье и арифметику в Устьсысольском духовном училище.

Приказом Обер-прокурора Синода от 15 октября 1899 года был назначен преподавателем на кафедру истории и обличения русского раскола Вологодской духовной семинарии.

Преподает в семинарии обличительное богословие, историю и обличение русского раскола и местных сект, а также Священное Писание. Параллельно ведет уроки русского языка в Вологодском епархиальном женском училище и уроки Закона Божия в Вологодской губернской гимназии.

Жена — Анимаиса Ивановна Богословская, урождённая Федоровская — дочь священника, выпускница Епархиального училища.

Научные труды. В 1898 году в Харькове была издана монография, основанная на материале кандидатской диссертации, — «Государственное положение Римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени».

Церковно-общественная деятельность. С 1900 года входит в Вологодский Комитет Православного Миссионерского Общества. Является делопроизводителем Совета Вологодского Православного Церковного Братства во имя Всемилощивого Спаса.

Награды и звания. Кавалер орденов св. Станислава 3-й степени и св. Анны 3-й степени. С 1904 года носит звание коллежского советника».

На другой день владыка пригласил к себе Богословского. В точно назначенное время тот вошёл в кабинет и, сильно прихрамывая, подошел под благословение. Это был мужчина среднего роста, с доброжелательным взглядом небольших серых глаз, высоким лбом, вьющимися волосами и небольшой бородкой.

Владыка начал разговор с событий, происшедших год назад:

- Константин Александрович, вы здешний коренной житель и должны хорошо знать местных крестьян. Скажите, все эти прошлогодние беспорядки, возмущения крестьян были вызваны только закрытием торговли?

Константин Александрович некоторое время собирался с мыслями, теребя бородку. Он заговорил, сначала несколько волнуясь, но вскоре его голос обрёл привычный ритм опытного преподавателя.

- Нет, Ваше Преосвященство, не только из-за торговли. Смиранный севернорусский крестьянин не станет из-за этого жечь книги, избивать семинаристов и

гимназистов. Есть нечто другое, что заставило толпу обезуметь от ярости. Это оскорбление Царя, что для крестьянина равносильно оскорблению святыни, и поэтому воспринималось очень болезненно. А люди, совершившие святотатство, воспринимаются как чужаки, как враги. К таким людям испытывают отвращение и страх, а это, в свою очередь, порождает жестокость и агрессию.

- Да, вы правы. Имя царя для простого народа свято. Всегда бунтовщики, чтобы привлечь народ, объявляли себя наследниками престола. И Лжедмитрий, и Разин, и Пугачёв. Они понимали, что против царя народ бунтовать не будет... Да, не будет, – повторил Владыка и задумался. – Если только его не собьют с толку, не подорвут веру в царя.

Владыка ещё раз внимательно посмотрел на своего собеседника.

- Константин Александрович, я хочу вам предложить место смотрителя Великоустюжского духовного училища.

На лице собеседника отразилось удивление.

- Но, Ваше Преосвященство, насколько я знаю, на этой должности должен быть священник.

- Да, таково требование Синода. Но, я думаю, вы достойны священного сана.

- Видите ли, Владыко, у меня серьёзный физический недостаток – врождённый подвывих бедра. Я сильно хромаю, и это неизлечимо. Потому мне до сих пор и не предлагали принять духовный сан.

- Да, я понимаю, но думаю, что эта хромота не помешает вам служить Литургию.

5 июня 1907 года вышел указ Синода, по которому Константин Александрович назначался на должность смотрителя Великоустюжского училища. 30 июля 1907 года К. А. Богословский был рукоположен епископом Никоном в сан диакона, а 1 августа – в сан иерея.

3. НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ. 1917 г.

- Ну, я пошел, оставайтесь с Богом, – говорил Павел своей жене, уходя поутру на работу. Был конец февраля, но на дворе стояла настоящая зима, и Павел, как всегда, надел валенки и овчинный тулуп.

- Придешь сегодня обедать? – спрашивала Татьяна.

- Приду, скорее всего. Кажется, сегодня никуда ехать не надо.

По полу зашлепали босые детские ножки, из комнатки выскочил старший сын, восьмилетний Гриша:

- Тятя, можно я приду к тебе в кузню?

Еще один, уже совсем тонкий голосок, слышался из-за полуоткрытых дверей:

- И я тоже хотю в кузню. Хотю мехи катать.

Это проснулся младший сын, пятилетний Ваня.

- У мамки проситесь. Коли отпустит, так приходите.

Десять лет назад Павел женился, отслужил в армии и теперь работал в каретной мастерской Девяткова. Работа ему нравилась, да и заработки сначала казались неплохими: он получал в месяц не менее двадцати рублей. Снимал домик поблизо-

сти от мастерской и уже было подумывал о покупке собственного дома, но помешала война. Цены на продукты росли так быстро, что едва хватало на еду. Выручала деревня: родители иногда подбрасывали кое-что. Хорошо, хозяину удалось заключить договор на изготовление продукции для армии: делали санитарные повозки для госпиталей, ремонтировали пожарные экипажи. Все три мастера, в том числе и Павел, были освобождены от армейской службы.

Сам Дмитрий Кириллович заметно постарел, но был еще полон сил и вынашивал планы после войны освоить в своей мастерской ремонт автомобилей. Уже с десятков диковинных самодвижущихся экипажей разных марок катались по улицам города, пугая жителей ревом моторов и заставляя зажимать носы от бензинового чада.

Дом Девяткова стоял на Золотушной набережной. Это было старинное двухэтажное здание с мезонином. Нижний этаж каменный, верхний – деревянный. Стена с пятью окнами выходила на улицу, а фасад с колоннами и с большим резным крыльцом – во двор. Там был выстроен корпус, в нижнем этаже которого размещались мастерские: слесарная, столярная, малярная

и кузница. На втором этаже корпуса – общежитие для молодых рабочих-учеников, столовая, кухня, где кухарка готовила завтраки, обеды и ужины для рабочих. Здесь же была контора, в которой сидел хозяин. Он один управлялся со всей канцелярией и бухгалтерией, ведал закупками материалов, каждую субботу самолично выдавал заработную плату рабочим. Как-то, зайдя в контору, Павел застал хозяина склонившимся над чертежной доской.

- Вот он, мой проект. Лебединая песнь, – сказал тогда Дмитрий Кириллович, показывая на чертеж. – Автомобиль на древесном топливе. На одной березовой чурке проедет 50 верст. Смотри сюда: двигатель закреплен на пружинах, чтоб вибрацию уменьшить. А рессоры – как в нашей лучшей коляске, никакие ухабы не страшны. Вот доведу конструкцию до ума и думаю сделать опытный образец. Сыновей подключу, и твоя, Павел, помощь понадобится.

Работы было много. Вот и сегодня: не успел Павел прийти, а его уже ждал извозчик, чтобы подковать лошадь на все четыре ноги. Со старой кобылой Павел управлялся быстро, а вот следом за ней мещанин привел молодого жеребца, которого с трудом удалось загнать в станок. Потом

пришлось немало повозиться, чтобы ремнями привязать конские ноги к стойкам. А когда Павел приложил к копыту подобранныю по размеру горячую подкову, то конь начал вздрагивать всем телом, мешая забивать подковные гвозди. Закончив с лошадьми, Павел подключился к бригаде, изготавливающей повозки. Молодой парень, подмастерье, подкатывал к кузнице колесо и насаживал его втулкой на стержень, укрепленный на каменном жернове. Павел длинными щипцами вытаскивал из горна сильно разогретую железную шину и вместе с помощником надевал на обод колеса. Когда шина остывала и стягивала обод, он закреплял её заклепками.

Дети не пришли – видно, Татьяна непустила. Зато пришел младший сын Девяткова, десятилетний Николай, любивший бывать в кузнице. Мальчик был очень любознательный, смысленый, учился в реальном училище. Толстенные книги Жюль Верна прочитывал одну за другой. Вместе с отцом сделали у себя во дворе телеграф: протянули провода между конторой и мастерской.

Павел поставил Колю качать меха, тот делал это с азартом, глядя внутрь горна, где в воздушных струях шевелились раскаленные угли. От жары он снял рубашку,

и Павел увидел на груди мальчика еле заметный рубец, оставшийся после памятного события, случившегося пять лет назад.

Тогда Девятковы решили всей семьей поехать на вечернюю службу в церковь, где хранилась чудотворная икона Божией Матери «Семистрельная», за 15 верст от города. Хозяин хорошо относился к Павлу, знал его как человека надежного и богобоязненного, и поэтому пригласил его ехать с ними. Ехали на линейке — экипаже, удобном для летних прогулок, с продольным кожаным сиденьем, где разместились Дмитрий Кириллович с женой и четверо детей. Все наслаждались ездой, правда, дети под конец разбаловались: Павел, сидящий на козлах, слышал неумолкающий детский гомон. Церковь стояла на холме, внизу протекала речка. Когда спускались к мосту, Павел услышал истошный детский визг и сразу затормозил. Оказалось, что Коля слетел с сиденья и попал под экипаж. Мальчика достали, сначала он был в беспамятстве, потом зашелся в плаче. На груди у Коли обнаружилась розовая полоса — значит, заднее колесо переехало через него. Отец, бледный как полотно, с ребенком на руках собрался где-то искать доктора, но мать настояла, чтобы ехали дальше в церковь.

- А чего, хуже-то не будет. Ведь до чего дожили, в городе хвосты за хлебом да за сахаром.

Вася поддержал:

- От войны устали, конца ей не видно. В деревне рук не хватает, мужики на фронте. Убитых немало. А германцы всё прут. Говорят, измена у нас аж на самом верху. – Он показал пятерней вверх. – Нету к ним больше доверия.

- Неизвестно еще, что дальше будет... – растерянно сказал Павел...

Второго марта Вологодская городская дума обратилась с призывом к населению: проникнуться величием момента и соблюдать спокойствие. В этот же день был избран орган революционной власти – Временный губернский правительственный комитет, ставший на тот момент реальным представителем Всероссийского Временного правительства. Председателем комитета стал член партии кадетов Виктор Андреевич Кудрявый. Вологодский губернатор А. В. Арапов добровольно сложил с себя полномочия.

* * *

Стоял жаркий июль 1917 года. Война продолжалась. После февральской революции в городе мало что изменилось, разве

что очереди в хлебные лавки стали длиннее, а сахар давали только по карточкам. Губернские и уездные управы переименовали во временные комитеты, а их председатели теперь назывались комиссарами. В деревне тем более не было заметно изменений. Шли выборы в Учредительное Собрание, которому предстояло стать главным органом власти в стране. Почти везде большинство голосов получали эсеры.

Девятков набрал в свою мастерскую молодых парней, и теперь работали в две смены. Как-то Павел увидел, что старший сын хозяина, Иван, зашел во двор вместе с гостем.

- Павел, — крикнул он, — иди сюда, познакомься.

Тот снял фартук, вытер ветошью руки и подошел.

- Это мой друг, Алексей, тоже крестьянский сын, как и ты. Пишет стихи. Ты ведь любишь стихи читать. Посмотри-ка, здесь его творения напечатаны.

Павел взял протянутую ему газету под названием «Дело народа. Орган партии социалистов-революционеров. Петроград». Под стихотворными столбиками значилась подпись: Алексей Ганин. Павел посмотрел на автора стихов. Это был коренастый блондин с большими голубы-

ми глазами и белыми бровями.

- Можно, я возьму стихи домой почитать? – спросил Павел.

- Забирайте газету насовсем, – смущенно сказал Алексей. – У меня много экземпляров.

Дома после вечерней молитвы Павел читал Татьяне стихи Ганина:

Отгони свои думы лукавые,
Полуденного беса молву;
Что-то светятся тучки кудрявые,
Чьи-то тени ложатся в траву...

Море свеч в небесах засветилось,
Сходят сонмы крылатых гостей,
И на скорби с небесного клироса
Льётся пенье бесплотных детей.

Близок свет. Перед радостной встречею
Причащаются травы росой.
Поклонись и мольбой человеческою
Не смуди голубиный покой.

Голос у Павла задрожал. Татьяна утирала слезы...

Через два дня Иван Девятков обратился к Павлу с просьбой:

- Отвези нас завтра с утра на дачу в Толстиково. Я с отцом договорился, он тебя

отпускает. Отдохнем денек. Целая компания едет: я, Ганин и его приятель с подругой.

Павел был очень рад съездить в родные места, ведь дача Девятковых находилась недалеко от его родного села. На другой день утром он приготовил четырехместную пролётку на рессорах, запряг в неё серого жеребца и вскоре уже вёз Ивана и Алексея к гостинице «Пассаж», что на Каменном мосту. Там предстояло посадить еще двух пассажиров и потом уже ехать в Толстиково.

- Алексей, почитай-ка что-нибудь из нового, – попросил Иван. Тот помолчал, потом начал медленно, нараспев:

Русалка – зелёные косы,
Не бойся испуганных глаз,
На сером оглохшем утесе
Продли нецелованный час...

Она далеко – не услышит,
Услышит – забудет скорей;
Ей сказками на сердце дышит
Разбойник с кудрявых полей.

Павел повернулся на козлах вполоборота, но слышал далеко не всё. Зато громкий голос Ивана донесся до него отчётливо:

- Это ты о своей Зиночке. Я вижу, ты до сих пор её любишь. Так что же ты так легко уступаешь её другому, «разбойнику с кудрявых полей»?

- Именно потому, что я её люблю. Ей с Серёжей будет лучше.

Подъехали к гостинице. Алексей пошел за своими друзьями. Иван рассказывал:

- Серёга – парень бойкий, не то что наш смирный Алёша. Тоже стихи пишет. Говорят, в Москве о нём слава идет. Они в армии подружились, оба служили в госпитале, в Петрограде. Алеша был фельдшером, а Сергей просто санитаром. А сейчас им отпуск дали. Алеша возил Сергея и Зину к себе на родину, в деревню Коншино, под Кадниковом. Погостили, а теперь возвращаются в Петроград. Зина там работает машинисткой в редакции газеты «Дело народа».

Наконец все трое вышли из гостиницы. Сергей оказался очень похожим на Алексея, и одеты были оба в одинаковые светло-серые костюмы, только волосы у Сергея были красивые, волнистые. А вот Зинаида совсем не понравилась Павлу. «Нерусская. Цыганка, что ли? И кос никаких нет, стриженная. А вот на русалку похожа. Видно, привораживает». Вспомнилась иллюстрация из журнала

«Нива»: «Сирены заманивают мореплавателей».

Бойко стучали копыта, пролётка летела по наезженной дороге. Пассажиры о чём-то весело переговаривались, до Павла то и дело долетал беспечный женский смех. Когда выехали из города, все примолкли, любуясь окрестностями. Мимо тянулись деревни, перелески, золотились на солнце купола церквушек, уходили вдаль поля колосающейся ржи. Запах спелых колосьев стоял в воздухе. Алексей нарушил молчание:

- «И выгибаются дугою, целуясь с матерью землёю, колосья бесконечных нив». Так, кажется, у Некрасова сказано. А, Сергей?

Сергей молчал, погружённый в свои мысли.

Проехали по Пошехонскому тракту, версты три, потом свернули налево и, проехав по проселочной дороге ещё три версты, оказались у загородного дома Девятковых. Это был добротный деревянный дом в два этажа, стоящий на пологом склоне холма. Места вокруг были красивейшие. Внизу текла неширокая речка¹¹, на другой стороне тянулись холмы, поросшие хвойным лесом.

¹¹ Ныне ручей Шограш.

Их встречали братья Ивана: Митя, недавно закончивший гимназию, и десятилетний Коля. Все были радостные, возбуждённые. На крыльце появилась их сестра Лена, за ней вышла мать и пригласила гостей в дом. Но тут вдруг Сергей, держа свою девушку за руку, громко объявил:

- Мы с Зиной решили обвенчаться. Я вижу, у вас тут церковь рядом.

Кажется, никто особенно не удивился. Алексей, который уже собирался заходить в дом, спустился с крыльца и каким-то глухим голосом сказал:

- Я пойду с попом договариваться.

Павел, который распрягал коня и давал ему корм, видел, как Сергей с Митей пошли на холм и вскоре вернулись. Сергей держал в руках большой букет полевых цветов.

- Хороши у вас поля, – говорил он. – У нас на Рязанщине к концу июля травы уже сникают. Вот только васильков в букете не хватает. Зина васильки обожает. Где тут у вас рожь растёт?

- А вот по этой дорожке идти – и будет ржаное поле, – отвечал Митя, – только это более версты будет.

- А можно, я на лошадке поскачу? – Сергей отдал Мите букет, подошел к жеребцу и похлопал его по холке.

- А седла-то у нас нету, – сказал Павел.

- Ничего, мы и так привыкшие. Узда есть, и ладно.

Он снял рубашку и, оставшись голым по пояс, с ловкостью крестьянского парня вскочил на коня, с места перешел на рысь.

- Брожу по синим селам, такая благодать, отчаянный, весёлый... – только и донеслось до Павла. Он смотрел, как подпрыгивает в такт коню по-мальчишески упругое тело Сергея и развеваются на ветру его льняные кудри...

Венчание Сергея Есенина и Зинаиды Райх состоялось в старинной каменной церкви, освященной в честь святых Кирика и Иулитты, в деревне Толстикovo Вологодского уезда. Совершал Таинство венчания священник Виктор Певгов, псаломщиком был Алексей Кратиров. Шаферы со стороны невесты – Алексей Ганин и Дмитрий Девятков, со стороны жениха – Павел Хитров, крестьянин села Спасское, и Сергей Бараев, крестьянин села Устье. В церкви присутствовала почти вся семья Девятковых. Лица у всех были радостные, всем казалось, что их ожидает долгая счастливая жизнь.

До октябрьского переворота оставалось три месяца.

4. ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИИ. 1917 – 1918 гг.

Дверь за спиной захлопнулась, лязгнули засовы, и Хвостов очутился в большой камере, заставленной деревянными нарами. На всех нарах сидели люди, было жарко и душно. На него посмотрели, но без особого любопытства. Лишь один заключенный махнул рукой:

- Алексей Николаевич, это вы? Идите сюда, здесь пока свободно.

Хвостов подошел к бородатому старику, взглядываясь ему в лицо. Неужели Маклаков?

- Николай Александрович? С трудом вас узнал.

- Так ведь и вас узнать не просто. Только по мундиру вашему и опознал. Правда, теперь он вам великоват.

Да, действительно, мундир сидел на Хвостове мешком. Со дня ареста в марте 1917 года он сбавил, наверное, килограммов двадцать. Алексей Николаевич устроился по соседству с Маклаковым, которого он знал как беззаветно преданного Царю человека. Когда-то он, Хвостов, сменил Маклакова на посту министра внутренних дел, потом они вместе заседали в Госсовете, вместе вошли в руководство Союза русского народа.

Хвостов огляделся. Он видел знакомые лица: вот Степан Петрович Белецкий, бывший глава департамента полиции, сенатор, а вот Иван Григорьевич Щегловитов, бессменный министр юстиции. Видно, здесь собрали активных сторонников монархии.

Хвостов провел руками по лицу:

- Николай Александрович, а побриться здесь нельзя?

- Нет, это вам не Петропавловские казематы, здесь тюрьма Московской ЧК. Отпускайте бороду, как я.

- Вы про расстрел Государя Императора слышали? – спросил Хвостов.

- Недавно узнал. Какое злодеяние! Говорят, всю семью... – голос у Маклакова сорвался.

- Все как во Франции: штурм Бастилии, казнь королевской семьи, якобинцы, Дантон, Робеспьер...

- Ну, вы хватили, Алексей Николаевич. Во Франции гильотина работала не переставая.

- И у нас начинается то же самое. Только вместо гильотины маузеры. Вы думаете, большевики нас пощадят? Не надейтесь.

- А какой им смысл нас убивать? Ну, Государя Императора – это понятно: он мог послужить живым знаменем сопро-

тивления. А мы что?... Мне тут сказали по секрету, — Маклаков перешел на шепот, — большевики хотят нас на свою сторону привлечь. Предложат: или с ними сотрудничать, или уезжать за границу. Поведут нас на переговоры к Ленину или к Троцкому. Для этого и в Москву привезли. Им наш опыт государственников нужен.

Хвостов не стал спорить. Маклаков всегда был слишком доверчив, пусть тешит себя надеждой. Он-то хорошо знал этих революционеров, знал их логику убийц и разрушителей. Шансов у патриотов России никаких нет. Рухнула огромная империя, и все они погибнут под её обломками. То, что так произойдет, стало ясно, когда все эти родзянки, гучковы, шульгины обманом вынудили Государя подписать отречение. Разве они, эти присяжные поверенные, знали, как управлять государством? За несколько месяцев развалили армию, полицию и вообще все важнейшие государственные механизмы. В итоге шайка пройдох без всякого труда взяла власть. И теперь сидят в Кремле хитрые бестии, лишённые каких-либо нравственных устоев. Они обманули доверчивых бедняков, посулив им богатство; уставшему от войны народу обещали мир и, главное, ментально создали карательные органы

из наемников и освобожденных из тюрем бандитов-головорезов. Теперь пойдет по России такая резня, по сравнению с которой бунты Разина и Пугачева покажутся детской шалостью.

Он, Хвостов, изо всех сил боролся с надвигавшейся революцией. Сначала на посту вологодского губернатора, потом нижегородского, потом в Государственной Думе, где возглавлял партию правых. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Число убитых от рук террористов исчислялось тысячами. Его дядя, Сергей Алексеевич Хвостов, пензенский губернатор, погиб в 1906 году при взрыве на даче Столыпина. Другой дядя — Алексей Алексеевич, черниговский губернатор, после покушения лишился зрения. Тогда патриотам удалось подавить революцию, уничтожить террористов. Всё это благодаря твердой воле Столыпина, хотя он и сам погиб в этой кровавой схватке.

Россия выходила на путь экономического процветания. Грянувшая внезапно война спутала планы, но она могла лишь отсрочить расцвет империи. К 1917 году силы Германии были на исходе, а в России военная промышленность ещё только вышла на нужный уровень и, наконец, наладилось снабжение фронта всем необ-

ходимым. Формировались новые армии, готовилось решающее наступление. Близилась победа.

Удар по России был нанесён изнутри: враги решили подорвать репутацию монарха, очернить Царскую семью. Появились непонятно где и как изданные брошюры с нелепыми, грязными вымыслами и злобными карикатурами. Вершиной этой кампании стала речь Милюкова на заседании Думы, где он прозрачно намекнул на то, что императрица передает военные секреты германскому командованию. Этим оратор объяснил неудачи на фронте. Речь появилась во всех газетах, и ничем не подтвержденная версия пошла гулять по стране.

То, что эта милюковская версия — очевидная «развесистая клюква», для Хвостова было очевидно, как и для всякого, кто хоть немного знал императрицу и образ её жизни. Несмотря на немецкое происхождение, Александра Федоровна стала русской патриоткой и настолько укоренилась в православной вере, что дамы высшего света с недоумением говорили: «Она верует, как простая крестьянка». В конце концов, немецкой крови в ней было столько же, сколько английской. Вообще, высший свет недолюбливал Цар-

скую семью: слишком уж необщительную и замкнутую жизнь вели венценосные супруги со своими детьми, чуждаясь принятых в аристократическом кругу развлечений: балов, званых обедов, театров. Не потому ли, когда Государь был отстранен от власти, большинство аристократов откровенно радовались. Даже родственники Царя, великие князья, щеголяли с красными бантами. Какая тупость и слепота! Ведь история не раз показывала, какие страшные вещи происходят, когда пресекается династия. Ну, допустим, о Смутном времени в России в начале XVII века все забыли, но историю Франции обычно изучают хорошо и наверняка многие нынешние аристократы ещё застали в лицах учителей-французов, сбежавших в Россию от якобинского террора. И наверняка от них слышали, что Франция после революции и последующих наполеоновских войн превратилась из могущественной державы во второразрядную страну, уменьшив своё население почти на треть.

Можно было предвидеть, что та же участь угрожает России. В ноябре 1916 года кружок монархистов, куда входил А.Н. Хвостов, подготовил для Государя записку, в которой указывалось, что Дума при поддержке так называемых обще-

ственных организаций вступает на явно революционный путь. В записке предлагался ряд решительных мер для подавления готовящегося мятежа: назначить на высшие посты только лиц, преданных Самодержавию; распустить Госдуму без указания срока её созыва; ввести военное положение в столицах и больших городах; закрыть все органы левой и революционной печати и т.д. Видимо, эти предложения были сочувственно приняты Государем, поскольку князь Голицын, представивший это послание, был назначен председателем правительства. Однако твердой воли для решительных действий не хватило.

После низвержения Государя Временное правительство сразу же арестовало всех не успевших скрыться членов кабинета министров. В камере Петропавловской крепости, куда поместили Хвостова, условия содержания были сносными. Следователь был вежлив, вёл дело обстоятельно. Хвостова обвиняли в растрате 500 тысяч казенных денег, но он столь же обстоятельно объяснял, что все средства тратились на поддержку монархических организаций, то есть на укрепление государственной власти. Дело затягивалось, поскольку из-за всеобщей неразберихи непросто было найти нужные документы. Дотянули до

прихода большевиков. Вот тогда Хвостов, сидя в одиночке, впервые в своей жизни узнал, что такое голод. Его стокилограммовое тело требовало пищи, а давали две ложки кашицы. Спасением стали передачи от жены и от других родственников, еще оставшихся в Петрограде. На одном из свиданий жена рассказала про Сережу Бехтеева¹², двоюродного брата Алексея Николаевича:

- Он сейчас в Ельце, в имении бабушки. Собирается на Кавказ в Добровольческую армию. Стихи пишет. Просил тебе передать. Там увидишь: листок свернутый лежит в пакете с мылом.

В камере Хвостов прочитал стихотворение, названное «Торжество антихриста» с подзаголовком «Октябрьский переворот 1917 года». Листок пришлось сжечь, но две строфы остались в памяти:

Плачь, Россия, плачь, родная,
Неутешная вдова –
Пала русская, святая,
Златоглавая Москва!

Обесславлены твердыни
Русских набожных царей,

¹² Бехтеев Сергей Сергеевич (1879 – 1954 гг.) – русский поэт, монархист. Воевал в Белой армии. С 1920 г. жил в эмиграции в Сербии и Франции.

Опоганены святыни
Православных алтарей...

Хвостов хорошо помнил брата Серезу. Мальчишками они провели не одно лето вместе в имении бабушки Екатерины Лукиничны (в девичестве Жемчужниковой). Пожалуй, это были лучшие годы его жизни.

Из Петрограда Хвостова вместе с такими же, как он, горемыками повезли в Москву, куда переехала вся большевистская верхушка, и вот теперь он в битком набитой камере Московской ЧК.

В первый день после ареста, когда его привели в камеру Петропавловской крепости, ему временами казалось, что это дурной сон, что он сейчас проснется и вместо тюремных стен увидит свою роскошную опочивальню в большой квартире на Невском проспекте. Постепенно царский сановник привык к положению заключённого, к скудному тюремному быту, и верхом блаженства для него были свидания с женой, свежие газеты, привычная еда и прогулки по тюремному дворику. Теперь он оказался в условиях, которые раньше показались бы ему просто нечеловеческими, однако он принял их смиренно и радовался самой малости: и тому, что нашлись свободные нары с матрацем

и что соседом оказался единомышленник и хорошо знакомый человек. И уж совсем растрогался бывший министр и камергер императорского двора, когда Маклаков предложил ему толстый кусок сыра с хлебом.

Заключенных поодиночке вызывали на допрос. Возвращались все молчаливые, подавленные. Белецкий, придя с допроса, рассказывал:

- Мы все для них заведомо преступники. Мне следователь, хотя, следователем то его не назовешь... В общем, этот чекист так и сказал: «Вы по своему происхождению и роду занятий – наши классовые враги, и никаких других доказательств вашей вины нам не нужно». Вот так. Сидит этаким юный Марат в студенческой тужурке, раздувается от важности и вершит нашу судьбу.

- А какой нас ждет приговор, он не сказал? – спросил Маклаков.

- Сказал, что революционный суд – справедливый, но гуманный.

Следующий день принес неожиданную весть, переданную традиционным тюремным способом – с помощью перестукивания через стену: застрелен глава Петроградской ЧК Моисей Урицкий и тяжело ранен Ленин. Оба покушения совершили эсеры:

Каннегисер и Фанни Каплан. Когда Белецкий, принявший «стенограмму», огласил её в камере, многие не могли сдержать радостных улыбок. Кто-то даже пытался захлопать, но на него сразу зашикали.

- Кажется, гидра революции начинает пожирать сама себя, – услышал Хвостов радостный шепот своего соседа.

- В нашем положении, Николай Александрович, радоваться нечему, – отвечал Хвостов. – Теперь у большевиков появился повод расправиться со всеми, кто недоволен их властью.

И он оказался прав: на следующий день кому-то вместе с передачей принесли свежий номер газеты, где объявлялось о начале красного террора и о расстреле заложников. Все в камере поочередно читали пугающе крупные жирные строки: «...На единичный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором... За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов...».

Вечером по камере разнеслась страшная весть: завтра их всех поведут на расстрел. Сообщил об этом охранник, которому через дверное окошко сдавали миски после ужина. В камере воцарилась мрачная тишина. На лицах у заключенных – страх и

отчаяние. Многие молились, молча шевеля губами.

Хвостов уже давно заметил в камере священника, у которого было спокойное, умиротворенное лицо. «Так это же Иоанн Восторгов», – он только теперь узнал в этом истощенном старце своего сподвижника по Союзу русского народа. Отец Иоанн получил широкую известность благодаря своим ярким проповедям в защиту монархии и Церкви. Протискиваясь между нарами, он подошел к батюшке и попросил разрешения исповедаться. Тот приветливо взглянул на него:

- Епитрахили у меня, правда, нет, но в особых случаях таинство исповеди можно совершать и без нее.

Последний раз бывший министр причащался Святых Христовых Таин два года назад, когда еще был на свободе. Исповедался он тогда кратко и формально, как, впрочем, и всегда до этого. Но за те полтора года, что он провел в неволе, он многое переосмыслил и, как никогда ранее, чувствовал себя большим грешником. Сколько раз, будучи на высоких государственных должностях, он интриговал и порой лукаво говорил о благе России, а думал о том, как сделать карьеру и приумножить свое состояние. Заканчивая свою испо-

ведь, он сказал:

- Еще я осуждаю наших крестьян за то, что бросили нас, оставили без защиты. Мы ради их блага работали, защищали их от революционеров, чтобы они могли мирно трудиться, а они наши усадьбы разгромили, растащили. Осуждаю. Грешен.

Батюшка тяжело вздохнул:

- Ты Алексей, свой грех осуждения оправдать хочешь, значит, нет в тебе раскаяния. Давай подумаем вместе, имеем ли мы право осуждать крестьян. Что мы сделали им хорошего? Часто ли мы делились с ними своим богатством? Не относились ли к ним как к людям низшего сорта, вместо того, чтобы видеть в них своих братьев? А сколько крестьян мы оскорбили, не заметив этого в своем барском высокомерии! Сколько девушек-крестьянок, опозоренных барами, было поспешно, с приплатой, выдано замуж за первого попавшегося! А что для них, крестьян, значат наши усадьбы с бесчисленными анфиладами комнат, в которых никто не живет, с бессмысленными для них статуями, вазами, картинами, с беседками, фонтанами! Что, кроме раздражения, все это может вызвать у людей, живущих всемером в тесной избе и озабоченных тем, как вырастить столько хлеба, чтобы хватило до

следующего урожая. Так что осуждать мы их не вправе. Мы перед ними виноваты, за это и расплачиваемся теперь.

«- Да, всё это правда, горькая правда», – подумал Хвостов. Глаза его были мокрыми от слёз. – Грешен, батюшка, – сказал он. – Во всём, что вы сказали, грешен.

Получив отпущение грехов, Хвостов сказал:

- Научите, батюшка, как перед смертью быть таким же спокойным, как вы...

- Этому у христианских мучеников надо учиться. Они говорили: «Я в узах, но Христос со мною, и я радуюсь. Меня ведут на казнь, значит, я иду ко Христу, и я счастлив».

Ранним утром группу из 12 человек вывели в тюремный двор, по приставной лесенке загнали в открытый кузов грузовика и рассадили на скамейках. Рядом с отцом Иоанном сидел епископ Ефрем. Он приехал из Сибири для участия в Соборе, жил на квартире у отца Иоанна и был арестован вместе с ним. Хвостов взгляделся в лица конвоиров, стоявших у бортов. «Монголоиды, – удивился он, – наверное, китайцы». Долго ехали пустынными московскими улицами, потом по песчаной дороге. Остановились у кладбищенских крестов. Недалеко виднелась церковь.

- Братское кладбище, – сказал кто-то. – Здесь мы в пятнадцатом году хоронили героев войны¹³.

«Что ж, место почетное, – подумал Хвостов. – Мы, правда, не герои, а просто жертвы. Да и вся Россия принесена в жертву страшному Молоху революции».

Когда выбрались из кузова, увидели широкий свежерытый ров. Тут же стояли уставшие землекопы с лопатами в руках и отряд солдат.

До этого момента Хвостов думал, что спокойно встретит смерть, но при виде ямы и могильщиков его затрясло. Он изо всех сил стискивал зубы, чтобы они не стучали. Подошел маленького роста чернявый человечек в кожанке, с огромным

¹³ Братское кладбище на окраине Москвы было основано в 1915 г. по инициативе Великой Княгини Елизаветы Федоровны для захоронения героев войны, сестер милосердия, авиаторов. Здесь же был воздвигнут храм в честь Преображения Господня. В ноябре 1917 г. на кладбище были захоронены 37 юнкеров, погибших в Москве в боях с большевиками. С 1918 по 1920 год на кладбище и вблизи его большевиками проводились массовые расстрелы. В 1930-е годы надгробия были уничтожены, храм снесен, на территории кладбища был разбит парк, построен кинотеатр и другие здания. В настоящее время в этом парке, расположенном недалеко от станции метро «Сокол», установлен мемориальный комплекс с часовней.

маузером, болтающимся у ноги, и долго по списку проверял привезенных. Потом высоким фальцетом заголосил:

- Именем Советской республики революционный трибунал приговорил вас к расстрелу как врагов мирового пролетариата!

Все стояли бледные, растерянные. Раздался голос Маклакова:

- Господа! Мы жили достойно, давайте достойно примем смерть. Мы отдали жизни за Россию, и она нас не забудет... Смута пройдет, и Россия возродится!

Протоиерей Иоанн Восторгов обратился к объявлявшему приговор:

- Позвольте нам проститься и помолиться перед смертью?

Тот пожал плечами, скривился, но все-таки сказал: «Не возражаю».

- Братья, – сказал отец Иоанн, – помолимся перед смертью. – Он и вслед за ним все приговоренные опустили на колени и стали молиться.

- Упокой, Господи, души наши в селениях Твоих праведных, – наконец сказал отец Иоанн и поднялся. Все стали подходить к нему и к епископу Ефрему под благословение. Потом прощались друг с другом, обнимались со слезами.

- А жалко все-таки. Православные же люди, – сказал кто-то из солдат, видимо,

растроганный зрелищем.

- Ишь, жалко! – замахнулся на него высоченный, звериного вида матрос. – Эти графья кровь нашу пили, а ты – «жалко». – Он грязно выругался.

- Побарствовали, посидели у нас на шее, будет, – поддержал матроса другой солдат.

Всех подвели ко рву и поставили лицом к собственной могиле. Матрос достал из кобуры маузер и подошел к отцу Иоанну. Взяв его левую руку и вывернув ее за спину, он выстрелил священнику в затылок и толкнул его в яму. Потом подошел к стоявшему рядом епископу Ефрему. В это время Белецкий, стоящий у другого конца рва, бросился бежать. Раздались крики, выстрелы. Беглец упал. Раненного, окровавленного, его притащили ко рву, выстрелили ему в голову и сбросили вниз. Казнь продолжалась.

В этот день 23 августа 1918 года (5 сентября по новому стилю), в первый день объявленного большевиками «красного террора», были казнены наиболее известные приверженцы монархии¹⁴.

¹⁴ Протоиерей Иоанн Восторгов и епископ Ефрем (Кузнецов) причислены к лику святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

В 1920 году в Крыму офицер Белой армии Сергей Бехтеев, навсегда покидая Россию, напишет пророческие строки:

Они пройдут, чудовищные годы,
Свирепую, кровавую пятой
Поколебав все царства и народы
Безудержной, безумною мечтой.

<...>

Свечу пудовую затеплив пред иконой,
Призвав в слезах Господню благодать,
Начнет народ с покорностью исконной
Своих Царей на службах поминать.

5. КИРИЛЛОВСКИЕ МУЧЕНИКИ. 1918 г.

Десять лет минуло с тех пор, как Мария Николаевна стала насельницей Ферапонтова монастыря. Нелегко было на шестом десятке привыкать к монашеской жизни. Не сразу смирилась душа с долгими монастырскими службами, с молитвенными правилами, со строгим распорядком дня. Сильно тосковала по родным, особенно по дочери, которая с мужем переехала в Петербург. А когда узнала из письма, что родился у них сын, то был сильный соблазн, пока не поздно, пока еще была в послушницах, вернуться в мир, чтобы нянчиться с внуком. Даже и сейчас, когда она уже не просто Мария, а мантийная монахиня Мария, ноет сердце от тоски, и лишь недавно научилась смягчать тоску молитвой.

Удачно вышло с послушанием: не посылали её ни в поле, ни в коровник, ни на другие тяжелые работы, а с самого начала мать игуменья направила Марию в швейную мастерскую, и занималась она теперь шитьем, к чему всегда имела склонность. Правда, получить отдельную келью, как мечталось когда-то, не удалось. Жила она вдвоём с такой же, как она, немолодой вдовой. Но вышло к лучшему: быстрее

научилась смирению, а это самое главное качество для монашествующих.

Вологодская земля – страна монахов и отшельников. Они приходили на Север по благословию Сергия Радонежского, селились в глухих местах возле рек и озер, строили церковь и жилище. Вокруг подвижников собирались люди, желающие спастись. Возникла монашеская обитель. Недалеко от монастыря, основанного преподобным Кириллом, его друг и сподвижник Ферапонт в 1398 году устроил небольшую обитель. Через сто лет здесь было четыре храма, один из которых – собор Рождества Богородицы – великолепно расписал иконописец Дионисий со своими помощниками. Однако постепенно жизнь в монастыре угасала. В 1798 году он был закрыт, а главный храм переведен в ранг приходского. К началу XX века все четыре храма вместе с иконами и утварью хорошо сохранились. Не осталось лишь монашеских келий.

Немало сил приложила игумения Леушинского монастыря Таисия, чтобы вновь открыть древнюю обитель. В конце концов, в 1903 году последовал указ Святейшего Синода об учреждении женского монастыря «с таким числом инокинь, какое обитель в состоянии будет прокормить».

Первыми насельницами были двадцать леушинских монахинь, а игуменией стала казначейша Леушинской обители мать Серафима.

При монастыре открылись рукодельные классы для девочек и женская церковно-приходская школа. Эту школу монастырь содержал полностью на свои средства: монахини учили детей, кормили их, шили для них школьную форму. Игуменья взяла под свою опеку учениц из бедных семей. Она много занималась благотворительностью: поддерживала неимущие крестьянские семьи, помогала бесприданницам выйти замуж, а когда началась война, организовала сбор вещей и денег для воинов и их семей.

Матушка Серафима отличалась удивительной добротой. Даже когда она делала выговор сестре за плохо сделанную работу или нарушение устава, она смотрела на провинившуюся так по-матерински заботливо, что та принимала упрек без обиды и старалась больше не огорчать матушку.

Молодые послушницы обычно с трудом отвыкают от мирских привязанностей. Бывало и так, что за послушницей являлся жених и звал ее домой. Матушка помогала советом. Она умела распознать тех, кто сердцем крепко привязан к прошлой

жизни, таким она советовала вернуться в мир.

Мария и сама не раз обращалась к матушке, когда становилось тяжело на душе, когда одолевал дух уныния. Они были почти ровесницами, и Мария удивлялась, насколько духовно опытнее была мать игуменья, а ведь Мария всю жизнь была церковным человеком и хорошо знала Священное Писание.

В 1907 году, когда Мария пришла в обитель, сестринский корпус был уже построен. Трудолюбивые сестры налаживали хозяйство, и к 1917 году оно стало образцовым.

Однако в стране происходило что-то странное. Когда Мария узнала, что Царя теперь в России нет, и что на ектении поминать надо Временное правительство, она заплакала. Появилось предчувствие, что грядут страшные события. Так и вышло.

В начале мая 1918 года из Кириллова прибыла комиссия описывать церковное имущество обители. Однако, в отличие от других монастырей Белозерья, здесь имущество принадлежало не монастырю, а приходу. Крестьяне – члены приходского совета встретили незваных гостей враждебно, не пускали их в храмы. Завязалась

потасовка, членов комиссии выгнали. Только благодаря уговорам монастырского священника Иоанна Иванова удалось избежать кровопролития.

Через два дня отца Иоанна арестовали и заключили в тюрьму за «погромную агитацию против Советской власти и против комиссии по учету монастырей Кирилловского уезда». Игуменio Серафиму вызвали в следственную комиссию для дачи показаний и оставили под домашним арестом на монастырском подворье в Кириллове.

Через день в монастырь явилась толпа народу: мужики, бабы и даже дети. Они занялись открытым грабежом: ходили по кладовым, по чердакам, по кельям, срывали замки, взламывали сундуки, похищали всё, что попадалось, угрожали сестрам. Такого разбоя монастырь не знал со времен смуты XVII века. Чему удивляться, если большевистские газеты натравливали голодное население на монастыри. А ведь хлеба в обители оставалось только-только прожить до нового урожая. Все запасы изъяли еще зимой: более 500 пудов.

После этого погрома кое-кто из сестер стал уходить из обители в соседние деревни. Крестьяне из приходского совета успокаивали: «Больше такого не будет, поставим вам охрану».

Арестованного отца Иоанна перевезли в череповецкую тюрьму. Прихожане составили прошение с просьбой помиловать единственного монастырского священника и отвезли бумагу в Череповецкий революционный трибунал, но это не помогло. Службы в монастыре прекратились, по воскресеньям и праздникам сестры ходили за десять верст в Кирилло-Белозерский монастырь, где в единственном действующем храме служил епископ Кирилловский Варсонофий.

Владыка был из тех немногих людей, кто не боялся новой власти и пытался противостоять ей. Он основал в Кириллове Братство православных жен и мужей, цель которого была блюсти чистоту православной веры, охранять церковные святыни и имущество. В день усекновения главы Иоанна Предтечи, Владыка на проповеди сказал прихожанам:

- Против нашего Братства ополчились большевики, признали его контрреволюционным. Мне постоянно угрожают, но я никаких угроз не боюсь и свое дело при Божьей помощи буду вести, хотя бы сейчас меня на расстрел повели. Я не страшусь расстрела, рассуждая, что пуля – это есть ключ, отверзающий двери рая.

В сентябре грянула новая беда. Жил в деревне Сосуново бедный крестьянин Андрей Иудович Костюничев. С приходом к власти большевиков он вступил в партию и возглавил деревенский комитет бедноты. Благодаря ему план по изъятию излишков хлеба у крестьян выполнялся на сто процентов. Спрятать что-либо от настырных продотрядовцев крестьянам не удавалось. Осенним вечером деревенский активист был убит у себя дома выстрелом через окно. Найти стрелявшего не удалось.

Незадолго до этого в столице объявили о начале массовых репрессий, поэтому местная власть на этот выстрел отреагировала без промедления. Появилось постановление Череповецкого ревтрибунала: «Ответить на убийство коммуниста Андрея Костюничева красным террором, а именно: кроме наглых убийц и заговорщиков, подвергнуть расстрелу из числа 52 заложников ... 37 человек».

Заложников брали из всех слоев населения: от крестьян до членов городской Думы. Услышав об этом, монахини недоумевали, логика революционеров не укладывалась в голове: убийца не пойман, следствие продолжается, а невинные люди обречены на смерть. Мария, хорошо знавшая историю, вспомнила, что подобные

злодейства когда-то в XIV веке вытворял Тамерлан, за что и прослыл непревзойденным по жестокости злодеем. Однако в XX веке его превзошли. И кто же? Те, кто объявил себя борцами за светлое будущее человечества.

Вечером 14 сентября недобрая весть пришла из Кириллова: арестован епископ Варсонофий. А ночью, около 12 часов, когда мать Мария молилась у себя в келье, она услышала на улице шум. В окно увидела, что возле дверей, где был вход в келью игумении, мелькают фонари. Удалось рассмотреть, что люди в шинелях вывели игумению, посадили на подводу и увезли. Мария бросилась к спящей за занавеской соседке:

- Мать Христина, беда! Матушку Серафиму солдаты увезли.

Решили с утра идти вдвоем в Кириллов искать игумению. Едва рассвело, собрали корзинку для передачи в тюрьму и тронулись в путь. Лошадей в монастыре не осталось, всех отобрала новая власть. На подходе к городу увидели ехавшую навстречу телегу, на которой сидели мужик и баба с детьми.

- Это наши, ферапонтовские, - сказала Христина, сама родом из местных крестьян. - Галина с детьми, видно, из Че-

реповца приехала на раннем пароходе, а муж встречать ездил.

Ехавшие тоже узнали своих. Мужик остановил лошадь и заговорил, усмехаясь:

- Что же вы, монашки, игумению свою выдали солдатам? Идет, бедная, под конвоем, хромает.

- Не шути, лешай, – перебила Галина. – Не солдаты ведут, а чекисты из Череповца. С ними не поспоришь. А с ней ведут и архиерея нашего и еще из мирских кого-то.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что конвой ведет арестованных из Кириллова в Горицы по старой дороге, а потом, наверное, повезут пароходом в череповецкую тюрьму.

Мужик посоветовал:

- Вам скорей будет не через город идти, а в обход, вон по той тропке. Сразу на старую Горицкую дорогу и выйдете. Ход у вас резвый, догоните их еще до пристани.

И правда, догнали. Издалека увидели колонну: человек двадцать солдат с винтовками, а между ними бредут арестованные. Только почему-то вместо того, чтобы идти прямо к пристани, колонна свернула с дороги вправо.

- Куда это их повели? – прошептала Мария.

- К горе Золотухе ведут, – так же шепотом отвечала Христина. – Неужто убивать будут?

- Как это – убивать? Ни суда, ни следствия не было. Не может такого быть.

Вдруг на обеих напал такой страх, что обмякли ноги. Вместо того, чтобы бежать к своей игумении, они остались стоять в кустах. Было видно, что арестованных ведут к крутому склону горы. Впереди шел архиерей в клобуке, с посохом в руке, рядом, почти вровень с ним, прихрамывая, с палочкой в руках, шла матушка Серафима, следом – четверо мирян. Вдруг матушка пошатнулась и стала оседать. Владыка подхватил её и, видно, стал говорить что-то ободряющее. Она выпрямилась и дальше продолжала идти спокойно.

Всех шестерых поставили лицом к отвесному склону горы, палачи встали у них за спиной совсем близко. Раздались выстрелы, все упали, только владыка остался стоять, молясь с воздетыми к небу руками. Наконец он опустил руки, повернулся в сторону Кирилло-Белозерского монастыря и благословил его. Один из палачей подскочил к епископу и выстрелил из револьвера ему в затылок. Владыка Варсонофий упал.

Подъехала подвода с четырьмя мужиками, которые быстро выкопали яму. В нее положили тела всех расстрелянных и засыпали землей. Вскоре отряд палачей вместе с могильщиками пошел по направлению к городу.

Монахини подошли к могиле. Мария бросилась на сырую землю, покрывающую могилу, и зарыдала. Христина опустилась на колени и стала читать молитву об усопших.

Начинался воскресный день 15 сентября 1918 года...

В тот же день наместник Кирилло-Белозерского монастыря Феодорит обратился в городской исполком с просьбой разрешить перенести тело убиенного епископа в монастырь. Было разрешено сделать это ранним утром с 4 до 6 часов. В пять часов утра монахи раскопали могилу, но тут появились чекисты и потребовали могилу зарыть. Монахи стояли в недоумении, этот приказ казался им диким. Чекисты угрожали оружием, выстрелили в воздух. Пришлось подчиниться. На другое утро история повторилась: монахи снова разрыли могилу, а потом под дулами винтовок зарыли. Отчаявшись обрести тело, вечером совершили заочное отпевание при закрытых воротах монастыря.

На девятый день после расстрела из Новгорода прибыл член епархиального совета Владимир Николаевич Фиников. Правящий архиерей поручил ему добиться разрешения захоронить погибшего Владыку Варсонофия в монастыре и отпеть его по архиерейскому чину.

Председатель Кирилловского исполкома Евгений Волков уклонялся от ответа, было видно, что сам он боится принять решение. От него удалось узнать, что казнь совершал череповецкий карательный отряд, который прибыл с готовым приговором. Фиников поехал в Череповец, ставший губернским центром с лета 1918 года, когда была образована Череповецкая губерния. Он добился приема у председателя губернского исполкома Тимохина и умолял его разрешить перезахоронить тело Владыки.

- Ни в коем случае! – воскликнул Тимохин. – Вы его ещё мощами захотите сделать!

Этим и закончились попытки перенести прах невинно убиенных.

Сначала верующие тайно посещали место казни, приносили цветы. Так продолжалось несколько лет, но потом власти обнесли территорию сплошным забором. Позже горку превратили в карьер и сделали свалкой нечистот.

Отец Иоанн Иванов был расстрелян в череповецкой тюрьме в октябре 1918 года...

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года были причислены к лику святых новомучеников и исповедников Российских:

епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев), и иже с ним убиенные иерей Иоанн Иванов, игумения Серафима (Сулимова) и миряне Николай Бурлаков, Анатолий Барашков, Михаил Трубников и Филипп Марычев.

Осенью 1998 года, к 80-летию со дня расстрела первых Кирилловских мучеников, на горе Золотухе был установлен Поклонный крест, его освятил епископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан. В 2005 году здесь возведена часовня.

Поиски останков Кирилловских новомучеников начались в 2000 году. До сих пор мощи святых не найдены¹⁵.

Ферапонтов монастырь был окончательно закрыт в 1924 году. Монахини разошлись по окрестным деревням. Мать Мария вернулась на родину в село Спасское и поселилась у своего племянника Павла.

¹⁵ В данном разделе использованы материалы, изложенные в книге «Жития новомучеников Кирилловских». Текст Стрельниковой Е.Р. – Москва. 2004 г.

Несмотря на преклонные годы, она не была нахлебницей – как хорошая портниха, всегда имела заработок.

В 1920-е годы всю развернулась антирелигиозная пропаганда, особенно нападали на монахов, пытаясь представить их тунеядцами. Монахиня Мария своим трудолюбием и добрым нравом опровергла вымыслы безбожников. Когда храм в селе закрыли, крестьяне стали ходить к ней с просьбами окрестить младенцев, почитать «Псалтырь» по усопшему. Не отказывалась монахиня и просто помолиться за человека, попавшего в беду. Уже совсем больную, Павел возил её в Вологду причащаться. Умерла мать Мария внезапно: вечером ещё пекла пироги, а утром её не стало. Проститься с ней пришло множество народа со всей округи. На поминках ели испеченные ею пироги. Отпевали матушку заочно в одном из вологодских храмов.

6. «ОГОНЬ И СМЕРТЬ В КРАЮ РОДНОМ». 1918 – 1919 гг.

Вскоре после переворота, происшедшего в Петрограде в октябре 1917 года, власть в Вологде перешла в руки большевиков. Была разогнана Вологодская городская дума, другие органы самоуправления. Остались только большевистские Советы. К лету 1918 года появилась губернская чрезвычайная комиссия (Губчека). Революционный порядок в губернии наводил присланный из столицы комиссар Кедров¹⁶. Вот один из характерных приказов того времени.

¹⁶ Кедров Михаил Сергеевич – профессиональный революционер, советский и партийный деятель. Родился в Москве в дворянской семье. Учился на юридическом факультете Московского университета, откуда был исключен за участие в революционном движении. В 1918 году Советским правительством был прислан в Вологду с неограниченными полномочиями. Руководил Особым отделом ВЧК. Отличался особой жестокостью, что порой вызывало недовольство даже у его соратников. В 1939 году по приказу Берии был арестован, а в 1941 г. расстрелян. Известно его письмо из тюрьмы Сталину, где он жалуется на жестокое обращение, которого он, по его мнению, не заслужил. Письмо зачитывал Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС, когда приводил пример необоснованных репрессий по отношению к верным сынам партии.

*Приказ
Ревизии народного комиссара
М.С. Кедрова
26 июня 1918 года (г. Вологда)*

1) Распустить нынешний состав городской думы и управы без назначения новых выборов.

2) Все права и обязанности распущенной городской думы и управы г. Вологды передаю Вологодскому совдепу и его исполкому.

<...>

6) В случае несдачи дел, саботажа немедленно арестовать и препроводить в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией в гор. Москву, а в случае контрреволюционных выступлений или покушений со стороны членов думы, управы или их служащих приказываю не останавливаться перед крайними мерами на них воздействия вплоть до немедленного расстрела тут же на месте.

7) Для приведения в исполнение сего моего приказа оставляю в гор. Вологде облеченную соответствующими полномочи-

Люди исчезали. Зато в городе появилось много людей азиатской внешности. Выпущенные из каторжной тюрьмы заключенные бродили по улицам, пугая прохожих. Страшно было выпускать на улицу детей. Вообще, страшно было жить. Страх, как ядовитый газ, был разлит в воздухе, не давая спокойно спать, есть, работать.

Городские улицы были завалены мусором, отбросами. На вокзале лежал толстый, по щиколотку, слой шелухи от семечек. Не работал водопровод, стояла электростанция. Воду носили из реки. Керосина было не достать. В городе свирепствовали тиф, оспа.

Частная торговля была запрещена, прекратился подвоз продуктов. Тех, кто пытался привезти продукты из деревни, называли «мешочниками» и беспощадно преследовали. Работали только хлебные лавки, где хлеб выдавали по карточкам. Дефицит хлеба и сахара бывал и раньше, но тогда другие продукты продавались свободно. Сейчас же был дефицит всего. В городе начался голод. В железнодорожных мастерских пытались бастовать рабочие, которым недодали паек — 8 фунтов хлеба. Зачинщиков быстро выявили и арестовали. Забастовка прекратилась. Рабочие вспоминали забастовку 1905 года,

но никто не мог сказать, из-за чего тогда бастовали, ведь всего было вдоволь.

Жизнь будто разделилась на две части: до прихода большевиков – и при них. В стране произошла страшная катастрофа, имя ей – революция.

* * *

Дом Девятковых был объявлен государственной собственностью, семье оставили лишь две комнаты. Реквизирована была и мастерская, а управляющим был назначен один из мастеров. Глава большой семьи Дмитрий Кириллович Девятков умер от инсульта к концу зимы 1918 года. Ему было 59 лет. Взрослые дети разъехались, младший, Коля, остался с матерью, учился в трудовой школе – так называли бывшую гимназию. Работа в мастерской практически сошла на нет, лишь иногда Павлу доставался случайный заработок. Он стал брать заказы на ремонт обуви, и это занятие выручало его семью.

Летом Павел часто бывал в деревне, помогал родителям в хозяйстве. Земли у отца после передела стало больше, появилась надежда на хороший урожай. А вот жить Павлу с семьей было негде, он с помощью отца и брата Степана срочно строил дом, рассчитывая к зиме окончательно

перебраться в деревню. Другой брат, Николай, погиб на фронте еще в 1914 году.

Как-то в июле Павел встретил в городе Ганина. Лицо у Алексея было изможденное, одежка худая.

- Ухожу в Красную Армию, фельдшером, – говорил он. – На Северный фронт отправляют, завтра поезд на Котлас. Англичане вместе с белогвардейцами на нас идут. А брат Федор уехал с Колчаком воевать. Вот какие дела... С немцами войну закончили, отдали им Украину, теперь другая война началась – гражданская. А обещали нам что? Мир народам.

Павел повел Алексея в свою городскую квартиру. Угощать особенно было нечем. Татьяна поставила тарелку с картофельными лепешками, налила морковного чая, потом сама села за стол и молча слушала разговор, подперев голову руками.

- Ездил недавно домой, в Коншино, – рассказывал поэт. – Там тоже голодом сидят. Чудно. Отец мрачнее тучи ходит, а тетя Авдотья ему говорит: «Ты все бегал с флагами-то по селу, сшиб голову царю на памятнике, вот тебя Бог-то и наказал». Оказывается, год назад на селе митинги были, и отец наш был в первых рядах. Разъярились так, что сшибли голову с памятника Александру Освободителю.

Большой был памятник, напротив церкви стоял.

Татьяна охала и качала головой.

- А стихи ты сейчас пишешь? – спросил Павел.

- Пишу. Публиковать, правда, негде. Новая власть все газеты закрыла.

- Ну, прочитай что-нибудь из последних стихов.

Алексей сидел, опустив голову, и монотонным голосом читал:

Опять над Русью тяготееет
Усобиц княжичий недуг,
Опять татарской былью веет
От расписных узорных дуг.

И мнится: где-то за горами
В глуби степей, как и тогда,
Под золочёными шатрами
Пирует ханская орда.

Опять по Волге, буйно-красен,
Обнявшись с пленною княжной,
В узорных чёлнах Стенька Разин
Гуляет с вольной голытьбой.

И широко по скатам пашен
Разнесшись в кличе боевом,
И днем и ночью грозно пляшут
Огонь и смерть в краю родном.

Таким Павел и запомнил крестьянского поэта Алексея Ганина: печальным, с поникшей головой. Больше он его не встречал и ничего не знал о его судьбе¹⁸.

Однажды августовским вечером, когда стемнело, Татьяна укладывала детей спать, а Павел при свечах чинил детскую обувь, в дверь тихо постучали. Встревоженный Павел взял в руки топор, подошел к двери: «Кто там?»

- Это Веня. Открой, Паша, не бойся, у меня к тебе разговор важный.

Павел испугался: он знал, что Веня, его старый товарищ по сапожной мастерской, пошел служить в Губчека. Совсем недавно он проезжал в кузове грузовика вместе с отрядом чекистов. Однако дверь Павел все-таки открыл. Веня прошел в сени и заговорил шепотом:

- Слушай, уезжать тебе надо. Срочно. Я сегодня видел список, там члены Союза

¹⁸ Ганин Алексей Алексеевич с 1922 г. жил в Москве, издал несколько книг стихов, участвовал в литературных вечерах вместе с Есениным, Клюевым, Клычковым, Карповым. В конце 1924 г. был арестован по обвинению в русском национализме и в марте 1925 года расстрелян чекистами во дворе Бутырской тюрьмы. Ему был 31 год. В 1966 г. реабилитирован военным трибуналом Московского военного округа за отсутствием в его действиях состава преступления.

русского народа, черносотенцы, значит. Двадцать два человека, и ты в том числе. Завтра с утра пойдем всех брать. Так что, этой ночью делай ноги со всем семейством. И куда-нибудь подальше.

- Да ты что, Веня, я сроду ни в каком союзе не был. Это какая-то ошибка.

- Не знаю, может, оговорили тебя. Я тебе по дружбе говорю: беги. У нас разбираться не будут. Список-то расстрельный. И никому ни слова, что я к тебе приходил, иначе и мне конец.

Этой же ночью Павел с женой и двумя детьми на телеге, нагруженной домашним скарбом, уехал в деревню к родителям...

Однако и в деревне жизнь не была спокойной. Новая власть с самого начала пошла в наступление на крестьян, пытаясь отобрать у них значительную часть урожая. Это вызвало стихийные выступления землепашцев по всей России. Ярославское, Тамбовское, Ишимское восстания – это были настоящие крестьянские войны. Для вологодской деревни приезд продотряда грозил голодной смертью. Здесь, на Севере, своего хлеба и так не хватало. Урожайность на Вологодчине всегда была раза в два ниже, чем на Кубани, всего 40-50 пудов с десятины. А земли на каждый двор в среднем 18 десятин. Поэтому зер-

но, муку приходилось покупать, их привозили на продажу из южных губерний. Чтобы заработать денег, мужикам приходилось кустарничать или идти на заработки, а бабы круглый год ткали или плели кружева. Теперь никаких источников существования, кроме работы на своей земле, у крестьян не стало.

Уже осенью 1918 года действия продотрядов спровоцировали восстания в Никольском и Тотемском уездах, а также в ряде волостей, примыкающих к железнодорожной станции Шексна.

Летом 1919 года в уездах, окружающих Вологду, действовали вооруженные отряды «зеленых» — крестьян, дезертировавших из 6-й армии, воюющей на Северном фронте. Число дезертиров исчислялось тысячами. Сформировалось и единое руководство отрядами, называвшее себя: Партия защиты крестьянства.

* * *

Зимовал Павел уже в собственном доме. Каким-то чудом он избежал призыва в Красную Армию, видно, сильно молились за него мать и жена. «Ладно, Хитров, гуляй пока», — сказал военком, узнав, что Татьяна вот-вот должна родить. Забрали в армию младшего брата Степана и вме-

сте с другими односельчанами отправили воевать на Северный фронт. Зимой новорожденная дочка умерла от скарлатины, а в марте Павел похоронил свою мать. В родительском доме остался отец с двумя дочерьми — девицами на выданье и жена Степана с ребенком. Зима была голодной: продотряды выгребли запасы, никого не жалея. Хлеба хватило только до января, потом питались картошкой и брюквой, да и этого было в обрез. Как радовались, когда сошел снег и во дворе стали появляться ростки крапивы, и как вкусны казались крапивные щи. После страшной зимы на Татьяну жалко было смотреть, она исхудала, делала все через силу, от былой бойкости не осталось и следа. Павел опять избежал призыва: он задобрил военкома, отремонтировал ему двуколку, можно сказать, сделал заново: поставил новые колеса, новые рессоры, сиденье, благо, кое-что удалось припрятать, когда мастерская Девяткова потеряла хозяина и стала ничейной.

В июле, поздним вечером, когда Павел только закончил метать сено с воза на сеновал, он увидел во дворе человека в шинели. С удивлением Павел узнал в неожиданном госте своего брата Степана. Через некоторое время они уже сидели в горни-

це за столом. В солдатской гимнастерке с офицерской портупеей и кобурой, из которой выглядывала рукоятка револьвера, Степан выглядел матерым мужиком, не смотря на свои 22 года. Положив руки на стол и по-отцовски сомкнув их замком, он рассказывал сидящим напротив Павлу и Татьяне:

– Бежали мы с фронта, почти всем взводом ушли. Терпение наше кончилось. У любого человека предел есть. Конечно, голод, холод, вши, но не в том дело. Это все мужик перетерпит. Дело в другом. С кем мы воюем?.. Вот как-то под Шенкурском сильно потрепали мы белых. Большой был отряд, покروшили мы их из пулеметов. Потом иду я, смотрю, лежат такие же русские парни, как мы. А есть и совсем молоденькие, еще в школьной форме. Гимназисты, реалисты. В кровище все лежат.

Степан замолк, будто проглатывая застрявший в горле комок, потом продолжал:

- А какие же они враги? Они ведь шли нас освобождать от грабителей – большевиков, а мы их пулеметами... Эх, грехи наши. И будто прозрел я. Вот они-то, большевики, и есть наши враги. С ними мы и будем теперь воевать. Мы ведь давно

уже здесь, с месяц будет. В лесных хоромах живем. Там благодать. У нас там все есть, и баня, и прачечная, так что не бойтесь – я мытый, пропаренный. Буду проситься у вас переночевать.

- Конечно, ночуй, о чем тут говорить, – сказала Татьяна. – Я сейчас ужин соберу.

- Погоди, Таня, я тебя прошу: сходи к нам в избу, скажи отцу и Насте, что я здесь. Пусть придут повидаться. Только тихо говори, по секрету. А Насте еще скажи, чтоб взяла мою летнюю одежду: ну, рубаху, порты да белье – она знает. И, главное, сапоги. Я сам-то боюсь идти. У вас-то хорошо: дом на отшибе, а там меня соседи увидят, да и сестры могут проболтаться.

Степан дождался, пока Татьяна ушла, и стал тихим голосом говорить брату:

- Нас, Паша, много. Таких отрядов, как наш, – не счесть. Целая армия крестьянская. Есть и офицеры бывшие, тоже из крестьян. Скоро ударим в тыл Шестой армии. А пока местные операции проводим. Вчера, слышал, наверное, возле Непотягово мы продотряд разгромили. На дороге подстерегли, всех положили, двенадцать человек. Они ехали сено забирать, целый обоз порожних телег везли. Командир ихний, в кожанке, правда, ускакал. Жалко, мы б его сеном-то накормили... Ну вот, а

завтра с утра пойдём с комбедом вашим разбираться. Как там Пикуля поживает?

- А живет, чего ему сделается. По селу бегают с наганом, все высматривают, где чего.

- Недолго ему бегать осталось. Только до утра.

- Погоди, у него ж баба с двумя детьми, да мать старая.

- А он об нашей матери подумал, когда отряд к нам привел? – Степан побагровел и, забыв о конспирации, чуть не кричал. – Думаешь, с чего мама умерла? С голоду! Она всё дочкам да внучкам отдавала, а себе – ничего. Мне жена всё описала. И как Пикуля ходил у нас по двору, и как повел отряд за баню и показал наш тайный погреб. Всё забрали, гады! Шесть мешков зерна.

Степан посидел, успокаиваясь, и сказал:

- Иди, Паша, к нам. Ты солдат бывалый. Прочитай вот воззвание наше.

Он достал из кармана сложенный лист и вручил Павлу. Сам скрутил самокрутку и вышел во двор покурить. Павел развернул лист и стал читать отпечатанный на гектографе текст:

*«Всем товарищам, состоящим
в организационном отряде партии
защиты крестьянства!»*

Товарищи, я призываю вас, если кому дороги завоевания, если кому дорога наша свобода, если не желаете, чтобы разорили Ваших отцов и расстреливали вас самих, то установите дисциплину и товарищеский порядок. Помните, что не в оружии сила, а в единении.

Сожмите тесно свои ряды и дайте отпор красным бандитам, которые продолжают мешать нашей работе. Мы собрались не для того, чтобы спорить с собой, не для того, чтобы нести раскол в нашу партию. Мы собрались для того, чтобы свергнуть ненавистное иго и зажечь новой свободной жизнью. Так вот, товарищи, если дороги наши все завоевания, то мы должны пойти все как один человек. Не время слов и разногласий, этого между нами быть не должно.

Помните, товарищи, что возврата к прошлому нет. Боже, спаси нас, если дрогнем перед красными бандитами. Они тогда не то что с нас будут драть штрафы, а упьются нашей кровью и из спин будут вырезать ремни, дабы мы вновь не смели восстать против подлецов-хулиганов, которые, нагло издеваясь над нами, будут теснить нас и загонять в кабалу. Поэтому еще раз приказываю: сплотитесь в единую семью и поддержите партию

народного достоинства и дайте отпор ненавистным вампирам, которые не дают нам хладнокровно работать полевые работы.

Глядите за собой, чтобы в семье вашей не было провокаторов, трусов, из-за которых могут погибнуть сотни людей. Наш боевой клич «спасай крестьянство» раздался по всей России. Каждый день мы получаем сведения, что падает Совет за Советом, и наши силы с каждым часом растут. Вчера нами получены сведения, что в Вологде забастовали рабочие, а поэтому и нам не время спать, а нужно покончить с этими проклятыми бандами и уйти на полевые работы!

*Начальник штаба Жуков.
Июль 1919 года¹⁹».*

Прочитав воззвание, Павел аккуратно сложил лист, потом поднял с пола еще один листок, видно, оброненный Степаном, развернул его и тоже стал читать:

¹⁹ Этот и другие архивные документы, приведенные в данной главе, были опубликованы в статье: Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы. (Вологодская деревня в годы гражданской войны). – Вологда: Историко-краеведческий альманах. Выпуск 1. – Изд-во ВГПУ. 1994. С. 180-194.

виться. Не могут крестьяне одолеть регулярную армию. Не было такого в истории. Слышал, какое восстание было в Ярославле год назад? Или возьми то, что здесь было в декабре на станции Шексна. Ведь сколько волостей поднялось, захватили станцию, три дня держали, отбивали атаки, а как подошел бронепоезд да пальнул из пушек, так и разбежалось крестьянское войско. Не помогло и то, что офицеры командовали. А потом чекисты по селам народ вылавливали и к стенке ставили.

- Так то восстали землепашцы необстрелянные. Теперь другое. Теперь у нас – солдаты с фронта. Под пушками не раз бывали. Да у нас у самих пушки есть. И нас тысячи. Армия.

- Что за армия? – возразил Павел. – Повоюет и уйдет на полевые работы. Так в вашем воззвании сказано. Такую армию в два счета разобьют.

- А под большевиками жить – всё равно гибель. Мы-то хоть знаем, за что идем на смерть.

Братья замолчали. Наконец Степан сказал:

- Ладно, Папа, никто тебя не неволит. У тебя своя дорога, у меня своя.

* * *

Степан вместе с женой Настей ночевал на сеновале, у Павла на дворе. Радость после долгой разлуки, медовый запах свежего сена – и будто не бывало ни войны, ни голодного года. И лишь ближе к утру Настя спросила:

- Когда же ты, Степа, домой вернешься? Дитя растёт, отца не видит.

- Погоди, недолго уж осталось. Скоро скинем ихнюю власть, к зиме управимся. Тогда и заживем, как прежде.

Настя ушла первая, еще затемно. Когда стало чуть-чуть сереть, пошел и Степан. Он направился к дому председателя комитета бедноты, известному в селе под кличкой Пикуля²⁰. Все было продумано заранее. Пробрался со стороны огорода и укрылся за поленницей. Теперь осталось только ждать. Пикуля выходит из дома обычно часов в семь и идёт в волостное правление, а потом шастает по селу и переписывает имущество. Он и в детстве был завистливым и вредным. Ни с какой компанией не водился, ходил сам по себе. Павел учился с ним в одном классе и рассказывал, что Пикуля однажды из зависти облил чернилами новую шубу одноклассника. Чем тогда кончилось дело, Степан не помнил,

²⁰ Пикуля – сорная трава с колючками (волог.).

а вот другой случай запомнился хорошо.

Ставили они с другом на речке переметы, и улов был хороший – здоровые щурята попадались. Но как-то пришли – нет ни рыбы, ни переметов. Ладно, купили крючков, сделали новые снасти, и снова та же история. Стали присматриваться, кто чем ловит, и обнаружили свои переметы у Пикули. Ох и наломали они ему тогда, хоть и был он старше их на пять лет. Мать Пикули даже водила сына к фельдшеру и грозилась, что заявит уряднику, но, видно, раздумала: поняла, что сынок за дело наказан.

Семья у них была бедная, отец пьянствовал, работал кое-как. Да и сынок лентяем вырос. Дом-то ему хороший от тестя достался, да, видно, в худые руки попал. Дранка на крыше местами погнила, полно всякого хлама возле дома валяется.

Посветлело, заалело небо. Степан достал из кобуры револьвер, осмотрел его и переложил в карман шинели. Стрелять из засады он не будет, подойдёт и выстрелит в упор, в сердце. Только надо сделать это быстро, чтобы этот деревенский активист не успел достать свое оружие. А потом надо рвануть тропкой вдоль огорода и по луговине прямо к лесу.

На душе было погано. Одно дело – стрелять на войне по врагам, а другое – каз-

нить, как палач. Сильно захотелось курить, да нельзя, дым увидеть могут. А вот и запахло дымком, затопили печь, значит, недолго ждать. Наконец раздался звук засова, заскрипела дверь. Степан вздрогнул, вытащил револьвер, но оказалось, зря. На крыльце появилась молодая баба с лоханью в руках. Она спустилась вниз, развесила на веревке белье и вернулась в дом. В хлеву раздалось гроыхание пустого подойника, замычала корова. Степан смотрел на белье: это были детские пеленки. «А ведь моя Настя тоже сейчас развесила пеленки и пошла доить корову, — подумал Степан. На глаза навернулись слезы. — Что я здесь делаю? Пришел к чужому дому, чтобы застрелить хозяина. Вот до чего нас довели большевики проклятые!»

Степан вернулся в свой отряд, не выполнив задуманного. Больше никто из родных его никогда не видел. По-видимому, он был убит в одном из вооруженных столкновений крестьян с войсками большевистского правительства.

Всего с конца 1918 года на Европейском Севере России произошло 103 крупных вооруженных крестьянских выступления. Все они были жестоко подавлены с помощью войск Красной Армии, Частей особого назначения и отрядов ЧК.

7. «НЕ ДАВАЙТЕ СВЯТЫНИ ПСАМ...» 1922 – 1925 гг.

Настоятель Великоустюжского Успенского собора протоиерей Константин Богословский пришел домой мрачнее тучи. Матушка, подавая на стол, спросила:

- Чем расстроен, отец Константин?

- Ох, матушка, новая напасть на нас идет. Чекисты собираются ризы снимать с чудотворных икон, драгоценные камни отдирать, жемчуг. Говорят, в пользу голодающих.

- Господи, Твоя воля! – Матушка Анимаса медленно опустилась на лавку. – Ведь отдали уже, что могли. И денег сколько на приходе собрали – всё голодающим²¹.

- Эта комиссия по изъятию ценностей уже два раза по нашему храму прошлась. Первый раз изъяли кресты серебряные, Евангелия, сосуды, еще кое-что. Второй раз – лампы. Я теперь с медным крестом водосвятный молебен служу... Не верю, что всё это идет на голодающих.

²¹ Всего из Северо-Двинской губернии было отправлено в Москву более 176 пудов драгоценной церковной утвари. Часть вещей, признанных ценными в художественном и историческом плане, к счастью, попала в музейные фонды. Остальное пропало без следа.

Ведь и раньше, в царское время, бывала сильная засуха в Поволжье, так собирали всем миром деньги, продукты. Но чтобы церковную утварь за границу продавать – такое только лукавый мог придумать²².

- Так чем у тебя, отец Константин, разговор с чекистами кончился?

- Я сказал, что по новым законам иконами и вообще церковным имуществом распоряжается не настоятель храма, а приходской совет. Ну, мне этот чекист говорит, чтобы завтра провести собрание и оформить документ о передаче икон.

- Господи, когда же сгинет эта сатанинская власть, – застонала матушка, – ведь

²² 19 марта 1922 г. в записке с надписью «Строго секретно» Ленин писал Молотову: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...».

уже пять лет мучаемся, а конца-краю не видно.

- Терпеть надо, – отец Константин вздохнул. – В истории и не такое бывало. В Римской империи христиане триста лет жили под властью языческих императоров, пока Константин Великий не положил конец гонениям. И болгары под турками не одно столетие маялись, пока их Россия не освободила.

- Я сейчас не за болгар, я за тебя переживаю. Ведь год назад тебя из ихней ЧК только чудом отпустили. А теперь, если против них пойдешь, заберут и не выпустят. О нас подумай, о детях наших.

Детей было трое: дочь служила в Губстатбюро, старший сын учился в местном университете, младшему сыну было 6 лет.

После обеда отец Константин прилег отдохнуть. Перед глазами стоял этот сегодняшний чекист по фамилии Козе²³. Высокого роста, бритоголовый, с кривой, какой-то мефистофельской, ухмылкой, он вызывал необъяснимое чувство страха. Было жутковато смотреть, когда он брал-

²³ Козе Александр Генрихович, комиссар секретно-операционного отдела Северо-Двинской Губчека, первый комендант концентрационного лагеря, созданного в Великом Устюге на территории Михайло-Архангельского монастыря в 1918 г.

ся за оклад иконы своими длинными, похожими на щупальца, пальцами. Козе приехал в Устюг в 1918 году из Эстонии вместе с такими же, как он, прибалтами, чтобы составить костяк губернской ЧК. Тогда же отец Константин и познакомился с ним: комиссар пришел закрывать духовное училище. «Вы есть самые вредные для общества тунеядцы», – говорил он с прибалтийским акцентом, тыча длинными пальцами в собравшихся преподавателей.

Отец Константин руководил Великоустюжским духовным училищем 10 лет и вкладывал в эту работу все свои силы, поэтому закрытие училища было для него тяжелым ударом.

Закрывались и храмы, священники и их семьи оставались без пропитания. Подчас они существовали только милостью своих бывших прихожан. Под угрозой была и сама жизнь священнослужителей. Отец Константин вспомнил об отце Михаиле Соколове из Шасского Васильевского прихода. Тот читал проповедь по печатному тексту об Александре Невском и посмел произнести слова: «Если надо, умрем за Землю Русскую, Православную». Конечно, он был арестован и вскоре расстрелян.

Дошло известие из Троице-Сергиевой лавры о смерти архиепископа Никона, ко-

тому отец Константин был обязан своим священством. Морозной декабрьской ночью 1918 года монахи наткнулись у ворот лавры на его тело. В газете сообщалось, что умер архиерей от сердечного приступа, но ходили слухи, что на голове у него была страшная рана, и что это дело рук большевиков, которые ненавидели своего обличителя. У отца Константина до сих пор хранится его послание, которое разошлось по всем епархиям накануне революции. Есть там такие строки: «Объединимся же теснее и пойдем дружно на защиту от врагов родной Церкви, родного нашего народа и его заветных идеалов. Иначе приидут языцы в достояние Божие, приидут иудеи и возобладают казни».

Владыка Никон ушёл с Вологодской кафедры в 1912 году, на следующий год он был возведён в сан архиепископа и назначен председателем Издательского совета при Святейшем Синоде. Был также членом Государственного Совета. В 1916 году он издал брошюру «Молитвенник к Богу усердный» о вологодском священнике Александре Баданине. А накануне революции при содействии владыки Никона удалось издать книгу Сергея Александровича Нилуса «Близ есть, при дверех». Временное правительство, придя к власти,

постановило уничтожить весь тираж этой книги.

Да, дьявол стоял у порога, а теперь ворвался и пошел гулять по России. «Наша воля, наше время!» – горланят бесы. Прежние времена вспоминались как райская жизнь.

Вспомнилось лето 1907 года, когда отец Константин впервые приехал сюда, к месту своего назначения. Ехал он пока один, жена и дети должны были приехать позже. Когда пароход подплывал к Великому Устюгу, батюшка поразился: до чего красив этот город, раскинувшийся на гористом берегу Сухоны! Причудливой формы многочисленные купола церквей тянутся к небу и создают впечатление чего-то сказочного. Так и кажется, что сейчас попадешь в средневековую Русь, когда Устюг был действительно великим городом. Он соединял Московскую Русь с Сибирью и через Архангельский порт – с Европой. Здесь родина покорителя Амура Ерофея Хабарова и знаменитого просветителя зырян святого Стефана Пермского.

Город сразу полюбился ему, понравилась новая работа, появились новые друзья – преподаватели духовного училища. Он любил бывать в храме Прокопия Устюжского, где у левого клироса по-

коились мощи праведника, и где ощути-
мо чувствовалась благодать. При входе в
храм лежал большой камень, один из тех,
что упал из тучи, надвигавшейся на город
и отведенной в сторону по молитвам юро-
дивого Прокопия.

А теперь из 28 городских церквей дей-
ствующих осталось только две, остальные
закрыты новой властью. Какой ужас при-
шлось пережить, когда в марте 1919 года
большевики решили вскрыть мощи свято-
го Прокопия и перевезти их в вологодский
музей. Тогда прихожане горой встали у
храма и стояли день и ночь, не пуская
кощунников, так что тем пришлось отсту-
питься.

О том, на что способны большевики,
отец Константин узнал еще в январе 1918
года, когда приехал в Москву на Помест-
ный Собор Православной Российской
Церкви, избранный делегатом от Вологод-
ской епархии. Заседания Собора проходи-
ли на территории Кремля. Утром, полу-
чив скудный завтрак в столовой, делегаты
шли в зал заседаний, обходя груды битого
кирпича и снарядные воронки. В Москве
незадолго до того закончились бои между
большевиками и юнкерами Император-
ского Александровского училища. Это
была жестокая схватка, продолжавшаяся

почти месяц. Отряды Красной гвардии всё прибывали и прибывали из Петрограда, юнкерам пришлось укрыться в Кремле. Большевики применили артиллерию, причем в первую очередь обстреливали колокольни соборов и почему-то — надвратные иконы. Юнкера отчаянно сопротивлялись, ожидая помощи. В это время в Москве находилось большое количество солдат и офицеров, выписанных из госпиталей и направленных в белокаменную для переформирования и отправки на фронт. Находился здесь и генерал Брусилов, способный возглавить сопротивление. Однако на помощь юнкерам никто не пришел. Сражаться с большевиками пришлось 20-летним юношам со своими наставниками. В конце концов они сдались, ожидая, что им сохранят жизнь. Причина такой пассивности офицерского корпуса была, по-видимому, в том, что никто не хотел воевать за Временное правительство. Эти говоруны, недавно блиставшие красноречием с думской трибуны, оказались никуда не годными государственниками. От новой власти ожидали перемен к лучшему, во всяком случае, надеялись, что она наведет порядок в стране. Офицеры прозрели лишь летом 1918 года, когда после страшной голодной зимы начались массо-

вые расстрелы. Тогда они потянулись на юг, к Деникину.

Отец Константин вернулся из Москвы в Великий Устюг похудевший, осунувшийся, но полный духовных сил. Совершилось великое событие: в России, наконец, восстановлен Патриарший престол. Церковная жизнь вступила в новую фазу. Однако события, происходившие вокруг, вызывали отчаяние: к власти приходили богоборцы...

Сколько тревог и волнений пришлось пережить за последние пять лет! Отец Константин сел за стол, достал свой дневник, полистал его, перечитывая старые записи.

23 янв. 1918 г. В сегодняшнем номере «Северо-Двинского Края» печатаются новые декреты Народных Комиссаров. Церковь отделяется от государства. («Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют... Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается»).

Началось гонение на Церковь. Чем мы можем защитить себя?

30 янв. 1918 г. Патриарх в Москве обратился с воззванием ко всем православным, призывает на защиту своих епархий. Я читал его в церкви в воскресенье 28 января.

В этот же день в 1 час дня в Братском доме было у нас собрание духовенства и всех городских приходских советов по поводу переживаемых событий. Посылали за епископом, но он отказался по состоянию здоровья. Председатель о. Благодичный открыл собрание. Я говорил большую речь о том, что, как и следовало ожидать, теперь большевики усилились, а нам нужно дорожить своим достоянием, и мы не должны равнодушно смотреть на все.

1 февр. 1918 г. Сегодня день замечательный — начало нового стиля, поэтому сегодня 14 февраля.

4 февр. В воскресенье в 1 ч. в Братском доме, внизу, собрание приходских советов под моим председательством. Хотели напечатать воззвание Патриарха, но в типографии под страхом закрытия отказались работать.

11 февр. (н. с. 24). В воскресенье с 1 ч. дня я делал доклад «Церковь и государство». Слушателей было около 100 человек.

1 (14) марта 1918 г. По телеграммам Советское правительство перенеслось в

Москву, немцы близко. Наша городская дума приглашает всех жить спокойно. Сегодня четверг масляной недели, учеников распустили на масленицу.

8 (21) мр. 18 г. Чувствую себя очень плохо после смерти сына и из-за болезни других детей. Хотел сделать поучение, сделал наброски, тема современная, но не сумел подготовиться.

28 мр. (10 апр.). Было собрание приходских советов. Народу много. Меня избрали председателем. Был отчет и выборы новых членов. Я получил 22 голоса, Ионов – 4 голоса и т. д.

Сегодня о. Благодичный получил уведомление о реквизиции зданий.

25 апр. (8 мая). В первый день Пасхи служил в Георгиевской Церкви с о. Геннадием. Был молебен на улице с водоосвящением. Я говорил проповедь о том, что Св. Пасха – великий радостный праздник, что родина наша оживет и воскреснет.

26 апр. 18 г. На пасхальной неделе епископ служил у Прокопия Праведного. Я не служил, а только говорил проповедь... Рассказал кратко о св. Прокопии и о св. Стефане, призвал хранить их наследие...

20 мая (2 июня) 1918 г. Служил за обедней, снова говорил проповедь о славянских государствах, что в России нужно

хранить святое Православие, которое подвергается гонению. Оно может спасти Россию и нашу культуру.

С вербного воскресенья наше здание Духовного училища назначается для помещения возвращающихся из плена русских солдат и без разрешения военного комиссара не может быть никем занимаемо. Повесили вывеску: «Сбор увечных воинов г. Устюга и уезда»...²⁴

Отец Константин закрыл тетрадь. Достал из стола отпечатанный на гектографе листок с воззванием Патриарха Тихона от 19 января 1918 года и стал читать: «Зовем вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери вашей... А если нужно будет и пострадать за дело Христова, зовем вас на эти страдания вместе с собою».

Надо было принимать решение, от которого зависела его судьба.

На следующий день отец Константин говорил членам Приходского Совета:

- Ризы с икон комиссия всё равно снимет, независимо от того, дадим мы разрешение на это или нет. Но за своё решение

²⁴ Текст дневника сохранён Н.А. Манаковой, внучкой протоиерея Константина Богословского.

каждый будет отвечать перед Богом. Хочу напомнить вам слова Спасителя: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

Приходской совет вынес решение о невозможности снятия риз с чудотворных икон и предложил комиссии принять от прихожан эквивалентную денежную сумму. Это решение взбесило чекистов. Отец Константин был немедленно арестован.

Судя по материалам следственного дела, его обвиняли в том, что он агитировал против изъятия церковных ценностей, «тормозил исследование иконных риз, представлявших значительную ценность (были украшены драгоценными камнями)», вел антисоветскую пропаганду, несмотря на данную ранее подписку не касаться в проповедях политических вопросов.

В деле есть такие строки: «Допрошенный обвиняемый Богословский виновным себя ни в чём не признаёт. Такое его поведение указывает на сторонника «Тихоновщины», открыто ставшей на сторону контрреволюции».

Дело было отправлено в Москву, где комиссия НКВД постановила: «заключить Богословского Константина Александро-

вича в Архангельский концлагерь сроком на 2 года».

* * *

Весной 1925 года заключенный Константин Богословский был отпущен на свободу и вернулся в Великий Устюг. Его ждали, он предупредил жену письмом, но, когда он появился на пороге, матушка Анимаиса ахнула: перед ней стоял страшно худой, изможденный человек. Постепенно домашний уход сделал свое дело: он стал похож на прежнего отца Константина, но характер его изменился: этот прежде живой и общительный человек стал замкнутым, неразговорчивым. О проведенных в заключении годах рассказывать не любил, даже жена узнала от него немного. Как-то он сказал ей: «Слава Богу, я живой остался, а ведь люди там мёрли как мухи. Значит, я для чего-то еще нужен Господу».

Вскоре они переехали в Вологду, где сняли квартиру в деревянном двухэтажном доме на улице Ленинградской. Город удивил отца Константина: видно, большевики опомнились, ослабили свою железную хватку. На улицах было оживленно, появилось немало хорошо одетых людей, катились туда-сюда извозчики, бойко шла торговля, на прилавках лежала разная

снесь – дары вологодской земли. Зазывно горели электрические огни ресторанов, работали кинотеатры. Вновь открылись издательства, в книжных лавках было полно книг, правда, большей частью развлекательных или каких-то модернистских, но все-таки это были книги, а не плакаты и декреты, как два года назад.

Уменьшился и натиск властей на Церковь: перестали арестовывать священников, закрывать храмы. Последний мощный удар был нанесен в начале 1924 года, когда закрыли четыре храма на Сенной площади (ныне площадь Революции): Никольский, Афанасьевский, Иоанно-Предтеченский и Спасо-Всеградский собор. Последний пользовался особой любовью вологжан, напоминая о чуде, происшедшем в далеком 1654 году. Тогда в Вологде свирепствовала моровая язва, выкашивая всех подряд, и, чтобы избежать гнева Божьего, народ решил сообща построить храм в один день, то есть обыденно. В ночь на 18 октября обыденный храм был воздвигнут, а утром был освящен архиепископом Маркеллом в честь Христа Спасителя. В нем отслужили Литургию и молились весь день. Принесли икону Спаса Всемиловитого, также написанную в один день. После этого моровая язва прекратилась. Через сорок лет

на месте обветшавшего деревянного храма возвели каменный собор. Большой, великолепно расписанный внутри, он долгие годы был главным храмом города, и вот теперь — закрыт. Закрыли и Софийский собор, так что в центре города действовал лишь Воскресенский собор, да и тот был в руках обновленцев.

До революции Вологда была очень церковным городом. В 1917 году в нем действовали семьдесят православных храмов и часовен, два монастыря: Горне-Успенский и Свято-Духов. В пяти верстах от города находился Спасо-Прилуцкий монастырь. К 1925 году монастыри были закрыты, оставалось около сорока действующих храмов, что при населении 50 тысяч человек было, в общем-то, немало. Плохо было другое: власти, приостановив явные репрессии, решили расколоть Церковь изнутри. Для этого они всячески поддерживали обновленческое движение.

Архиепископ Вологодский и Тотемский Сильвестр встретил отца Константина приветливо. Такие образованные и опытные пастыри, как отец Константин, были на вес золота. Его назначили служить в Благовещенскую церковь, которая находилась на перекрестке улиц Большой Благовещенской и Батюшкова.

– Будьте осторожны, отец Константин, – говорил ему владыка. – В своих проповедях никакой критики властей не допускайте. Да и в частных разговорах тоже. А то обновленцы живо донесут на вас. Они народ агрессивный, храмы наши захватывают, любой нашей промашкой пользуются. У них недавно еще один собор в Москве прошел. Узаконили свои реформы: полную отмену монашества, брак для епископов, второбрачие священников, смену календаря. Осудили патриарха Тихона. Их глава – Александр Введенский – провозгласил себя митрополитом и теперь заявляет: наши главные враги – староцерковники. Но народу к ним идет немного. Воскресенский собор даже в праздники почти пуст. Народ русский разбирается, что к чему.

Уже в первые дни служения у отца Константина произошла интересная встреча. Он шел из храма после литургии, проходил по Соборной площади и увидел пожилого человека в костюме и широкополой шляпе, который пытался спуститься с высокого крыльца Воскресенского собора, осторожно ощупывая тростью ступени. Это был старый знакомый – Тихон Николаевич Шаламов. Когда-то его – образованного, энергичного священника,

прекрасного проповедника, владеющего английским и французским языками, отправили на Аляску, в Православную миссию. Вернувшись в Вологду в 1904 году, он стал проповедовать революционные взгляды, а после 1917 года примкнул к «Живой Церкви». Год назад бедняга ослеп от глаукомы, но все равно оставался активным членом своей обновленческой епархии. Недавно, уже ослепший, он участвовал в диспуте о религии, проводимом в городском театре при большом стечении народа, и так умело спорил с атеистами, что заслужил аплодисменты. Говорили, что его старший сын, Валерий, отрекся от отца-священника, чтобы получить хорошую должность.

Отец Константин помог ему спуститься с крыльца, а тот, узнав, что перед ним старый знакомый, попросил довести до дома. Отец Константин не мог отказаться, тем более, что жил Шаламов совсем недалеко. По дороге Шаламов разговорился:

- Кончилось епархиальное собрание, все разошлись, и проводить меня некому. Меня все водил Варлам – мой младший, а теперь он уехал в Москву. Дочери тоже разъехались, замуж вышли. Матушка моя из дому не выходит – болеет ногами. Так что спасибо вам, Константин Александро-

вич... А мой Варлам – молодец, парень упорный, хочет в Московский университет поступить на факультет журналистики. Уж не знаю, удастся ли ему? Ведь направления здесь в отделе образования не дали. Так и сказал Ежкин, начальник отдела: «Никакого направления вам не дам. Поповским детям учиться в советском вузе не положено». Да еще и наорал на нас. Мы с сыном вместе к нему ходили.

Отец Константин не выдержал:

- А я думал, вы одобряете всё, что делает нынешняя власть.

Шаламов остановился и повернулся к своему поводырю. Его незрячие глаза смотрели вдаль. Отцу Константину показалось, что на его лице появилось скорбное выражение, какое бывает у исповедника, когда он собирается рассказать о своем тяжелом грехе. Однако через мгновение он вновь увидел лицо гордого человека. Они продолжили путь. Шаламов отвечал готовыми обкатанными фразами:

- Все мы терпим скорби от атеистов, от темноты неверующей массы, от падения нравов. Но надо видеть правду в социалистическом строительстве. Ведь по сути своей социализм – это материальное воплощение христианских идеалов. Христианство с самого начала имело пролетар-

ский характер. У первых христиан было коллективное пользование имуществом. О такой же коллективизации говорят и нынешние власти.

Очевидные нелепости, которые услышал отец Константин, возмутили его, но он старался отвечать спокойно:

– Только учтите, что коллективизация тогда была добровольной. И что значит «пролетарский характер христианства»? И бедные, и богатые равно хотят вечной жизни. И в Евангелии, и в посланиях апостолов не раз упоминаются состоятельные христиане, например, жена Хузы – домоправителя Иродова. А сколько их было среди первомучеников! Ну а в Киевской Руси христианское учение, как вы знаете, распространялось из княжеских покоев. И о сходстве христианства и социализма не могу с вами согласиться. Христианство – это религия любви, а социализм – учение о классовой ненависти. Христос не призвал отбирать богатство у других и вообще ничего не говорил о социальном устройстве мира, а учил, как совершенствовать свою душу, чтобы спасти ее для жизни вечной.

Они шли по аллее вдоль реки. Прохожие оглядывались на странную пару: известного всему городу священника Шаламова, убежденного «живоцерковника»,

ведет под руку настоящий священник в длинной рясе и с крестом на груди.

- Не хочу с вами спорить, Константин Александрович. Не потому, что мне нечего возразить, а просто сегодня я уже устал спорить. Мы с самого утра заседали, и всё время в спорах. Но вы хоть знаете, что ваш патриарх Тихон публично раскаялся? Читали его обращение в газете в июле 1923 года?

- Читал. Только никакого раскаяния там нет. Прочитайте внимательно... Простите, пусть вам кто-нибудь прочитает еще раз. Патриарх просто выразил свое несогласие с контрреволюционной деятельностью. Он и ранее осуждал братоубийственную войну.

Они подошли к епархиальному дому, в котором жили Шаламовы. Хозяин достал из кармана ключ, привычно напарил замочную скважину и открыл дверь.

- Вот здесь мы с матушкой обитаем. Две комнаты нам пока оставили. Живем трудно, дети выросли, а никто нам не помогает. Держимся только тем, что с Аляски наш знакомый монах – добрая душа – посылает нам иногда переводы по пять долларов... Ну, еще раз сердечно вас благодарю, Константин Александрович. Простите меня за лишние слова.

- Бог простит. И вы меня простите, Тихон Николаевич.

Отец Константин подошел к берегу реки и присел на лавочку. Он чувствовал, что сильно устал, пройдя недолгий путь с образованным, но заблудшим человеком. Над головой ветерок шевелил листья старинных берез. На другой стороне реки бабы на мостках полоскали белье, и солнечные блики играли на воде, радуя глаз. Застучала, запыхтела машина – это буксирный пароходик тянул огромную баржу с лесом вверх по реке. Сзади раздались детские голоса – отряд школьников в красных галстуках прошествовал в архиерейский двор, в недавно открытый музей. На дороге показалась группа женщин в платочках – прихожане возвращались после службы из Лазаревской церкви. А вот оттуда едет на извозчиках свадебная процессия, видно, после венчания.

«Может быть, даст Бог, перемелет русский народ большевистскую напасть, постепенно вернется к привычной жизни и, как страшный сон, уйдут в прошлое ужасы революционного времени», – так думалось отцу Константину в ясный июньский полдень 1925 года.

8. ОБРЕЧЁННЫЕ.

1937 г.

Июльской ночью по улицам Вологды неспешно, усталой походкой, шёл человек. Было темно, но человек шел уверенно, видно, дорога была ему хорошо знакома. Выйдя на перекресток, где горел фонарь, он остановился и, согнувшись, стал счищать прилипшую к сапогам грязь. Мужчина был немолод, сутулость делала его низкорослым, а натруженные руки и одежда выдавали в нем рабочего. У него был морщинистый лоб, скорбные складки у рта, а из-под кепки, сбившейся набок, были видны совершенно седые волосы. Это был Павел Хитров, бывший крестьянин, раскулаченный, отбывший ссылку, а ныне рабочий паровозовагоноремонтного завода. Он шёл после работы в общежитие. Сегодня мастер попросил его задержаться — надо было сдавать заказ, и Хитров не посмел отказаться. Он был на хорошем счету у начальства и ожидал, что скоро его назначат бригадиром и дадут отдельную комнату в новом бараке. Нынешнее жильё никуда не годилось. Комната на шесть человек была насквозь прокурена, его соседи были шумными, часто пьянствовали, играли в карты. Павел, которому исполнилось 48 лет,

избегал всего этого, старался уединиться с книгой в руках, за что получил прозвище «старец».

Он отдыхал душой, когда удавалось побывать в церкви, но ходить туда приходилось тайно. Как-то на Масленой неделе староста храма, угадав в Павле умелого мастера, попросил его сделать для церковных дверей железный засов. Хитров договорился со своим начальником и самолично изготовил то, что требовалось. В пятницу у него был выходной день, он принес свое изделие в храм, надежно прибил скобы и закрепил засов на двери. Староста пригласил послушного прихожанина на трапезу. В этот день службы не было, за столом, кроме Павла, сидели староста, двое рабочих, которые проводили в храме электропроводку, и настоятель. Потом присоединились две женщины, подававшие на стол.

Павел услышал, как один из рабочих обратился к настоятелю по имени и отчеству, и память поневоле перенесла его на тридцать лет назад: уж не тот ли это Константин Александрович, что был тогда в доме тёти Марии на поминках её мужа? И хромает так же... Павел, преодолев смущение, спросил об этом священника. Тот задумался, а потом, удивлённый и об-

радованный, подтвердил давнее знакомство. После обеда батюшка позвал Павла в небольшую комнату рядом с трапезной, усадил на старый кожаный диванчик, сам сел напротив в скрипучее кресло и стал расспрашивать про тётю Марию. Хитров рассказал, что знал о её жизни, а потом разговорился и поведал о своей горемычной судьбе. Ему ещё не приходилось рассказывать подробно о своих мытарствах, но в этом пожилом священнике он чувствовал искреннее участие.

Через несколько дней Хитров был у отца Константина на исповеди. Тот был строг и никаких особенных слов не сказал, но когда прочитал над Павлом разрешительную молитву, тот почувствовал удивительное облегчение, в котором давно нуждалась его исстрадавшаяся душа...

Подойдя к своему общежитию, Хитров остановился как вкопанный: у дверей под единственным фонарём стояла машина – «чёрный ворон». Возле неё прохаживался милиционер. Павел подался назад и стал наблюдать из темноты. Минут через десять двери открылись, на улицу вышел хорошо знакомый Павлу Петя Ключкин в сопровождении человека в чёрном плаще. Милиционер открыл заднюю дверь машины, и Петя с сундучком в руках и вещмешком

за плечами скрылся внутри. Вскоре вывели ещё двоих, одного из них Павел узнал – это был его земляк из Спасской волости. После этого стали поочередно выводить рабочих и сажать в машину одного за другим, всего погрузили десять человек. После некоторой задержки послышался шум и крик: из дверей под руки вытащили Игнатьева – мастера литейного цеха, жившего с семьей в отдельной комнате. Он что-то кричал, можно было разобрать лишь слово «прокурор». Машина уехала. Павел стоял в оцепенении. Все арестованные, которых он узнал, кроме разве что Игнатьева, были из «кулаков», вернувшихся в Вологду после ссылки. Нетрудно было догадаться, что и ему, Хитрову, приготовлена та же участь. Хорошо, что успел отвезти сестре в деревню кое-что из дорогих для него вещей: старинную икону – память о Татьяне – и толстую тетрадку со своими дневниковыми записями. Он прислонился к березе, обнял ее шершавый ствол и задумался.

Нет, второй раз попадать в эту западню он не хотел. Он досыта хватил лиха за пять лет. Началось всё в конце 29-го года, когда стали сгонять в колхозы. Казалось бы, страшная революционная смута позади, жизнь налаживается, крестьяне

стали и себя обеспечивать, и город завалили продуктами. В семье Хитровых все были работающими. Оба сына подросли и управлялись с полевыми работами, жена ходила за скотиной. Павел завел кузню и брал заказы от односельчан, а в помощники нанимал молодого парня – своего дальнего родственника. В доме был достаток, хозяйство крепло и ширилось. Но не дали большевики пожить спокойно. Неспроста они грозились разрушить старый мир до основания. Вот они теперь и взялись разрушать крестьянский мир.

В сентябре созвали всех жителей села на собрание в клуб, в бывшую церковь. Рассаживались на длинных, плохо обструганных скамьях, уныло оглядывали голые обшарпанные стены и вспоминали, какие страсти здесь кипели, когда снимали образа и закрывали храм. Часть икон тогда успели разнести по домам, а часть безбожники сожгли.

За столом, поставленном на солее, сидели трое: председатель комитета бедноты Пикулев, председатель волостного исполкома и уполномоченный из Вологды. Приезжий, одетый в зеленый френч и галифе, говорил долго и красиво, призывал записываться в колхоз, сулил счастливую жизнь. Крестьяне, особенно бабы, плохо

понимали бойкую городскую речь, но самое главное усвоили: в колхозе и земля, и скотина, и орудия труда – все станет общим, а землю будет пахать трактор. Выслушали молча, заявление написали пять человек – самые бедные. Потом активисты ходили по домам, агитировали. Записалось в колхоз еще трое.

Зима прошла в тревоге и заботах. Власти донимали поборами и налогами и, наконец, обложили таким налогом, что одолеть его было не под силу, хоть продай все имущество. В отчаянии Павел с Татьяной решили подать заявление о приеме в колхоз, но им отказали. Новоиспеченный председатель со злорадством объявил: «Вы у нас злостный кулацкий элемент, таких не принимаем. С такими у нас особый разговор будет».

В начале марта, когда еще стояли морозы, к ним в дом с самого утра заявила целая орава непрошенных гостей. Это были комбедовцы вместе с милиционером. Предъявили бумагу с печатью, где указывались «злодеяния» Хитрова: эксплуатация наемной силы, торговля кузнечными изделиями, агитация против Советской власти. В конце стояла резолюция комбеда и волостного исполкома: «Конфисковать жилье, хозяйственные постройки,

орудия производства, скот, корма, семена, сырьевые запасы. Самого Павла Хитрова и всех трудоспособных членов его семьи доставить в распоряжение Вологодского ОГПУ для последующей высылки в отдаленные районы Севера».

Павел возмутился:

- Не имеете права, у меня два сына в Красной Армии служат!

Пикуля затряс пальцем перед носом у Павла:

- Э, нет, Хитров! Ты у нас по первой категории идешь – сплотатор и контра. Для таких скидок нет. Щас имущество опишем и повезем вас с женой в Вологду.

Татьяна стояла растерянная, в слезах. Десятилетняя дочка Галя прижалась к ней и испуганно смотрела на заполнивших дом сердитых дядей с наганами за поясом. Павел погладил дочку по плечу и сказал жене:

- Галю веди к сестре да одёжу ей собери.

Потом, улучив момент, шепнул Тане:

- Не возвращайся, укройся где-нибудь. Ты – нетрудоспособная, я им справку покажу от фельдшера.

Но Татьяна вернулась.

- Я тебя, Паша, не покину. Вместе поедем, куда ты, туда и я.

Вместе и прошли страшный путь ссыльных переселенцев. И ни за что бы не остался Павлу живым, если бы рядом не было Татьяны. На лесоповале он провалился под лед в ручей, потом лежал в горячке в сырой землянке и, временами возвращаясь из беспамятства, видел склоненное над ним родное лицо и глотал из поднесенной кружки теплый отвар. Она выходила его, можно сказать, подняла со смертного ложа. Спасла Татьяна его и весной 31-го года, когда увеличенная норма выработки и голодный паек довели его до полного истощения, так что отнялись ноги. Он лежал на нарах как живой скелет. Тогда она устроилась на тяжелую кухонную работу и приносила из кухни картофельные очистки, из которых пекла лепешки на настоящем подсолнечном масле – выменяла у охранников на свое обручальное кольцо. Павел поднялся на ноги, а половина его бригады осталась лежать в чужой мерзлой земле.

А вот спасти свою спасительницу он не сумел. Когда Татьяна лежала в тифозном бараке и металась в тяжелом бреде, он сидел у ее изголовья окаменевший, глядя на запавшие глаза и черный провал рта, и не знал, чем помочь своей верной спутнице.

«Господи, – думал он, – неужели это когда-то было: теплые сумерки, запах скошенной травы и нарядная красавица, выводящая звонким голоском:

Я тогда тебя забуду,
Сероглазый дроля мой,
Когда вырастет на камешке
Цветочек голубой...»

Перед смертью она пришла в себя и прошептала:

- Там встретимся, Паша. Там мы будем радостные, счастливые...

Павел выпросил у санитаров тело жены и похоронил отдельно, уберёг от общей могилы. Насыпал над могилой холмик, вкопал небольшой крест из сбитых березовых стволов и только после этого, будто очнувшись от столбняка, упал на сырую глинистую землю и впервые зарыдал. Жить дальше не было никакого смысла. Всё самое дорогое в его жизни было здесь, под эти холмиком. Он достал из холщовой сумки сапожный нож, чтобы перерезать себе вены, и случайно вместе с ножом вынул маленькую, величиной с ладонь, икону. Это был образ Богородицы с Младенцем, отчеканенный на медной пластинке в эмалевом обрамлении. Татьяна никогда не

расставалась с этой иконкой, молилась перед ней. Павел поспешно сунул эту вещь в свой нагрудный карман, собираясь выполнить задуманное, и вдруг его пронзила мысль: «А как же я встречу с Таней, ведь самоубийцы Царствия Божия не наследуют». Он положил нож назад в сумку.

Весной 1934 года Павла освободили и даже, как ударнику труда, выдали деньги на проезд до Вологды. Он вернулся в родную деревню и остановился в старом родительском доме, где жила сестра Нюра с мужем и детьми. Дочь Галя она записала на свою фамилию и отдала учиться в Вологду, в фабрично-заводское училище. Оба сына Павла после армии устроились где-то под Ленинградом, писали редко.

К своему дому Павел даже не подходил, не хотел беречь душу. Сестра рассказывала:

- Чего только не насмотришься при новой-то власти! Как-то прибегает Галя, кричит: «Ой, тетя Нюра, у нашей избы одежей торгуют, пойдем глядеть!» Подходим, глядим, на крыльце стоит Пикуля и трясет какими-то заплатанными портками. Вещи ваши распродавали. Потом смотрю, вытащили зыбку и перину пуховую, мол, покупайте. Ну и варнаки! Народу там немало пришло, но никто ничего не поку-

пал. А у Гали слезы в три ручья. Ну, мы и пошли оттуда.

К Пикуле Хитров раньше испытывал острую ненависть. Не раз, лежа на нарах в своей землянке, он ублажал свою душу, представляя в подробностях, как он расправится с этим мародером, сделает то, чего не сумел сделать его брат. Потом это чувство перегорело, уступило место презрению. «Он просто винтик в гигантской машине, запущенной для уничтожения нас, крестьян», – успокаивал себя Павел.

В его просторном пятистенке теперь устроили контору правления колхоза. Председателем был тридцатилетний сын Пикули, а его отец теперь начальствовал в райисполкоме. Пикуленок, горластый и суетливый, как и его отец, был поставлен распоряжаться огромными угодьями. Дела в колхозе шли плохо: общественная скотина дохла, урожайность третий год подряд была низкой. Да будь председатель хоть семи пядей во лбу, все равно не смог бы ничего сделать. Раньше крестьянин знал, что если он не вспашет и не засеет поле как следует, то будет со своей семьей сидеть голодом. Потому он и трудился от зари до зари. Теперь все стало по-другому. Работай, не работай – всё равно урожай увезут неведомо куда, оставят крохи. Те-

перь колхозник старался работать поменьше, искал любого повода, чтобы свалить задание на другого. Все, кроме начальства, жили впроголодь и только за счет своего небольшого личного подворья кое-как влачили нищенское существование. Павел посмотрел на новоиспеченных советских рабов и подался в город, на завод, где была нехватка рабочих. Отбывших ссылку «кулаков» там брали охотно, знали, что это народ мастеровитый и неприхотливый...

Хитров стоял в нерешительности, прислонившись к березе. Да, по всему видать, надо уносить ноги отсюда. Он знал, куда уезжать. На Мурман. Сойти надо на станции Кандалакша, там большая стройка, берут любого. Он зашел в барак и пошел по слабо освещенному коридору, на ходу обдумывая, какие вещи взять с собой. Но до своей комнаты дойти не успел: на его пути возник человек в форме и с револьвером в руках:

- Павел Хитров, вы арестованы.

9. БЕСЫ В РАЗРУШЕННОМ МОНАСТЫРЕ. 1937 – 1938 гг.

Зреют смертельные травы
В нашей глухой стороне,
Где виноватый и правый
В общем пылают огне...

Алексей Ивантер

Лейтенант госбезопасности Вениамин Колосов сидел в своем кабинете и не отрываясь читал только что принесенный курьером документ:

Строго секретно

*Всесоюзная Коммунистическая партия
(большевиков)*

*Центральный комитет
3 июля 1937 г.*

Тов. Ежову

*Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК
нацкомпартий.*

*Выписка из протокола № 51 заседания
политбюро ЦК*

*Решение от 2.07.37 г. – об антисоветских
элементах.*

*Замечено, что большая часть бывших
кулаков и уголовников, высланных в одно
время из разных областей в северные и
сибирские районы, а потом, по истече-*

нии срока, вернувшись в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав «троек», а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке.

Секретарь ЦК И. Сталин²⁵.

²⁵ Этот документ, как и все приведенные ниже сведения о деятельности НКВД, взяты из книги: Доверено охранять Отечество (Из истории органов безопасности в Вологодском крае) / Под ред. М.А. Безнина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 584 с.

Колосов откинулся на стуле и заскреб руками в своих сильно поредевших рыжих прядях. Да, покой нам только снится. Сегодня на совещании Ковалев даст вводную, – и за работу, искать «кулаков». А ведь еще не закончились аресты по делу церковников. Мощная монархическая организация духовенства разоблачена в Вологде. Имелся подпольный центр, состоящий из членов епархиального совета. Всего планируется арестовать 89 человек. И преподавателей из пединститута еще не всех подвезли. Оказалось, что в Вологде свила гнездо большая фашистская организация: 69 человек преподавателей, инженеров, техников. Все проходят или как немецкие шпионы, или как диверсанты. Сегодня еще предстоит допрашивать пятерых. Начать, пожалуй, надо с доцента Парминского, на него много агентурных данных: на лекциях порочил великого Дарвина, в частных разговорах позволял себе контрреволюционные высказывания, а дома он и его жена были источником антисоветских анекдотов. Труднее будет с профессором Бузуком²⁶, о нем све-

²⁶ Бузук Петр Афанасьевич (1891–1937) – классик белорусского и украинского языкознания, один из первых докторов филологических наук, автор первого в СССР диалектического атласа, первый директор института языкознания. В 1934 году выслан в Вологду.

дений совсем мало. Был сослан к нам за пропаганду отделения Белоруссии от Советского Союза. Пригрелся здесь на кафедре русского языка и вел скрытую подрывную работу. Студенты говорят, что лекций его не понимали, что своим преподаванием он отвращал их от учебных дисциплин, а значит, от будущей специальности.

Послышался шум мотора. Это, наверное, привезли новую партию арестованных. Преподавателей было решено брать днём, прямо во время занятий – для назидания молодому поколению.

Колосов подошел к небольшому окошку и посмотрел на улицу. Так и есть: во двор, окруженный глухими монастырскими стенами, въезжает дежурная машина. Окна здесь совсем маленькие, на улице жаркий июльский полдень, а в кабинете не обойтись без электрического освещения. Что поделаешь, в монашеских кельях сидим. И обком, и горком в новые здания переехали, а управление НКВД так и осталось в Свято-Духовом монастыре.

В дверь кабинета постучали. Вот и курьер явился за документом, точнее, курьерша по имени Ида.

- Ознакомились с документами, товарищ Колосов? Распишитесь вот здесь. Се-

годня в два часа совещание у товарища Ковалева.

Ида положила документы в портфель, но не торопилась уходить. Она прислонилась к столу и уставилась на Вениамина своими черными миндалевидными глазами.

- Ну как, Веня, семейная жизнь? Не заскучал еще? Мой-то еще на три дня в Устюге задержится.

Она присела на край стола так, что юбка поползла вверх, а красивые полные колени оказались рядом с рукой Вениамина. Ида была из тех женщин, при виде которых у мужчин учащается пульс и раздуваются ноздри. Родом она была из Польши, но, похоже, в ней, кроме польской, намешано еще немало кровей. Вениамин уже дважды побывал у нее дома, и не он один: агентура доносила, что к ней захаживают обкомовские. Муж часто ездил в командировки, проводил политзанятия в районных отделах УНКВД.

- Ну, так что, придешь сегодня? У меня коньячок есть, армянский. Из Москвы привезла.

Вениамин положил руку ей на колени:

- Эх, Идочка! Чувствую, озадачит нас сегодня Ковалев так, что нам отсюда будет не выбраться до поздней ночи. Попробуй

сейчас найди «кулаков», они после ссылки разбежались по щелям, как тараканы. Ну, тех, кто в городе осел, найдем быстро, а ведь много и по глухим деревням разошлось.

- Да гребите вы всех подряд! Чего их, сиволапых, жалеть. Вы кто, большевики или хлюпики? – Ида сбросила его руку, встала и одернула юбку. – Ленин что говорил: «Крестьянская масса есть самый главный враг революции».

И пошла, громко стуча каблуками. Вениамин смотрел ей вслед. «Даже задом не крутит, вот как рассердилась. Всех подряд гребите. А кто тебя хлебом будет кормить, сучка ты обкомовская».

* * *

Мощная карательная машина, будто ненасытная хищная птица, парила над Россией, высматривая себе жертвы, а то и просто наугад выхватывая людей и обрекая их на смерть или на страшную каторгу. Колосов был маленькой частью этой огромной машины. Раньше, когда Советская власть еще только укреплялась, он не сомневался, что занимается важным делом – искореняет врагов этой власти. Сейчас опасных для власти людей почти не осталось. Недовольные были, их было

немало, но они не были врагами своей страны. Однако Колосов привык подчиняться и старался не думать о смысле приказов. Так было легче жить. Если власти нужна фашистская организация из преподавателей, значит, она будет. Если нужен монархический центр из церковных служителей, то будет вам такой центр.

Допросы теперь велись круглосуточно. Следователи работали по 12 часов, сменяя друг друга. К строптивым подследственным применяли «стойку» – заставляли стоять, пока не даст нужных показаний.

После обеда Колосов вышел на улицу покурить вместе с приятелем, тоже следователем. Стоял сентябрь, наступила пора недолгого бабьего лета. Они прохаживались взад-вперед по дорожке у стен своего корпуса под ласковым солнышком и старались хоть ненадолго забыть о работе. И все-таки приятель не удержался:

- Мне мужик один попался, из бывших «кулаков», Хитров его фамилия, так уже двое суток простоял, а показаний так и не дал. Понимаешь, он у меня проходит как вредитель, а Грицелевич выявил, что он имел связь с организацией церковников, общался с ихним главным попом. Так вот, мы теперь добиваемся от него показаний

на этого попа, но лапотник молчит, как рыба.

- Как, говоришь, его зовут?

- Павел Хитров. Уже трижды падал, мы его водой окатим, попинаем для бодрости и снова ставим.

Давно забытое чувство сострадания шевельнулось в душе у Колосова. Да, жалко Пашку. В этот раз ему не выбраться.

- Слушай, – сказал он, – я этого мужика знаю. Он у меня проходил, как «кулак» на высылку. От него ты ничего не добьешься. Не трать зря время.

На другой день, когда Колосов снова встретился после обеда со своим приятелем, он спросил:

– Ну, как там этот твой упорный мужик?

– А все уже, сактировали. Я его тогда сразу велел увести в камеру, но его не довели. Упал в коридоре и отдал концы. Мы с врачом составили акт, что умер в камере от сердечной недостаточности.

Приятель ушел, а Колосов закурил еще одну папиросу, перебрался на задний двор и сел на лавку у самой стены корпуса. Что-то неприятное томило душу. В голову лезли воспоминания. Когда-то, давным-давно, они с Павлом, два молодых деревенских парня, гуляли по городу, и Павел

завел его сюда, в Свято-Духов монастырь. Странно, но здесь Вениамин забыл, что он неверующий, и вслед за своим другом прикладывался к серебряной раке, поставленной над могилой преподобного Галактиона Вологодского. Вон в той церкви это было, где теперь гараж²⁷. Кажется, это был последний раз, когда он посещал церковь.

Потом дружба кончилась. Павел, хоть и был мужик неглупый, но революцию не одобрял, и судьба его сложилась несчастливо. Что ж, каждый выбирает свой путь. Вот он, Венька, с 1906 года пошел в революцию и сейчас как победитель вершит судьбы других людей.

Из подвала слышались приглушенные звуки выстрелов. Здесь, в подвале, расстреливали редко: вывозить потом трупы, да чистить помещение было хлопотно. Здесь ликвидировали или главарей организации, или особо буйных, или уж совсем больных. Большую часть приговоренных везли за город, где специальная команда заранее готовила ямы. Последнее время ликвидация проходила в лесном массиве

²⁷ К настоящему времени от строений Свято-Духова монастыря почти ничего не осталось. На месте монастыря и монастырского кладбища находится стадион «Динамо».

недалеко от деревни Чашниково²⁸.

Выстрелы прекратились, послышались голоса: похоже, что из подвала вышли исполнители. Их не было видно за перегородкой, но, судя по разговору, их было двое. До Колосова доносилось:

- Глохнуть я стал последнее время. Дома жена зовет из кухни – не слышу. Раньше ходики на стене спать не давали, а теперь и не слышу, как стучат.

- Ты затычки в уши вставляешь?

²⁸ Деревня Чашниково расположена недалеко от поселка Кувшиново. В настоящее время там, на месте массовых расстрелов и захоронений жертв политических репрессий, находится часовня, освященная в 2007 году архиепископом Вологодским и Великоустюжским Максимилианом в честь великомученицы Анастасии Узорешительницы.

Часовня построена на средства монахини Сергии из православного монастыря, расположенного во Франции, в местечке Бюсси. Монахиня Сергия – внучка Анны Ивановны Хвостовой, жены Сергея Алексеевича Хвостова – пензенского губернатора, погибшего в 1906 году в результате теракта. Анна Ивановна приняла монашество в 1920 году с именем Анастасия, была сослана в Вологду вместе с дочерью, Екатериной Сергеевной Хвостовой, в прошлом фрейлиной Императорского Двора, также принявшей монашество. Обе монахини были расстреляны в 1937 г.

- Вставляю, не помогает. Когда на улице, на ямах работаешь, еще ничего, а в подвале все равно по ушам бьет.

- Так ты тогда в рот стреляй. Глухо будет, как в воду.

- Да, заставь их рот открыть.

- Откроют. Они перед смертью все послушные.

Из-за перегородки показался один из говоривших и, увидев Колосова, пошел к нему. Это был невысокого роста мужичонка в форме красноармейца с кобурой на поясе. Шел он какой-то развинченной походкой с папиросой в руке и, подойдя, неожиданно громко произнес:

- Товарищ лейтенант, разрешите попросить у вас огоньку.

Колосов протянул ему спичечный коробок и сморщился от резкого неприятного запаха. Он махнул рукой:

- Забирай спички, у меня еще есть.

Тот закурил, положил коробок в карман и посмотрел на Колосова как-то нагло и насмешливо.

- Брезгуете, товарищ лейтенант. А ведь мы с вами в одной упряжке ходим. Кому-то ведь надо ваши приговоры исполнять.

* * *

В сентябре 1937 года начальником Управления НКВД по Вологодской области был назначен майор госбезопасности Жупахин, служивший до этого в Ленинграде. На первом же совещании он устроил разнос своим подчиненным. Пятидесятилетний здоровяк, широкоплечий, мордастый, Жупахин держался самоуверенно и не терпел возражений.

- Почему такой малый процент признаний? — бушевал он, стоя у стола и размахивая кулаком. — Учитесь у московских чекистов. Сумели разоблачить матерых врагов, шпионов, проникших в промышленность, в армию, в партийный аппарат. Теперь они каются на открытом суде, бьют себя в грудь, всех своих пособников выдают. А у вас что? Читал следственные дела, почти никто не сознается в преступлении. Паршивых лапотников не можете расколоть!

«В том-то и дело, что лапотников, — думал Колосов. — Там, в Москве, — гнилая интеллигенция, а у нас коренной русский мужик».

- Почему попов не заставите сознаться? — Жупахин разошелся так, что заметался от стены к стене. Подчиненные еле успевали поворачивать за ним головы. Увидав

в окне монастырскую колокольню, он заорал: – И башню эту пора снести к ..., – он выругался, потом, немного успокоившись, продолжал:

- Надо выбрать толкового попа, подготовить его как следует, пусть публично выступит с разоблачением религии. В целях пропаганды.

«Как же, выступит, – думал Колосов. – Эта порода еще крепче мужицкой будет».

С приходом нового начальника численный состав управления увеличился, но и работы прибавилось. На область был спущен лимит на количество лиц, подлежащих репрессированию: по первой категории (расстрельной) – 750 человек, по второй (подлежащей заключению в лагерь) – 2000 человек. Жупахин запросил Москву об увеличении лимита по обеим категориям: на 1000 и на 1500 человек соответственно.

Управление заработало в каком-то невиданном, лихорадочном темпе. Уже в ноябре была раскрыта монархическая террористическо-шпионская организация «Объединение русских офицеров», связанная с Российским общевойсковым союзом в Париже. По этому делу арестовано 33 человека. Выявлена также глубоко за-

конспирированная организация право-троцкистского толка, имевшая своих членов в руководящих партийно-советских органах. Арестовано 65 человек, в том числе нарком лесной промышленности Иванов и секретарь Вологодского обкома партии Рябов. Раскрыты вредительские организации на водном транспорте, на транспорте и на предприятиях Вологодчины. На одном только Сокольском целлюлозном заводе арестовано 16 рабочих. Они высказывались против стахановского движения, против займов, клеветали на Сталинскую Конституцию, ставили задачу вывести из строя оборудование завода. В начале 1938 года Вологодское УНКВД разгромило контрреволюционное подполье, состоящее из бывших меньшевиков, эсеров, кадетов. Все арестованные работали в системе Наркомлеса, Наркомвода, Наркомсвязи. Из 214 арестованных 167 человек приговорили к высшей мере, остальные получили большие сроки. В мае 1938 года были репрессированы жены врагов народа.

Массовые аресты шли по всей стране. Набравший невиданную силу карательный аппарат стал опасен для партийного руководства. В ноябре 1938 года Сталин отстранил Н.И. Ежова от должности

наркома внутренних дел. В постановлении СНК и ЦК ВКП (б) говорилось: «Работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования...».

На место Ежова был назначен его заместитель Л.П. Берия. Началась поголовная чистка органов НКВД, в результате которой было репрессировано несколько тысяч чекистов, в том числе 80 процентов руководящего состава НКВД.

В декабре 1938 года был арестован начальник Вологодского УНКВД Жупахин. На его место был назначен капитан госбезопасности П.П. Кондаков. В первую очередь новый начальник вместе с приезжими следователями из военной прокуратуры начал расследования в отношении своих сотрудников. Выяснилось, что допросы велись с применением физического воздействия: обвиняемых избивали, заставляя давать показания и подписывать фиктивные протоколы. Сам Жупахин, присутствуя на допросах, жестоко избивал заключенных. Особо отличился Белозерский отдел УНКВД: там к обвиняемым применялись жестокие, средневековые пытки.

Начались аресты в управлении. Теперь, уходя на работу, Колосов каждый раз мысленно прощался с женой. Она смотрела на его поникший вид и молча переживала вместе с ним. По опыту она знала, что расспрашивать мужа о работе бесполезно.

Свой рабочий кабинет Вениамин теперь ненавидел. Он сидел в нем, приводя в порядок документы, и вздрагивал от каждого шума за дверью и от каждого телефонного звонка. Кое-что в следственных делах удалось переделать, подправить так, что нескольких обвиняемых освободили за отсутствием улик.

Почти все начальники отделов были арестованы. Очередь была за ним, но Кондаков тянул время и всё еще здоровался, хотя и сухо. Колосов утешал себя тем, что у него безупречное происхождение: он из бедных вологодских крестьян, и родственники его ничем себя не запятнали. А вот арестованные Грицелевич и Райберг — уроженцы Польши, а Райберг вообще до революции служил в немецкой фирме «Сименс-Шукерт». У Лебедева и Проскурякова родственники были осуждены по 58-й статье.

Однако наступил день, когда Колосова арестовали и с сорванными петлицами поместили в камеру, где уже находился

бывший начальник второго отдела старший лейтенант Проскуряков. В камере лежала большая стопка бумаги и карандаши, и Колосов на второй день своего заключения описал на десяти листах свою безупречную двадцатилетнюю службу и передал бумаги следователю. Проскуряков все дни сидел за столиком и строчил, не отрываясь. Он был мрачен, разговор не поддерживал и свой трактат на ночь клал себе под матрац. Как-то ночью, Колосов, разбуженный мощным храпом своего соседа, увидел на полу оброненный листок, поднял его и при свете никогда не выключаемой лампы прочитал:

«...О методах допроса. В этом вопросе я допустил явную антигосударственную практику, но практику, созданную только не мной. Эта практика заключалась в том, что арестованных заставляли стоять, и иногда они стояли по 40-50 часов. Бывали случаи избияния арестованных следователями... Однако я должен категорически заявить, что ни стойки, ни избияния арестованных не являются продуктом моего «изобретения» или явлением, перенесенным из практики работы бывшего Вологодского горотдела... Эти «методы» в Вологду привезены курсантами из Ленинграда и Жупахиным...»

На допрос Колосова водили дважды, и ему пришлось признаться, что рекомендацию в партию ему давал Равич, позже осужденный как троцкист. Кроме того, ему поставили в вину связь с Идой Кренгольц, которая тоже оказалась замаскированной троцкисткой и даже немецкой шпионкой. Колосов как опытный следователь знал, что эти обвинения тянут на приличный срок, но, конечно, не на высшую меру. И даже когда его повели по коридору, а потом вниз по лестнице, он не хотел верить в худшее. И только увидев перед собой открытую дверь в подвал, Колосов понял, что это конец. Он повернулся, чтобы крикнуть своим сопровождающим, что он чист перед партией, но крик застрял у него в горле, руки и ноги обмякли: он увидел знакомую фигуру палача-исполнителя.

- Рот пошире открой! – гаркнул исполнитель, приближаясь с наганом в руках...

По итогам следствия С.Г. Жупахин и пять его сотрудников Военной коллегией Верховного суда СССР были приговорены к расстрелу, а еще 8 чекистов осуждены на различные сроки заключения. Немало работников было уволено из органов. На службу в органы госбезопасности пришло много новых молодых сотрудников. После

10. ПРЕТЕРПЕВШИЕ ДО КОНЦА. 1937 г.

*И будете ненавидимы всеми за имя Мое;
претерпевший же до конца, спасется.*

Мк. 13, 13.

Недолго длился период советской истории, который назвали НЭП. К 1929 году власти снова ограничили свободу торговли, частного предпринимательства, печатного слова и начали новое наступление на Церковь. В начале 1929 года на места была отправлена директива, подписанная Кагановичем, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. В апреле 1929 года в Москве прошел Всесоюзный съезд безбожников, на котором объявили «о решительном наступлении на позиции церковников». Глава Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский (Губельман) провозгласил: «Борьба против религии – это борьба за социализм». С обновленцами власти тоже теперь не церемонились, поскольку стало ясно, что это движение себя не оправдало и постепенно сходит на нет.

В Вологде в 1929 – 1930 годах было закрыто 32 храма. Запретили колокольный звон, прошла шумная кампания по снятию колоколов и их сдаче в металлолом. Всего осталось четыре действующих храма, из них традиционной, «тихоновской», Церкви принадлежали только Лазаревский на Горбачевском кладбище и нижний храм Рождества Богородицы на Богородском кладбище. В верхнем храме служили обновленцы. Они же занимали Воскресенский собор на Соборной площади. В храме на Введенском кладбище были григорианцы²⁹.

В мае 1932 года декретом правительства за подписью Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», цель которой провозгласили так: «К 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на территории страны». К середине 1930-х годов антирели-

²⁹ Григорианцы – фактически еще одна разновидность лояльных к советской власти обновленцев. После смерти патриарха Тихона в 1925 году местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) был арестован и сослан в Сибирь. Он назначил своим преемником митрополита Сергия (Страгородского). Ряд архиереев во главе с епископом Григорием (Яцковским) не признали это назначение, что и породило раскол, названный григорианским.

гиозная кампания достигла апогея. Каждый раз накануне большого православного праздника по городу разъезжал грузовик, в кузове которого находились комсомольцы из Вологодского общества безбожников. Карикатурно одетые в рясы и камилавки, с приклеенными бородами и с кадилами в руках, они кривлялись, изображая церковную службу. Атеистические статьи появлялись чуть ли не в каждом номере областной газеты. Широко распространялся журнал «Безбожник». В школах проводились уроки атеизма. В библиотеки поступали списки запрещенных книг, в которых числились произведения Платона, Канта, Толстого, Достоевского. На концертах декламировали глумливые стихи Демьяна Бедного. Молодежи навязывали роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», в котором высмеивался корыстный священник. Вместо обычной семидневной недели вводилась пятидневка, в которой воскресенье переставало быть выходным днем. На верующих оказывалось сильное давление: над ними смеялись, их клеймили позором, увольняли с работы.

Такая политика властей давала свои плоды: к середине 1930-х годов в храмах преобладали пожилые, неработающие

люди, в основном женщины. Священнослужители становились изгоями в обществе. При виде священника или дьякона, идущего по улице, мальчишки начинали улюлюкать, а могли и закидать грязью или снегом. Теперь прихожанам приходилось сопровождать своих батюшек.

Однако в 1937 году власти стали сворачивать идеологическое наступление на Церковь. Во-первых, в то время богохульство отрицательно воспринималось на Западе (например, в Англию запретили ввозить журнал «Безбожник»), а большевики прислушивались к мнению Запада. Кроме того, писатели-безбожники, в своих опусах очерняя Церковь, очерняли и русскую историю, а это противоречило новой установке властей – воспитывать в народе патриотизм. Известно письмо Сталина Демьяну Бедному, в котором «вождь народов» одернул слишком ретивого богоборца. Он писал:

«...В чём существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлекши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его на-

стоящее... Вы стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, <...> что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высококочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата».

Но самое главное, что подвигло большевиков приостановить шумную антицерковную кампанию, – это перепись населения 1937 года. Она дала неожиданные результаты: в пункте анкеты «Отношение к религии» большинство граждан, несмотря на угрозу преследований, признали себя верующими. Сталин приказал аннулировать результаты переписи. Многие переписчики были репрессированы. Властям стало ясно, что информационная борьба с верующим народом не дает результатов. Было решено прибегнуть к привычным для большевиков мерам – репрессиям.

*Богословский Константин Александрович
с женой Анимасой Ивановной. Вологда. 1900 г.*

*Протоиерей Константин Богословский –
настоятель Успенского собора.
Великий Устюг, 1910 г.*

*Матушка Анимаиса с детьми и внуками.
Вологда. 1932 г.*

Слева направо:

Богословский Николай Константинович;

*Богословская (Манакова) Любовь
Константиновна с сыном Володей;*

*Богословская Анимаиса Ивановна
с внучкой Натальей;*

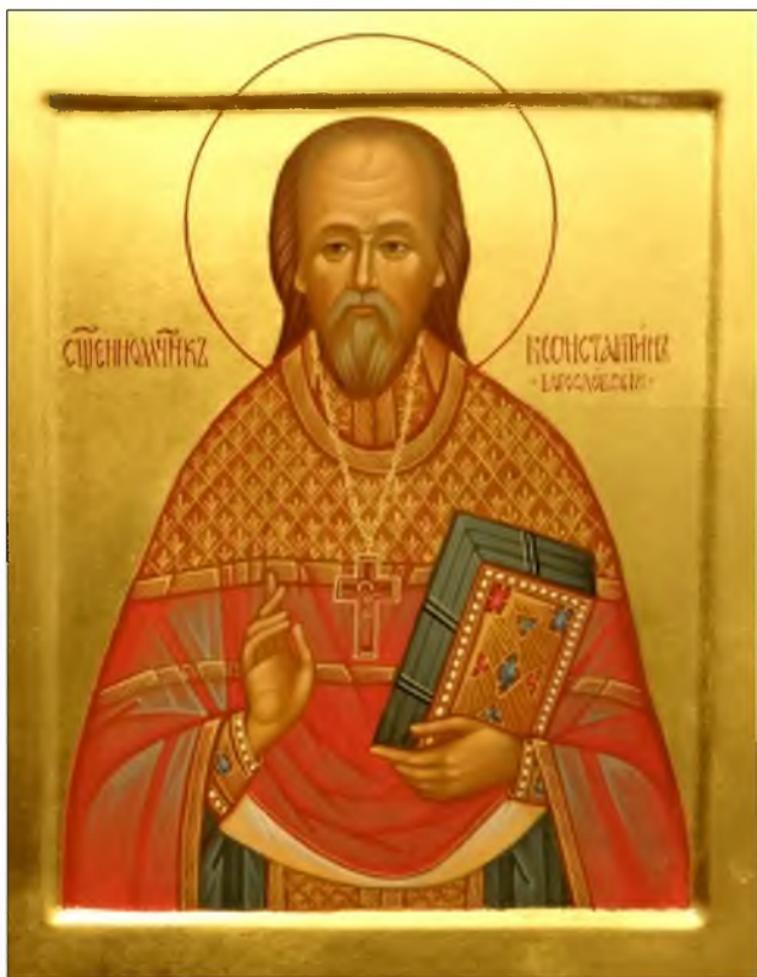
Богословский Александр Константинович

*Протоиерей Константин Богословский –
настоятель храма Рождества Пресвятой
Богородицы. Вологда. 1937 г.*

*Константин Александрович Богословский
в тюрьме НКВД. Вологда, 1937 г.
Фотография из следственного дела*

*Икона новомученика протоиерея
Константина Богословского (1871–1937)
Иконописец – Ольга Власова*

В 1930 году, после закрытия Благовещенской церкви, отец Константин был назначен настоятелем храма Рождества Богородицы. В 1937 году ему было 66 лет. Вот как описывает его внешность в своих воспоминаниях протоиерей Алексей Резухин, начинавший в то время мальчиком прислуживать в храме³⁰:

«Митрофорный протоиерей, кандидат богословия, в возрасте 60 лет с небольшим, среднего роста, стройный, прихрамывающий на одну ногу, с небольшой бородкой-клинышком, с длинными по плечам волосами тёмно-каштанового цвета без проседи, с намечающейся лысиной на голове, — вот образ его, который как сейчас вижу перед собою. Он был молчалив, очень сосредоточен, необщителен, ровен со всеми. На лице его всегда отражалась какая-то мысль. За архиерейским богослужением он был всегда предстоятелем. В обращении с Владыкой почтительно

³⁰ Здесь и далее при описании священнослужителей мы следуем публикации: Резухин А.А, протоиерей. Церковная Вологда тридцатых и сороковых годов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. — Вологда: «Легия», 2000. С. 756-822.

сдержан. Служение его внешними данными не отличалось. Иногда он говорил проповеди. Во время всенощных, когда вел службу какой-нибудь другой священник, он всегда стоял в алтаре у столика, который был приставлен справа к жертвеннику и углублялся в молитву, левой рукой чуть-чуть касаясь столика».

Священники из закрывавшихся церквей или уходили за штат, или переходили в церкви, еще оставшиеся открытыми. Так, в нижнем храме Рождества Богородицы оказалось семь священников и три дьякона. Конечно, вместе со священниками переходили и прихожане, точнее — те из них, что оставались твердыми в вере. Фактически этот храм стал кафедральным собором епархии. По площади он был не малым, но имел низкий потолок, а поскольку всегда был переполнен, то в нем было душно.

Пасха 1937 года пришлась на 2 мая. Храм был набит битком, но к тесноте прихожане привыкли, и не это омрачало праздник. На улице, у стен церкви, комсомольцы устроили настоящий шабаш. Такое бывало и раньше, но в этот раз безбожники, отметив свой Первомай, разошлись вовсю. В пьяном кураже пели по-

хабные частушки и, сгрудившись у входа, нагло хватали верующих за руки, не давали пройти в храм. Когда началась служба, на улице слышались вопли, даже кидали камнями в окна, к счастью, закрытые решеткой.

После полунощницы весь клир и прихожане вышли на крестный ход, и, когда густой колонной с фонарями и свечами двинулись вокруг храма, из окружающей темноты раздался свист и злобный вой, будто темные силы бесновались вокруг. Отец Константин шел, крепко сжимая в руках крест и стараясь глядеть только вперед, но иногда видел появляющиеся из мрака фигуры и пьяные, что-то воющие рожи, которые в неверном свете фонаря казались порождениями ада.

Когда вернулись в храм и отец Константин вышел на амвон, чтобы начать пасхальную заутреню, он увидел, что число прихожан уменьшилось, остались наиболее стойкие. Все взволнованно переговаривались, на лицах было смятение.

- Братья и сестры! – решил батюшка ободрить свою паству. – Пусть не смущает вас нападение злой силы. Наверное, многие задаются вопросом: «Как Господь допускает такие безобразия?» Я расскажу

вам такую притчу. Один благочестивый христианин как-то раз пришел в цирюльню, чтобы постричься. Цирюльник, подстригая его, говорил: «А я в Бога не могу поверить. Если бы Бог был, то Он бы не допустил, чтобы на земле жили убийцы, бандиты и тем более те, кто хулит самого Бога». На это христианин отвечал: «А я не верю, что на свете есть цирюльники. Взгляни в окно, видишь, идёт человек, весь заросший волосами. Значит, нет на свете цирюльников». Неверующий возразил: «Да нет же, просто он не хочет идти к цирюльнику – вот и ходит заросший». Христианин сказал на это: «Вот видишь, так и закоренелые грешники не хотят идти к Богу. А ведь Господь ждёт их, ждёт их покаяния. А если не дождётся, то получают они воздаяние по грехам своим».

- Не унывайте, любезные мои чада, – закончил свою речь отец Константин. – Спаситель наш говорил своим ученикам: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое, но и волос с вашей головы не упадёт. Терпением вашим спасайте души ваши».

После пасхальной службы, часа в три ночи, всем причтом сели за столы, поставленные в служебном помещении храма.

Все были сильно голодны, но старались есть чинно, не спеша.

- Да, молодцы наши женщины, наши Марфы и Марии, такую замечательную трапезу приготовили, прямо как в старые времена, – сказал отец Константин. Все посмотрели на четырех немолодых женщин, только что присевших к краю стола. Всю свою жизнь они посвятили храму: пекли просфоры, прибирались в помещении, по праздникам готовили трапезу; на их попечении была и ризница, и церковная лавка.

Владыки, епископа Иоанна (Соколова), не было. Он был назначен в Вологду год назад, но в храме бывал редко, а сейчас снова уехал в Москву. До него правящим архиереем был архиепископ Стефан, о котором все вспоминали с большой теплотой. В 1935 году Владыка Стефан отслужил Всенощную накануне праздника Воздвижения Креста Господня, а когда вернулся домой, его уже ждал «черный ворон». Потом стало известно, что он сослан в Сыктывкар на вольное поселение, там посещает храм и даже поет на клиросе. Монахиня Анна (Рогозина), одна из тех служительниц, что сидели сейчас за столом, ездила к нему, но оказалось, что Владыка уже заключен в колонию. Ей удалось увидеть его

на стройке, где шестидесятивосьмилетний архиепископ вместе с другими заключенными носил песок, камни и мостил дорогу. Анне разрешили короткое свидание с ним, чтобы вручить свою передачу. Она с трудом узнала владыку: он был острижен наголо, предельно изможден. В 1936 году она ездила к нему еще раз, но ей сказали, что владыка Стефан умер и похоронен в общей могиле.

«Не ждет ли и нас подобная участь? — думал отец Константин. — Обстановка в стране становится все более напряженной. Оказывается, на двадцатом году советской власти классовая борьба обостряется. Без конца разоблачают и расстреливают врагов народа. Похоже, что подбираются и к нам. В храме, во время службы, иногда появляются какие-то незнакомцы, они прислушиваются, осматриваются, а вид у них совсем не такой, как у верующих людей. Недавно алтарник Алексей рассказал странную историю. Ему настойчиво навязывается в друзья какой-то неизвестный мужчина средних лет, который сказал, что приехал из Белграда и намекал, что в здешней Церкви благодатность утрачена. Отец Константин велел Алексею избегать этого человека. Конечно, это мог быть посланник Русской Церкви за границей или

здешний «иосифлянин»³¹, но, скорее всего, это был провокатор из НКВД».

Отец Константин обвел взглядом сидящих за пасхальной трапезой. Это были не просто верующие люди, но люди, мужественные в вере: они не оставили Церковь в страшное время гонений. Священники почти все были коренные вологжане, когда-то закончившие Вологодскую семинарию.

Рядом с ним за столом митрофорный протоиерей Симеон Видякин. Когда-то он преподавал в епархиальном училище, слу-

³¹ Иосифляне — сторонники митрополита Иосифа (Петровых), не признавшие главенство митрополита Сергия, за то, что тот пошел на компромисс с властями. В результате образовалась нелегальная, «катакомбная», Церковь. В отличие от Русской Церкви Московского Патриархата, иосифляне за богослужением не поминали имя митрополита Сергия и не молились о «Богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея».

Следует заметить, что позиция митрополита Сергия, изложенная им в знаменитой декларации 1927 года, была вынужденной. Признавая законность новой власти, он тем самым пытался спасти Церковь в России от полного запрета. Компромисс с властями никак не касался догматов веры и канонов.

В Вологде в 1930-е годы жило немало ссыльных «иосифлян», в их числе архиепископ Варлаам (Ряшенцев) и епископ Евгений (Кобранов). Все они в 1936 – 1938 годах были арестованы и бесследно исчезли.

жил в храме Николы на Глинках. Сейчас ему 60 лет. У него шестеро детей, но они и его жена, матушка Павла, редко бывают в церкви.

По другую руку от отца Константина сидит митрофорный протоиерей Николай Замараев, ранее бывший настоятелем храма св. Андрея Первозванного. Он невысок, худощав, с густыми волосами каштанового цвета, с небольшой седой бородкой. Несмотря на свои 68 лет, он бодр, подвижен и каждый день ходит на службу пешком из Фрязинова, что в Заречье. Двое его детей, сын и дочь, стали врачами, живут в Вологде, но с отцом не знают и в церковь не ходят. Жена отца Николая живет у дочери, а сам он ютится в какой-то хибарке. Ухаживает за ним старушка-монахиня. Алтарник Алексей рассказывал, что как-то они с отцом Николаем вместе шли в храм и встретили его сына. Тот прошептал важно, с портфелем в руках, и даже не кивнул своему отцу. Несмотря на все это, лицо у отца Николая всегда светлое и радостное. Он ни на кого не обижается и готов помочь каждому. По первой просьбе идет исполнять требу на дому, какая бы погода ни стояла на дворе.

Ещё один член причта, сидящий за столом, — протоиерей Михаил Поддьяков,

бывший настоятель храма Иоанна Предтечи, что в Роценье. Это высокий, представительный священник шестидесяти пяти лет, с длинной белой бородой и длинными седыми волосами. За ним сидит протоиерей Александр Садоков, служивший ранее в Казанской церкви. Ему 56 лет, он высок, могуч, с огненно-рыжими волосами, густой бородой такого же цвета, красным лицом и большими руками, покрытыми веснушками. Служит он истово, часто со слезами на глазах, его сильный голос волнует прихожан. Отец Александр – большой любитель рыбной ловли и в свободные дни уезжает на лодке на Сухону или Лежу, ночует там на берегу в палатке. Его жена – дочь священника, тиха и скромна. В церковь она ходит редко, а их четверо взрослых детей выросли нецерковными. Живут все Садоковы в полуподвальном помещении в одной большой комнате, где стоят только кровати и стол со стульями.

Ещё двух присутствующих протоиереев – Павла Рукина и Алексия Алюхина – отец Константин знал плохо. Они служили редко и ничем не выделялись...

Все разговелись, выпили по рюмочке вина, повеселели. Дьяконы завели между собой какой-то шуточный спор. Отец Константин прислушался.

- Нет, отец Иоанн, до протодиакона Михаила Попова, покойного, тебе далеко, – говорил отец Алфей Корбанский. – Тот, когда кончал Евангелие читать, окна дрожали и свечи чуть не гасли.

- Ну, ты бы ещё вспомнил Васильевского, – отвечал отец Иоанн Преображенский. – Этот диакон залезал на колокольню Софийского собора и разговаривал с диаконом Прилуцкого монастыря, который сидел на своей колокольне.

Все вокруг заулыбались, представив себе этот разговор на расстоянии пяти верст.

Протодиакон Иоанн Преображенский, действительно, не отличался сильным голосом, но степенностью и выправкой вполне соответствовал своему званию. Он был в возрасте 55 лет, выше среднего роста, широкоплечий, с пышной, седеющей шевелюрой, маленькой бородкой и голубыми глазами. Отец Иоанн закончил Вологодское духовное училище и служил в храме мученицы Параскевы Пятницы до его закрытия в 1930 году. Годом раньше его вместе с женой и тремя малыми детьми выселили из дома. Чтобы власти оставили семью в покое, отец Иоанн развелся с женой и стал жить отдельно, тайно передавая семье часть своего заработка.

Из храма расходились еще затемно, шли группами с фонарями. Вышли на улицу Ленинградскую, пустынную в этот час. Постепенно группа таяла, но отца Константина до самого дома провожал Василий Николаевич – певчий с правого клироса, бывший царский генерал. Он был не молод, но высок, строен, с моложавым лицом и с большой, зачесанной на две стороны, бородой. На клиросе он пел уже давно, и отец Константин ценил его хороший бас, но сейчас они впервые разговорились. Оказалось, что после революции он перешел на службу к большевикам, обучал красных командиров военным наукам: фортификации и саперному делу. В 1934 году из Ленинграда выслали всех дворян, так Василий Николаевич оказался в Вологде.

- А к большевикам вы перешли по убеждению или от нужды? – спросил отец Константин.

- Было и то, и другое, – отвечал старый генерал. – Голодали, конечно. Жена сильно болела. Я ведь из бедных дворян, никаких драгоценностей у нас не было. И, кроме того, тогда я считал, что только большевики способны навести порядок в стране. Таких военспецов, как я, у большевиков служило немало. Потом, когда мы стали не нужны, от нас избавились.

Отец Константин тяжело вздохнул. Продолжать разговор он не хотел, тема была слишком опасной.

* * *

В мае 1937 года в местных газетах появилось сообщение, что постановлением Вологодского горсовета Богородицкое кладбище закрывается, погребения прекращаются, а через два года оно должно быть полностью уничтожено. Желающим предлагалось переносить останки своих близких на другие кладбища. Сообщалось, что такое решение вызвано строительством новых железнодорожных путей.

Для отца Константина было ясно, что власти нашли удобный предлог, чтобы закрыть сначала кладбище, а затем и расположенный на нем храм. Обсудили это дело с прихожанами и решили написать письмо в Москву с просьбой отменить решение горсовета. Письмо получилось большое, взволнованное. Окончательную редакцию взял на себя профессор Московской духовной академии Сергей Сергеевич Глаголев, отбывавший в Вологде ссылку. В письме предлагалось «сдвинуть ограду кладбища... это уже даст возможность проложить третьи пути, не заставляя тысячи людей переживать неприятности и недо-

вольство, так как на кладбище похоронены у нас родные, могилы которых дороги гражданам, и, надо полагать, в этом ничего предосудительного против установок советской власти нет, так как советская власть также хранит и украшает погребения своих людей...».

Подписи взялся собирать П.А. Девятков, бывший вологодский купец. Подписалось более сотни вологжан, чьи родственники были похоронены на кладбище. Девятков повез прошение в Москву и передал его в Президиум ВЦИК.

Ответа не дождались. А вскоре последовали роковые события...

Отец Константин с матушкой Анимаисой жили в одноэтажном четырехквартирном доме. Недавно проводили в армию младшего сына Александра и остались одни. Старший сын Николай с семьей жил в Грязовце, а дочка Люба – в Великом Устюге. В июне дочка вместе с мужем и двумя маленькими детьми обещала приехать в гости. Надо было готовиться к встрече, запастись продуктами, а денег было совсем мало. Как-то вечером, возвращаясь домой после церковной службы, Анимаиса Ивановна рассказала подруге о своих заботах. После этого к ним домой потянулись добросердечные прихожане:

кто принес полмешка картошки, кто ведро соленых огурцов, кто мешочек риса и туесок яиц. Соседка, которая держала коз, обещала продавать каждый день большую кринку молока. На небольшом огороде возле дома Анимаиса Ивановна обычно выращивала хороший урожай овощей, и уже сейчас на грядках бодро тянулись вверх пучки зеленого лука и наливалась в земле морковка.

Да, священнослужителей сделали изгоями в обществе. Они жили в своем узком кругу, но внутри этого круга они дышали воздухом свободы. Им не надо было участвовать в митингах, собраниях, выслушивать лживые речи, аплодировать, прославлять вождей, клеймить врагов. Они не участвовали в делах тьмы. Плохо было то, что власти постоянно вторгались в этот островок свободы, и особенно болезненно ощущалось то, что власти не давали воспитывать детей. Школа обрабатывала детские мозги так, что дети священников нередко вырастали неверующими.

Слава Богу, с Любой всё сложилось хорошо. Отец Константин и матушка Анимаиса радовались, глядя на дочь и её семью. На второй день после приезда Люба повела детей в церковь к причастию. Зять Алексей тоже был человеком верующим, он в

багровое солнце залило полнеба кроваво-красным цветом. Это было красивое и в то же время жутковатое зрелище.

- Какой кровавый закат! – удивлялась матушка. – Будто знамение какое.

Отец Константин вздохнул:

- Нет, матушка, глух наш народ к знамениям, потому и не даются они ему. Даже страшные испытания не вразумили людей. Ведь тогда, в начале века, неверие множилось в народе, как заразная болезнь. Да и в самой Церкви были нестроения: славолубие, сребролюбие, любоначалие. Вот и попустил Господь войну да революцию. И что же, образумился народ? Нет, еще пуще погряз в грехах. Что мы видим сейчас? Богохульство, разрушение храмов, уничтожение невинных людей. Значит, скоро гнев Божий опять обрушится на Россию. Ждать надо новой страшной кары, – может быть, какой-нибудь невиданной доселе войны.

- Вчера на вечерней службе я видела какую-то странную женщину. Стоит, лба не перекрестит, только глазами зыркает на всех... Боюсь я, Костя, что и наш храм закроют. Тревожно мне что-то на сердце.

Матушка Анимаиса была единственным человеком, с которым отец Константин позволял себе говорить откровенно.

- Что бы они ни вытворяли, как бы ни бесчинствовали, Церковь Христова устоит и «врата адовы не одолеют ее». Большевики сгинут, аки обры, а христиане останутся. И закрытые храмы откроют, и новыми храмами землю нашу украсят.

Они шли по Пречистенской набережной и смотрели, как догорает огненный закат. Прошли мимо церкви Зосимы и Савватия со спиленным крестом и полуразрушенной колокольной. На другой стороне реки высились обезображенные храмы Николы во Владычной слободе и Дмитрия Прилуцкого. Слева тянулось огромное здание семинарии, так хорошо знакомое отцу Константину. Теперь оно было занято каким-то советским учреждением. Внизу, у берега, замерев в одинаковых позах с удочками, стояли рыболовы, и стар и млад. Некоторые, закатав штаны, зашли далеко в воду.

- Помнишь, Костя, ты меня здесь встречал, когда я шла домой с работы? Сорок лет назад это было. Тогда тоже рыболовы здесь стояли, только река была глубже.

Отец Константин взял свою жену под руку.

- Конечно, помню, Аня. Ты была такая робкая, стеснительная. Жизнь тогда совсем другая была. А теперь обмельчала

наша жизнь, как река. Всё какие-то мелкие заботы нас одолевают – о пропитании, об одежде. Какие-то страхи нас угнетают...

В доме было непривычно тихо и одиноко. Ночью долго не могли уснуть, и когда в третьем часу, наконец, задремали, раздался шум мотора, а потом громкий стук в дверь и крик: «Откройте, милиция!» Вошли двое в длинных плащах, один из них сказал:

- Гражданин Богословский Константин Александрович? Вы арестованы. Вот ордер на арест и обыск. Собирайтесь, поедете с нами.

Один из вошедших сел за стол и разложил бумаги, другой стал вытаскивать полки из комода и вытряхивать содержимое на пол. Пришёл третий, в форме милиционера, и привел двух заспанных мужчин из соседних квартир. «Это понятые», – догадался отец Константин. Он стоял, прислонившись к стене, кровь прилила к голове и противно стучала в висках. С этого момента его жизнь разорвалась надвое: теперь он не настоятель храма, а бесправный заключённый. «Господи, помилуй. Господи помилуй», – повторял он и постепенно успокаивался. – Ну что же, теперь все это не так страшно, как пятнадцать лет назад. Дети выросли, жизнь прожита,

возраст уже смертный». Он посмотрел на матушку: она стояла в оцепенении. Подошел к ней и обнял за плечи. Она прижалась к мужу, он почувствовал мелкую дрожь её тела, погладил её по плечу, хотел сказать слова утешения, но не успел. Раздался грубый оклик:

- Гражданин Богословский, одевайтесь скорее! Мы вас ждем. Возьмите с собой самые необходимые вещи – и на выход. Гражданка Богословская, помогите мужу собраться...

Приведём здесь отрывок из письма внучки отца Константина, адресованного вологодскому историку К. О. Козлову:

«Наша семья, Любовь Константиновна Манакова (Богословская), её муж Алексей Авенирович Манаков и двое детей, были в гостях у Богословских в мае – начале июня 1937 года³². Пока мы гостили в Вологде, все было спокойно. О. Константин служил в церкви, мы там несколько раз присутствовали.

После окончания отпуска у родителей мы сели на пароход, чтобы доехать до Великого Устюга. Но река Сухона обмелела, пароход дошёл только до г. Тотьмы

³² Ошибка памяти. Правильно: в июне-начале июля 1937 года.

и сразу же вернулся в г. Вологду. На следующий день мы снова были в квартире дедушки и бабушки Богословских на ул. Ленинградской. Но нас встретила только одна растерянная и расстроенная бабушка Анимаиса Ивановна и рассказала все подробности ночного посещения и сказала, что дедушку о. Константина забрали. Мы стояли как вкопанные, громом пораженные. Потом узнали приговор: «Десять лет без права переписки».

Надо было ехать домой, и нам пришлось отправиться по железной дороге в г. В. Устюг с пересадками...

*Наталья Манакова
Рязань, 7.12. 99 г.»*

Мы не знаем и уже никогда не узнаем подробностей содержания отца Константина под стражей. Возможно, к нему применялись меры физического воздействия, ведь в 1937 году они были разрешены официально. Сохранились лишь казённые строки следственного дела, по которым можно судить о стойкости арестованного священника. Его обвиняли в том, что «являясь организатором и руководителем церковно-монархического подполья, проводил непримиримую и систематическую борьбу с Советской властью,

распускал клевету на Сталинскую Конституцию, вождей партии и правительства и вёл контрреволюционную агитацию против всех мероприятий Советской власти». Подписывать постановление, содержащее вымышленные обвинения, отец Константин отказался, а на единственном допросе, произведённом в день ареста, он заявил: «Контрреволюционной деятельности я не проводил». Тем не менее, допросив нескольких «свидетелей», оперуполномоченный счёл обвинения доказанными.

Тройка при УНКВД по Северной области приговорила Богословского 19 сентября 1937 года к расстрелу. Как было указано в документах, приговор привели в исполнение в тот же день.

В ночь с 1 на 2 июля были арестованы также протоиереи Симеон Видякин, Николай Замараев и протодиакон Иоанн Преображенский. Осенью последовала ещё серия арестов: все священники и диаконы Рождественско-Богородицкой церкви оказались под стражей. Все проходили по одному делу: их обвиняли в том, что они «являлись членами контрреволюционной монархической группы и распространяли контрреволюционные клеветнические измышления». Большинство арестованных отказались признавать себя виновными и

не давали показаний против других обвиняемых. Все арестованные были расстреляны или погибли в лагерях. Та же участь постигла и ссыльных священнослужителей, монахов и монахинь, пребывавших тогда в Вологде.

Анимаиса Ивановна Богословская жила в Вологде до 1944 года, когда её постигло ещё одно горе: на фронте погиб сын Александр. Она переехала в Великий Устюг к дочери и в том же году скончалась в возрасте 69 лет.

После массовых арестов 1937 года служба в нижнем храме Рождества Богородицы прекратилась. Верхний храм, принадлежавший обновленцам, как и Воскресенский собор, был закрыт. Были арестованы также священники и диаконы Лазаревской церкви, а церковь закрыта. Фактически в Вологде остались два священника: Александр Беляев и Николай Добряков. Первый избежал ареста, поскольку его в 1937 году не было в Вологде, а второй был тяжело болен.

Верующий народ требовал открытия храма, и власти вынуждены были пойти на уступку: с 1939 года службы в Рождественско-Богородицкой церкви возобновились. Здесь стал служить отец Анатолий Городецкий, прослуживший всю

жизнь в сельском храме. (В начале 30-х годов он был арестован и, отбыв заключение, работал в Вологде дворником). В 1943 году к о. Анатолию пришёл помощник – священник Иоанн Мальцев, в прошлом обновленец, принесший покаяние и допущенный к служению Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием.

Место Вологодского владыки тогда пустовало.

В январе 1945 года в Никольском соборе Ленинграда протоиерей Иоанн Мальцев был пострижен в монашество с именем Иустин, а вскоре совершилась его хиротония во епископа Вологодского и Череповецкого.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы оставался единственным в Вологде, и лишь в 1946 году была вновь открыта Лазаревская церковь.

ЭПИЛОГ

Все репрессированные органами ЧК-ОГПУ-НКВД священнослужители, их семьи и другие невинно осужденные граждане были реабилитированы в 1990-е годы за отсутствием в их действиях состава преступления.

В 2000 году на Архиерейском Соборе РПЦ протоиерей Константин Александрович Богословский (1871 – 1937) был прославлен как новомученик. На том же Соборе, а также в 2002 году на заседании Священного Синода были включены в Собор новомучеников и исповедников Российских и другие клирики собора Рождества Богородицы:

протоиерей Николай Васильевич Зама-
раев (1869 – 1937);

протодиакон Иоанн Александрович Пре-
ображенский (1880 – 1938);

диакон Алфей Анатольевич Корбанский
(1873 – 1937).

Всего к настоящему времени канонизи-
ровано 19 новомучеников и исповедников
Вологодских. В их память 16 июля совер-
шаются богослужения в храмах Вологод-
ского благочиния.

* * *

Летним днем 2005 года к храму Рожде-
ства Богородицы подъехал автомобиль, из

которого вышла молодая женщина в платочке с мальчиком 6-7 лет. На церковном дворе было многолюдно. Только что закончилась воскресная Литургия в верхнем храме, и народ, спускаясь по ступенькам, выходил на улицу. В нижнем храме началось Крещение, туда спешили родители с детьми в сопровождении родных. Женщина, держа мальчика за руку, зашла в церковную лавку и подошла к прилавку:

- Скажите, панихиду еще не поздно заказать?

- Нет, не поздно, ещё молебен только начался.

- Тогда запишите на панихиду раба Божьего Павла, – сказала женщина и, как бы оправдываясь, добавила: – Мы, вообще-то, в другой храм ходим, но меня попросили именно у вас заказать. Это я за своего прадедушку заказываю, он когда-то в этот храм ходил, еще в тридцатые годы.

Мальчик дергал свою мать за руку:

- Мама, почему мы из одной церкви приехали в другую? Я домой хочу.

- Подожди еще немного, сынок. На вот, съешь еще просфору. Понимаешь, моя бабушка Галя очень просила меня сегодня заказать панихиду за своего отца. Помнишь, она показывала тебе старинную медную иконку? Это ей осталось от её папы.

- От бабушкиного папы? – мальчик задумчиво ел просфору, видно пытаюсь представить себе уходящую в прошлое череду поколений.

Они пошли к выходу, но женщина, увидев висящий на стене листок, подошла к нему и прочитала:

«Священномученик Константин Богословский, пресвитер (1937 г.). Память 19 сентября (6 сентября по церковному календарю)...».

Она стала читать дальше, и по лицу ее было видно, что чтение ее сильно волновало. Она с изумлением произнесла:

- Ведь это тот самый священник, про которого мой прадед писал в своем дневнике! Оказывается, его прославили как святого.

На глазах у нее были слезы. Она взяла сына за руку:

- Пойдем в церковь, Павлик...

* * *

В солнечный июньский полдень городские улицы были заполнены народом. Крестные ходы двигались от всех вологодских храмов на Кремлевскую площадь к Софийскому собору. Православный люд, отстояв Литургию, шел тожественно и радостно, с пением тропарей, с хоругвями и иконами в руках, в сопровождении мили-

цейских машин с мигалками. Было третье воскресенье после Пятидесятницы – День Вологодских святых.

На площади, у самой стены собора, недалеко от крыльца, где должен был состояться молебен, стояла, опираясь на трость, старая женщина. Это была Галина, дочь Павла Хитрова. Рядом с ней стояла ее внучка – 30-летняя дама, которая заранее привезла сюда свою бабушку, чтобы занять хорошее, возвышенное место.

Старушка смотрела на подходящие к площади колонны, во главе которых шли хоругвеносцы и празднично одетые священники, и из глаз её непрерывно катились слезы. Ей вспоминалась Пасха 1937 года, когда она, еще молодой девушкой, вместе с отцом шла крестным ходом вокруг храма под злобные вопли безбожников. Вскоре после этого отца арестовали, и лишь много лет спустя удалось узнать, что он почти сразу после ареста умер в тюрьме. Только благодаря своей тёте Галина, круглая сирота, встала на ноги, выучилась, стала учительницей. Всю жизнь проработала в школе, хлебнула горя, когда убили мужа на войне, и пришлось одной растить сына. Веру она сохранила, хотя в церкви бывала не часто. Такое было время: за посещение церкви учителя могли уволить.

- Ну что ты всё плачешь, бабуля? – сказала внучка. – Посмотри, какая радость вокруг! Вон, смотри, подходит крестный ход от Рождества Богородицы и от Николая на Глинках. А с этой стороны, смотри-ка, знакомые лица: идут из Лазаревской церкви и Успенской. А вон там показалась колонна из Заречья, – это, наверное, от Николая во Владычной слободе и от Андрея Первозванного.

Прошел молебен. На крыльце прозвучало и, подхваченное огромной людской массой, раздалось над древней площадью и понеслось к небесам:

- Все святые Вологодские, молитесь Бога о нас! Новомученики Вологодские, молитесь Бога о нас!

И в молитве этой слышалась надежда и упование на то, что страшные времена не вернуться, что не начнутся новые гонения на христиан и что спокойным будет течение христианской жизни в тихой Вологде.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Приведем здесь материалы из архива ФСБ Вологодской области, которые послужили основанием для канонизации Константина Александровича Богословского³³.

**Следственное дело 1937 г.
на Богословского К. А.
Архивный номер П-11834.**

Анкета арестованного

Богословский Константин Александрович,
<Родился:> 17 февраля 71 <года в> с. Борисоглебское, Грязовецкого района Северной области. <...>

<Происхождение:> Из семьи служителя культа. Отец — священник. Мать — дочь священника. Имели дом и землю до 60 десятин на причт. Служитель культа, священник.

а) до революции — смотритель духовного училища в г. Великий Устюг. Недвижимого имущества не имел.

б) священник в г. Великом Устюге. Недвижимого имущества не имел.

<Использование наёмной рабочей силы:> не применялась.

В 1923 г. был в административной ссылке в г. Архангельске на 2 г.

<Когда отбыл наказание, когда вернулся домой:> В 1925 г. по отбытии срока.

³³ Из личного архива К.О. Козлова.

<Приводы:> не имел.

<Семья:> жена Анимаиса Ивановна проживает в г. Вологде Ленинградская ул., д. 18, кв. 1. Дочь — Любовь — 36 <лет> в г. Великий Устюг на иждивении мужа. Сын Николай — 34 г. Грязовецкий район техник строитель. Сын Александр — 23 г. — в РККА в г. Пскове красноармеец.

<Родственники:> Брат Николай Александрович — 69 л. — бывший священник на иждивении детей в Грязовецком районе д. Поповкино. Брат Александр Александрович — 45 л. священник Череповецкого района Ярославской области. Сестра — София — 52 г. на иждивении мужа-священника в Грязовецком районе в с. Банчаково, сестра Юлия — 48 л. врач с. Покровского Вологодского района. Не судимы.

<Образование:> Духовная академия в г. Казани в 1895 г. Б/п. Русский. Гражданин СССР. <...>

<В белых и других частях:> не служил и не участвовал.

27 августа 37 г.

Справка

По картотеке Вологодского Горотдела НКВД значится Богословский Константин Александрович. Разрабатывается в контрреволюционной деятельности. Реакционный поп. Враждебно настроен к Советской власти. В 1930 г. дело № 1432.

17.08.37

Ордер на арест и обыск

<Датирован 1.07.37, предъявлен 2.07.37>

Протокол обыска

1937 г. июля 2 дня <...>

<Присутствовали:> Братановский Евлампий Васильевич и Смирнов Александр Павлович.

<Изъято:>

Паспорт за № 562131 на имя Богословского Константина Александровича

Фотографий — 5

Блокнотов разных — 10 штук

Разные переписки в шести делах. Из них в № 1 = 75 лист., № 2 = 200 листков, № 3 = 56 лист., № 4 = 38 лист., № 5 = 43 лист., № 6 = 85 лист.

Всего 497 листков.

Справка на арест и привлечение к ответственности

Богословского Константина Александровича по ст. ст. 58 п. 10 ч. 2 и 58 п. 11 УК РСФСР.

Вологодский Горотдел НКВД располагает данными о том, что, Богословский Константин Александрович, имея связи с контрреволюционным церковным элементом г. Вологды, проводит активную контрреволюционную деятельность, распускает всевозможные провокационные слухи контрреволюционного содержания, ведёт пораженческую агитацию и пропагандирует фашизм, устанавливает связи с контрреволюционным церковным элементом

в других районах Северной области, собирает антисоветские тенденциозные сведения о состоянии колхозов и настроении колхозников. Возбуждает недовольство масс и настраивает эти массы против проводимых мероприятий Советской властью.

<...> Подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. ст. 58 п. 10 ч. 2 и 58 п. 11 УК РСФСР.

Постановление об избрании меры пресечения

Я <...> рассмотрев имеющийся материал на Богословского Константина Александровича <...> и принимая во внимание, что гражданин Богословский ведёт активную контрреволюционную деятельность, может от следствия и суда скрыться, а поэтому руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 158 УПК, постановил:

Богословского К. А. арестовать и содержать под стражей в Вологодской тюрьме.

2 июля 37 г.

<Мне объявлено:> Константин Богословский.

Постановление о предъявлении обвинения

Я, Помощник Оперуполномоченного Вологодского Горотдела НКВД — сержант Государственной безопасности <...>, рассмотрев следственный материал по делу № 8965 по

обвинению Богословского Константина Александровича <...> и принимая во внимание, что Богословский К. А. достоверно изобличается в том, что имея связи с контрреволюционным церковным элементом г. Вологды, вёл активную контрреволюционную деятельность, распространял провокационные слухи контрреволюционного содержания, пропагандировал фашизм, устанавливал связи с контрреволюционным элементом в других районах Северной области, собирал антисоветские тенденциозные сведения о состоянии колхозов и настроении колхозников, возбуждал недовольство масс и настраивал эти массы против проводимых мероприятий Советской властью, а поэтому на основаниях ст. 128 и 158 УПК, постановил:

Богословского Константина Александровича привлечь к ответственности по ст. ст. 58 п. 10 ч. 2 и 58 п. 11 УК РСФСР. Мереу пресечения способов уклонения от следствия — оставить прежней содержание под стражей в Вологодской тюрьме.

Настоящее постановление мне объявлено 17.7.37.

От подписи отказался.

Протокол допроса

1937 июля 2 дня я, пом. опер. Уполномоченного ВГО Управления НКВД по Северному Краю <...> допросил Богословского Константина Александровича <...>.

Жена: Анимаиса Ивановна 63 л.

Партийность — беспартийный. В ВКП (б) и других партиях не состоял.

<Подвергался ли репрессиям:>

а) <до революции> не подвергался

б) после революции в 1923 г. осуждён на 2 г. ссылки. Наказание отбыл.

<Награды:> не имеет

<На воинском учёте:> не состоит

<В Красной Армии:> не служил

<В белых армиях:> не состоял

<В бандах:> не участвовал

<Сведения об общественно-полезной деятельности:> нет.

В. С кем вы были связаны из служителей культа в г. Вологде?

О. В г. Вологде я был связан со следующими служителями культа: Подьяковым Михаилом Дмитриевичем, Рукиным Павлом Васильевичем, Видякиным Симеоном Петровичем, Замараевым Николаем Васильевичем, Добряковым Николаем Александровичем, Садоковым Александром Андреевичем, Алюхиным Алексеем Алексеевичем, Преображенским Иваном Александровичем, Воскресенским Виктором Владимировичем, Корбанским Алфеем Анатольевичем и епископом Вологодским Соколовым Иоанном.

В. С кем Вы имеете связи из ссыльных в г. Вологде?

О. Ссыльных в г. Вологде никого не знаю.

В. Среди населения г. Вологды Вы проводили контрреволюционную деятельность. Дайте ваши показания.

О. Контрреволюционной деятельности я не проводил. Протокол записан с моих слов правильно, мне прочитан.

Протокол допроса свидетеля

1937 г., августа 28 дня
У. А. И.

Мне известно, что организатором и руководителем церковно-монархического контрреволюционного подполья в г. Вологде является священник Богородской кладбищенской церкви Богословский К. А. Богословский является председателем Епархиального совета и имеет широкие связи с церковно-монархическими кругами в других регионах Северной области. В октябре 1936 г. священник Богородской церкви Видякин Симеон Петрович и Богословский К. А. в беседе с другими церковниками вели контрреволюционную агитацию и распространяли контрреволюционную клевету на Советскую власть: «Даже молодёжь понимает обман придётся работать день и ночь, но никто отдыха не знает и люди поняли весь обман Советской власти, но как говорится «один в поле не воин». Теперь все видят, что дожили до холода и голода, самим есть нечего, а государству хлеб отдай. Ранее при царском строе все крестьяне жили зажиточно, а теперь хоть с голоду помирай». По вопросу Испанских событий одобряли действия фашистов и заявили: «С Испанией будет то же, что и с Абиссинией.

Мы понимаем, что Советский Союз во всём помогает Испании, но только нас зажали, и мы боимся об этом говорить». <...> Богословский, являясь непримиримым врагом Советской власти, выступает против проводимых мероприятий Советской властью, например: в мае месяце 1937 года Вологодский Горсовет решил для государственных целей отвести Богородское кладбище, а похороны на нём запретить. Против постановления Горсовета Богословский организовал протест действуя через активного церковника местного (бывшего) купца Девяткова Павла Александровича. Богословский мне лично говорил, что собрать подписи под протестом было решено в церкви на Богородском кладбище, но впоследствии признали это неудобным и решили подписи собирать по домам. Сбор подписей проводил Девятков, который предлагал свои услуги поехать в Москву в качестве ходока от общины. Жалобу писал бывший административный ссыльный в прошлом профессор Духовной Академии Глаголев Сергей Сергеевич. Кроме этого мне Богословский говорил, что Советская власть делает гонение на религию, церковь по закону отделена от государства, а на самом деле государство вмешивается во внутренние дела церкви. <...>

Протокол допроса свидетеля

25.08.37

Д. Н. А.

Из духовенства хорошо знаю Садокова А., Алюхина А., Замараева, Видякина, Преображенского, Корбанского, Богословского, бывшего церковного старосту Русанова — по совместной службе в Богородско-кладбищенской церкви, также знаю Девяткова, не имеющего работы. Означенная группа духовенства в течение последних лет ведёт систематическую антисоветскую контрреволюционную агитацию, высказываясь за поражение СССР в будущей войне, среди населения и духовенства. Так например: <...>

Богословский. Является инициатором «протеста от населения» перед Москвой о закрытии Богородского кладбища. Они с Садоковым старались доказать населению, что закрывая кладбище, власть «устраивает гонение на религию, ибо вслед за кладбищем надо ждать и насильного закрытия церкви».

Обсуждая сталинскую конституцию среди духовенства в начале 1937 года Богословский агитировал: «Конституция — это маневр перед капиталистическими государствами, на самом же деле никаких реальных улучшений и свобод не будет». Клеветал на партию и правительство. Вместе с Рукиным называли ссыльное духовенство — «страдающими за веру и замученными Советской властью». <...>

Протокол допроса свидетеля

1937 августа 28 дня
Ш. В. А.

Из духовенства Богородской кладбищенской церкви знаю Богословского К. А., Чебурахина П. А., Алюхина А. А., Замараева Н., как лиц, ведущих систематическую контрреволюционную агитацию, распространяющих среди населения контрреволюционную клевету с тем, чтобы вызвать недовольство Советской властью среди населения, измышляющих контрреволюционные провокационные слухи. Эта группа при участии Садокова А. А., Видякина С. П., Преображенского И. А., Девяткова, Русанова и др. организовано выступала против закрытия Богородского кладбища, отводимого под ж. д. пути. Организовали сбор подписей среди граждан города и пригорода и пытались послать «ходока» с протестом в Москву — бывшего купца Девяткова — активного церковника. Через Девяткова и других распространили провокацию: «закрытием кладбища власти хотят скрытым путём закрыть Богородско-кладбищенскую церковь, лишая тем самым верующих своего храма».

Богословский в течение последнего десятилетия ведёт контрреволюционную агитацию, клеветает на Советскую власть и прессу, агитируя: «Церкви закрывают насильно против воли граждан, служители культа притесняются». Среди населения агитировал: «Колхозы

плохо организуются, они преждевременны, крестьян в них загнали насильно, и колхозники голодают». Распространял контрреволюционную клевету на руководителей партии и правительства, давая им контрреволюционные характеристики, агитировал: «они не умеют и не могут управлять государством, издают нелепые законы, от которых страдает население». Среди населения и духовенства по вопросу материальной помощи испанскому народу со стороны СССР, весной 1937 г. Богословский агитировал: «Хлеб в Испанию посылаем, а сами голодом сидим, взамен хлеба получаем из Испании гнилые апельсины».

Тогда же, читая газету, восхвалял германский фашизм, клеветца на Советскую власть и прессу. <...>

Протокол допроса свидетеля

1937 августа 25 дня

Т. Ф. Н., 1892, служащий, имеет среднее образование, женат, не судим, работает инспектором пчеловодства.

Из духовенства в г. Вологде знаю: Видякина С., Замараева Н., Чебурахина П., Богословского К., Садокова А., Преображенского, старосту церкви Русанова Н. и их пособника Девяткова. Эта группа духовенства является «ядром» Богородско-кладбищенской церкви, ведущим контрреволюционную, фашистскую, пораженческую агитацию, систематически распростра-

няют среди населения и духовенства контрреволюционную клевету на партию и правительство, одновременно восхваляют фашизм. Указанная группа во главе с Богословским, Садоковым, Преображенским, организовала население на подписание составленного ими протеста во ВЦИК на постановление горсовета о закрытии Богородского кладбища. Этим духовенство пыталось восстановить население против Советской власти. <...>

Протокол допроса свидетеля

15.08.37 г.

П. М. Д.

В 1935 г. зимой однажды священник Богословский, будучи у меня на квартире в гостях, при разговоре об управлении государством иронически заметил: «В правительстве у нас сидят бывшие каторжане, и не умеют управлять государством, а издавая нелепые законы, только мучат население». В 1937 г. при разговоре со мной, незадолго до его ареста, говорил о помощи Испании так: «В Испанию хлеб отсылают, а сами сидим без хлеба чёрного и того не хватает». Других разговоров я с ним не вёл и взгляды его не разделял.

Протокол допроса свидетеля

23.08.37

С. А. Н.

В. Обсуждался ли между вами и бывшим настоятелем Богородско-кладбищенской церкви священником Богословским вопрос о «неправильном» закрытии Богородского кладбища Горсоветом для строительства 2-х путей СЖД?

О. Да. В начале мая месяца этого года после опубликования постановления горсовета о закрытии кладбища, числа не помню, перед всенощным священник Богословский при встрече со мною в церкви сказал мне: «Слышали кладбище закрыть хотят, надо хлопотать, чтобы не закрыли кладбища, надо подыскать подходящего человека и собрать подписи граждан, но собирать подписи в церкви нельзя, а надо обойти граждан по домам, в общем, не в церкви, а как-нибудь иначе». Я ответила: «Я категорически от всего этого отказываюсь и участия принимать не буду». Через несколько дней Богословский при встрече в церкви сказал мне, что Девятков на церковный совет обижается за бездействие, так он Девятков это дело организует сам, а потом поедет в Москву.
<...>

**Заключение по следственному делу
№ 8965 Вологодского ГО УНКВД СО**

<...> <Сущность обвинения:>

Является организатором и руководителем церковно-монархического контрреволюционного подполья в г. Вологде. Ведёт непримиримую борьбу с Советской властью и проводимыми мероприятиями.

Зимой 1935 г. на квартире священника Подьякова среди духовенства агитировал: «В правительстве у нас сидят бывшие каторжане и не умеют управлять государством, а издавая нелепые законы, только мучают население».

В октябре месяце 1936 г. распространяя контрреволюционные клеветнические измышления, агитировал: «Даже молодёжь понимает обман, приходится работать день и вечер, никто отдыха не знает, и люди поняли весь обман Советской власти, но как говорится «один в поле не воин». Теперь все поняли, что колхозы дожили до голода, хлеб отдали государству, а самим есть нечего, хоть умирай. Крестьяне раньше, при царском строе, были все зажиточные. У Советской власти все хорошо». Тогда же восхвалял фашизм и заявил: «С Испанией будет то же, что и с Абиссинией. Мы понимаем, что Советский Союз во всем помогает Испании, но только нас зажали, и мы боимся об этом говорить».

В начале 1937 г. обсуждая Конституцию среди духовенства, агитировал: «Конституция

Выписка из протокола № 9 заседания
тройки при УНКВД по СО

19.09.37

Слушали:

24. Дело № 8965 Вологодского ГО УНКВД
СО по обвинению Богословского Константина
Александровича, 1871 г. рождения, священ-
ник, судимый.

Обвиняется в том, что, являясь организато-
ром и руководителем церковно-монархического
подполья, проводил непримиримую и систе-
матическую борьбу с Советской властью, рас-
пускал клевету на Сталинскую Конституцию,
вождей партии и правительства и вёл контрре-
волюционную агитацию против всех меропр-
ятий Советской власти.

Постановили:

Расстрелять.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Житие священномученика Вологодского митрофорного протоиерея Константина Богословского (из архива Вологодской епархии. Текст жития составлен К.О. Козловым)

Константин Александрович Богословский родился 17 февраля (1 марта) 1871 года в селе Борисоглебское Грязовецкого уезда Вологодской губернии (2, л. 12). Его отец, священник Борисо-Глебской Ельниковской церкви Александр Григорьевич Богословский (1847–1906), происходил из духовного сословия, из рода Непеиных. Отец Александра Григорьевича, также священник Грязовецкого уезда Григорий Николаевич, урождённый Непеин, получил в семинарии фамилию Богословский (3, с. 657). Священнический род Непеиных был довольно древним. Так, в 1724 году в связи с делом об «оскорблении чести пресветлого монарха» вместе с другими священниками из Вологды в Петропавловскую крепость был заключён диакон Матвей Непеин (4).

Как заслуженный пастырь, Александр Григорьевич Богословский пользовался большим уважением прихожан, которые с любовью преподносили ему в юбилейные даты ценные подарки. Он долгое время был окружным благочинным. Духовенство округа избрало его своим духовником. К 35-летию служения о. Александра в священном сане и на Борисо-Глебском

приходе ему были подарены иконы и прочитан адрес, где, в частности, говорилось: «Вы всегда были готовы на этот труд, — и днём и ночью, и в вёдро и в непогоду спешили к больному со Св. Дарами и словом утешения, отирали слёзы сирот и облегчали людское горе; радовались с радующимися и печалились с печальными. Всякий нравственный недуг среди паствы отзывался болью в Вашем сердце, и Вы спешили врачевать его. С церковного амвона все эти 35 лет неослабно несло к нам Ваше назидательное, учительное и задушевное пастырское слово. Вашими заботами устроены у нас в приходе две школы, и вот уже 25 лет Вы несёте обязанности законоучителя, посеявая в чистые детские души семя веры, любви и правды» (3, с. 660).

Мать Константина Александровича, Любовь Фёдоровна, была также дочерью священника. Она отличалась особой кротостью, которую от неё унаследовал Константин. Кроме него, в семье было ещё 7 детей: 3 брата и 4 сестры. Мальчик родился с серьёзным физическим недостатком: у него был врождённый подвывих бедра, и он довольно сильно прихрамывал всю свою жизнь. Поэтому с самого начала родители направляли его путь по преподавательской стезе, в отличие от его братьев, которых готовили к священству. Старший брат, Николай, ставший впоследствии протоиереем, настоятелем Ильинской Кубенской церкви Вологодского уезда (района), был расстрелян в феврале 1938 года (5). Младший брат Констан-

тина, Александр, стал также священником, служил в 1930-х годах в Череповецком районе Ярославской области (2, л. 12 об.), скончался в 1970-х годах. Сестра София вышла замуж за будущего священника, сестра Юлия стала врачом (2, л. 12 об.). Две другие сестры и брат Леонид скончались до 1937 года.

Константин Александрович окончил Вологодскую духовную семинарию (1891) и Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1895). Удостоился права быть освобождённым от экзаменов при соискании степени магистра богословия (6). В 1895–1896 годах преподавал Закон Божий и русский язык в Вологодском епархиальном женском училище (7). В 1896–1899 годах преподавал русский и церковно-славянский языки, чиstopисание и в последний год арифметику в Устьысольском духовном училище (7). В 1898 году в Харькове была издана его монография, основанная на материале кандидатской диссертации – «Государственное положение Римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени». Вероятно, в издании книги Константину Александровичу помог его семинарский товарищ – преподаватель Харьковской духовной семинарии Павел Фёдорович Кратиров, будущий епископ Вологодский Павел.

Приказом Обер-прокурора Синода от 15 октября 1899 года К. А. Богословский был назначен преподавателем на кафедру истории и обличения русского раскола Вологодской ду-

ховной семинарии (7). С 1899 по 1907 год он преподавал в семинарии обличительное богословие, историю и обличение русского раскола и местных сект, а в последние полтора года – Священное Писание (7). Параллельно с семинарскими занятиями он вёл в 1903–1907 годах уроки русского языка в Вологодском епархиальном женском училище, и в течение полугода в 1907 году – уроки Закона Божия в Вологодской губернской гимназии (7).

Высочайшими указами, приуроченными к 6 мая – дню рождения Императора, Богословский был удостоен орденов св. Станислава 3-й степени (1902) и св. Анны 3-й степени (1907) (7). С 1904 года он носил звание коллежского советника (7).

К.А. Богословский вёл активную церковно-общественную деятельность. В 1900–1907 годах он входил в Вологодский Комитет Православного Миссионерского Общества и одновременно был делопроизводителем Совета Вологодского Православного Церковного Братства во имя Всемилоственного Спаса (7). В 1904 году на страницах «Вологодских епархиальных ведомостей» было опубликовано его сочинение о расколе (без подписи). Он вносил свою лепту в суммы Попечительства о бедных воспитанниках Вологодской духовной семинарии, как это было, например, в 1905 (8) и в 1908 (9) годах.

Епископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) высоко ценил Константина Александровича и уговаривал его стать смо-

трителем Устюжского духовного училища. По бытовавшим правилам, это место мог занимать только облечённый священным саном человек, поэтому Богословский, имевший серьёзный физический изъян, согласился на это назначение не сразу. Не хотелось ему и уезжать из Вологды. Но вот вышел указ Синода от 5 июня 1907 года, по которому Константин Александрович назначался на должность смотрителя Устюжского училища (7). 30 июля 1907 года К. А. Богословский был рукоположен епископом Никоном в сан диакона, а 1 августа – в сан иерея (7).

На посту смотрителя уездного духовного училища К. А. Богословский трудился вплоть до его закрытия в 1918 году. Он преподавал в училище самые разные дисциплины и совершал богослужения в училищном храме. В 1910 году он был также назначен председателем Совета Устюжского епархиального женского училища и нёс это послушание до 1912 года, когда был освобождён от упомянутой должности по прошению (7). В 1908 и 1914 годах в Великом Устюге проходили краткосрочные педагогические курсы для учителей и учительниц церковноприходских школ Велико-Устюжского викариатства (7). Священник К. А. Богословский был инспектором этих курсов. В 1911 году по резолюции епископа Никона о. Константин возглавил Комиссию для производства пастырского экзамена у кандидатов в священники, не получивших полного семинарского богословского

образования (7). С 1912 года он состоял представителем епархиального ведомства в Велико-Устюжском уездном Училищном совете (7). Кроме того, в 1914–1917 годах Богословский был цензором проповедей по городу Великому Устюгу (7).

Как священник К. А. Богословский последовательно отмечался наградами: набедренником (1907), скуфьёй (1909), серебряной медалью в память 25-летия существования церковноприходских школ (1910), камилавкой (1911), наперсным крестом от Синода (1914) (7).

С 1908 года К. А. Богословский состоял членом Совета Велико-Устюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства, а в 1912 года стал его председателем (7). В начале 1909 года вышел указ Синода об учреждении в Великом Устюге при Стефано-Прокопиевском Братстве церковного древнехранилища для сбора и хранения памятников старины (10, с. 1). Вскоре с участием Богословского был разработан устав музея и создан Комитет по заведованию древнехранилищем, председателем которого был избран Константин Александрович, а товарищем председателя — преподаватель духовного училища В. П. Шляпин (11, с. 5). Помещение под музей было выделено во Введенской церкви Михайло-Архангельского монастыря, рядом с духовным училищем (10, с. 1). Резолюцией епископа Никона от 1 октября 1909 года К. А. Богословский был утверждён в должности председателя Коми-

тета по заведованию древнехранилищем (7). А через год, 3 октября 1910 года, в Михайло-Архангельском монастыре состоялось открытие этого музея (11, с. 5).

По уставу, в древнехранилище поступали древние рукописи, старопечатные церковные и светские книги, иконы, Евангелия, священные сосуды и церковная утварь, рисунки, фотографии, модели памятников древнего искусства. Среди первых пожертвований был и вклад К. А. Богословского – коллекция старинных монет, рукописи, книги. К 1918 году собрание музея насчитывало 601 экспонат (11, с. 9). В декабре 1918 года все коллекции были переданы председателем Комитета по заведованию древнехранилищем Богословским в новый музей отдела культуры Северо-Двинского губисполкома и, таким образом, легли в основу фондов одного из богатейших музеев на севере России – Великоустюжского музея-заповедника (10, сс. 2–3).

С 1915 года К. А. Богословский состоял товарищем председателя Велико-Устюжского епархиального комитета по оказанию помощи беженцам (7). В 1917 году Велико-Устюжский уездный съезд духовенства и мирян поручил о. Константину быть участником Всероссийского Собора духовенства и мирян города Москвы, который проходил 1–10 июня т. г. (7). Вернувшись в Великий Устюг, Константин Александрович принял участие в съезде духовенства и мирян Велико-Устюжского викариатства, который протекал 10–24 июня и на

котором Богословский был избран почётным председателем (7).

15 августа 1917 года по избранию Вологодского епархиального съезда духовенства и мирян К. А. Богословский вместе с четырьмя другими представителями епархии был делегирован на Священный Собор Православной Российской Церкви в Москву (7). Хотя избрание вологодских делегатов происходило не на специальном епархиальном избирательном собрании, а на епархиальном съезде, Собор на заседании 20 сентября 1917 года утвердил их полномочия (12). А 19 января 1918 года Константин Александрович записал в дневнике: «Мне бы надо ехать в Москву на Собор, завтра первое заседание второй сессии, но говорят, что в Москве дают только по 1/8 ф. хлеба, и жизнь там тяжёлая и беспокойная» (13). Впрочем, он всё-таки поехал на Собор.

4 апреля 1918 года определением Патриарха Тихона и Священного Синода К. А. Богословский был награждён саном протоиерея, и 22 июля епископ Вологодский и Тотемский Александр (Трапицын) возвёл его в этот сан (7).

В этот период Константин Александрович вынашивал мысль о необходимости создания на основе Велико-Устюжского викариатства самостоятельной епархии. При огромных размерах Вологодской епархии связь центра с восточными её регионами была, по существу, формальной и только обременяла их. Ещё в 1916 году, 15 октября, возвратившись домой от ви-

в самостоятельную епархию и поручить ей детальную разработку вопроса (14, с. 7). Председателем этой Комиссии был избран К. А. Богословский (7).

В том же июне 1918 года восточная часть Вологодской губернии была преобразована в Северо-Двинскую губернию. Так решился вопрос о церковной независимости Велико-Устюжской епархии.

С 1918 года К. А. Богословский являлся председателем Велико-Устюжского епархиального совета (15, л. 1). В 1920-1921 годах он работал архивариусом в Северо-Двинском губернском архиве (16) и одновременно служил по вольному найму в Мироносицкой церкви города Великого Устюга (15, л. 1).

В 1921 году К. А. Богословский был впервые арестован. Вместе с архиепископом Великоустюжским Алексием (Бельковским) и двумя другими членами епархиального совета он обвинялся в организации незаконного, с точки зрения властей, сбора «церковная лепта». Архиепископ Алексей, следуя указу Патриарха Тихона и постановлению Священного Собора Православной Российской Церкви, благословил начать в подведомственной ему епархии храмовый сбор в пользу Церкви, который должен был проводиться как деньгами, так и натуральными продуктами. Кроме того, был установлен сбор с прошений и документов. Епархиальный совет начал соответствующую деятельность, и вскоре собранная сумма в 62276 рублей была направлена в Высшее

Церковное Управление (15, л. 1). Это последнее обстоятельство и вызвало преследование властей. 12 июня 1921 года Северо-Двинский Губревтрибунал приговорил архиепископа Алексия и протоиерея Константина Богословского за «нарушение декрета Совнаркома об отделении Церкви от государства» к лишению свободы сроком на 5 лет (15, лл. 1, 7). Правда, приговор был тут же снят по амнистии и стал условным, и осуждённые остались дома.

1922 год, как известно, был отмечен двумя печальными событиями в жизни Церкви: кампанией по изъятию церковных ценностей и началом движения обновленцев. В этот период К. А. Богословский, служивший настоятелем Великоустюжского Успенского собора, был вновь арестован. Второй арест был связан с изъятием церковных ценностей. Некоторое впечатление об атмосфере того времени даёт внутренняя «Ежедневная сводка Информационного отдела ГПУ по вопросам об изъятии церковных ценностей», в которой сообщалось о положении дел в Северо-Двинской губернии на 21 марта 1922 года: «<Работа> комиссии по изъятию вызывает большое недовольство среди верующих. Работы проходят успешно и скоро будут закончены. В Великом Устюге собрано <...> серебра» (17, с. 89).

По существу дела арестованный дал следующие показания (цитируем протокол допроса без изменения стиля): «Находясь священником Успенского собора, не помню точно, в субботу 25 марта за всюнощной или в вос-

кресенье 26 марта, при дальнейшем выяснении дней службы укажу точно, что в субботу 25 марта за всенощным мною, после совершения богослужения, я обратился к прихожанам с объявлением о том, что изъятие церковных ценностей в соборе уже совершено и поставил их в известность, что Комиссия по изъятию ценностей была в соборе 2 раза: 1-й раз были изъяты, как и везде, кресты, Евангелия, сосуды, и проч., а второй раз лампы. В дальнейшем сообщил им, что имеется извещение о том, что предполагается исследование риз на чудотворных иконах собора, т. к. Председатель Церковного Совета сообщил в Губисполком, что подробного исследования риз на иконах самостоятельно не мог разрешить Церковный Совет, то для разрешения этого вопроса созывается на вторник общее собрание прихожан собора, о чём я ставил в известность прихожан. Приходской Совет самостоятельно не мог дать согласия, чтобы до чудотворных икон соприкасались даже посторонние лица на предмет исследования драгоценных камней риз на иконах, а потому и решил этот вопрос поставить на обсуждение общего собрания прихожан. Этого общего собрания не состоялось, т. к. не успели к назначенному времени достать разрешения на собрание. Исследования риз до сих пор не было, и вопрос остаётся открытым» (15, лл. 7–8).

После этого допроса Богословский, как можно предполагать из материалов дела, был освобождён. С него взяли подписку «при чте-

нии проповедей среди прихожан Успенского собора не касаться вопросов, не относящихся к религии, как-то политических, относительно изъятия церковных ценностей и т. п.» (15, л. 9).

Впрочем, дело на о. Константина не было закрыто, и 19 декабря 1922 года в нём появился «Заключительный акт» (15, л. 41). Рассмотрев дело, помощник уполномоченного 1-го отделения ГОГПУ выявил целый ряд преступлений настоятеля Успенского собора перед молодой Советской республикой. Во-первых, обвиняемый «тормозил в проповеди» работы по «отобранию» церковных ценностей. Во-вторых, «при организации комитетов прогрессивного духовенства» Богословский выступал, «где возможно, против организации таковых и, всячески дискредитируя, публично в церкви называя комитеты «самозванцами», почему они свободно не дают обсуждать вопросы» (стиль подлинника).

Велико-Устюжское обновленчество заявило о себе летом 1922 года. Внутренняя сводка VI отделения Секретного отдела ГПУ «о расколе духовенства», составленная по сообщениям с мест, поступавшим с 15 июля по 20 августа 1922 года, и датированная 14 сентября т. г., зафиксировала ситуацию в губерниях. Цитируем её справку по Северодвинской губернии. «Под председательством прот. Ермолаева организован епархиальный комитет из 10 человек. Комитетом выпущена листовка, под названием «Живая Церковь»

(17, с. 322). Упомянутый протоиерей А. Г. Ермолаев имел академическое образование. До революции он был смотрителем Никольского духовного училища, а в 1920–1921 годах, как и К. А. Богословский, работал в Северодвинском губернском архиве, занимая должность делопроизводителя. В ноябре 1921 года его и Богословского уволили из архива по сокращению штатов (16).

К «Заключительному акту» прилагалась «Справка», написанная на его оборотной стороне, в которой сообщалось: «После отъезда в Москву прогрессивного протоиерея Ермолаева Богословский вступил в комитет прогрессивного духовенства, где также всячески тормозит работе и сводит таковую на нет» (15, л. 41 об.).

Цитируем «акт» дальше. «9-го мая с/г обвиняемый Богословский говорил проповедь, призывая граждан не идти в ряды наших врагов неверующих и держаться православной веры, голод, упадок религии, – всё это сделали большевики, и что они издеваются над церковью и православной верой» (15, л. 41). «Антисоветская пропаганда» обвиняемого, таким образом, была доказана.

По-видимому, дело Богословского было передано в Москву, ибо 19 февраля 1923 года в него добавился новый документ – «Заключительное постановление по делу № 17399» (15, л. 43). Сотрудник VI отделения СОГПУ, рассмотрев материалы дела, нашёл, что К. А. Богословский, во-первых, при изъятии

церковных ценностей тормозил «исследование иконных риз <...>, следствием чего было волнение среди устюжских граждан». Во-вторых, обвиняемый «дал подписку не касаться в церковных проповедях политических вопросов <...>, нарушил её, нападая в проповедях на компартию <...>, ведя антисоветскую пропаганду». Цитируем далее: «В то же время он не прерывает связи с лицами, препятствующими изъятию церковных ценностей (л. д. 16) и распространяющими ложные слухи <...>. Допрошенный обвиняемый Богословский виновным себя ни в чём не признаёт. Такое его поведение указывает на сторонника «Тихоновщины», открыто ставшей на сторону контрреволюции».

30 марта 1923 года комиссия НКВД по административным высылкам разбирала дело К. А. Богословского (15, л. 44). Вот что указано в «Выписке из протокола заседания» этой комиссии: «Слушали: дело № 17397 по обвинению Богословского К. А. (настоятеля Успенского собора) в контрреволюционной деятельности. Доклад т. Тучкова. Постановили: Заключить в Архангельский концлагерь сроком на 2 года. Дело прекратить и сдать в архив 6-го отделения СОГПУ» (15, л. 44). Итак, делом о. Константина занимался начальник VI отделения Секретного отдела ГПУ-ОГПУ Е. А. Тучков.

По этому приговору протоиерей Константин Богословский был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Известно, что он отбывал наказание на о. Большая Муксалма.

Тогда, в 1923 году, знаменитый СЛОН только начинал свою страшную работу, и о. Константин попал в одну из первых партий его заключённых. По воспоминаниям родных, этот прежде весёлый, общительный человек вернулся домой молчаливым и замкнутым.

По возвращении из концлагеря в 1925 году К. А. Богословский поселился в Вологде. Здесь он продолжил священнослужение в качестве настоятеля Благовещенской церкви (18, с. 23). По словам Н. П. Беляевой, дочери священника, о. Константин был прекрасным проповедником. Вот запись из дневника вологодского протоиерея Александра Подстанницкого: «1929, 23 сентября. Был у поздней литургии в Воскресенской церкви, служит о. Константин хорошо, благоговейно, говорил экспромтом проповедь на Литургийное Евангелие, и очень хорошо» (19). После закрытия в 1930 году Благовещенского и других городских храмов К. А. Богословский был назначен настоятелем Богородице-Рождественской кладбищенской церкви в сане митрофорного протоиерея (18, с. 25). Этот храм в 30-х годах фактически являлся кафедральным собором Вологды. Помимо настоятельства, о. Константин был председателем Вологодского епархиального совета (18, с. 25-26).

Приведём воспоминания о нём протоиерея Алексия Резухина, начинавшего в то время мальчиком прислуживать в Богородице-Рождественском храме. «Митрофорный протоиерей, кандидат богословия, в возрасте

60-ти лет с небольшим, среднего роста, стройный, прихрамывающий на одну ногу, с небольшой бородкой-клинышком, с длинными по плечам волосами тёмно-каштанового цвета без проседи, с намечающейся лысиной на голове, – вот образ его, который как сейчас вижу перед собою. Он был молчалив, очень сосредоточен, необщителен, ровен со всеми. На лице его всегда отражалась какая-то мысль. За архиерейским богослужением он был всегда предстоятелем. В обращении с Владыкой почтительно сдержан. Служение его внешними данными не отличалось. Иногда он говорил проповеди. Во время всенощных, когда вёл службу какой-нибудь другой священник, он всегда стоял в алтаре у столика, который был приставлен справа к жертвеннику и углублялся в молитву, левой рукой чуть-чуть касаясь столика».

Должность председателя епархиального совета, возможно, предопределила дальнейшую судьбу протоиерея К. Богословского. 2 июля 1937 года он был вновь арестован (2, л. 14). Константин Александрович обвинялся в том, что он якобы являлся «организатором и руководителем контрреволюционного церковно-монархического подполья в г. Вологде». Он также: «устанавливал связи с контрреволюционным элементом в других районах Северной области. Проводил активную контрреволюционную деятельность, распространял провокационные слухи контрреволюционного содержания, пропагандировал фашизм. Собирал антисоветские сведения о состоянии колхозов и

настроениях колхозников, возбуждал недовольство масс политикой партии и Советской власти. Вёл пораженческую агитацию» (2, л. 1).

На единственном допросе, произведённом в день ареста, К. А. Богословский твёрдо заявил: «Контрреволюционной деятельности я не проводил» (2, л. 21). Подписывать «Постановление о предъявлении обвинения», содержащее вышеперечисленные измышления, он отказался (2, л. 19). Тем не менее, следствие нашло подтверждение ложным обвинениям, допросив нескольких «свидетелей». Из их показаний выявилось следующее «преступление» о. Константина. В начале мая 1937 года Вологодский горсовет постановил закрыть Богородское кладбище, на котором находилась одна из двух действующих в городе православных церквей. Поводом для закрытия стало решение провести по территории кладбища две линии Северной железной дороги. С учётом обстановки того времени можно было с большой долей вероятности предполагать, что вслед за тем власти распорядятся закрыть и кладбищенский храм. Поэтому несколько членов клира и прихожан Богородице-Рождественской кладбищенской церкви во главе с настоятелем о. Константином решили написать прошение об отмене постановления горсовета и направить его во ВЦИК. Текст составлял бывший административный ссыльный, профессор Московской духовной академии С. С. Глаголев, а собрать подписи верующих и отвезти бумагу в Москву вызвался бывший вологодский купец

П. А. Девятков. Ходатайство с подписями вологжан было подано в Президиум ВЦИК.

Тройка при УНКВД СССР по Северной области приговорила Богословского 19 сентября 1937 года к расстрелу (2, л. 146). Как было указано в документах, приговор привели в исполнение 19 сентября 1937 года (20). Однако потомки священника знают, что это не так. По свидетельству очевидцев, около 24 сентября Богословского вместе с другими заключёнными посадили в вагон поезда, который отправился в северном направлении. К. А. Богословский полностью реабилитирован в 1970 и 1993 годах (20).

30 октября 1998 года Великоустюгская Дума приняла решение увековечить память Константина Александровича Богословского через установку в городе Великом Устюге мемориальной доски с его именем (21). Этим постановлением Дума высоко оценила его большой вклад в создание и работу церковного древнехранилища, открывшегося 90 лет назад в городе Великий Устюг. Доска была установлена в январе 2001 года.

В 2000 году на Архиерейском Соборе РПЦ протоиерей Константин Александрович Богословский (1871-1937) был включён в Собор новомучеников и исповедников Российских. (День памяти 6 сентября по церковному календарю).

Примечания к тексту жития

1. Все даты в тексте до июня 1918 г. приводятся по старому стилю.
2. Следственное дело Богословского К. А., 1937 г. Архив УФСБ по Вологодской области, ед. хр. П-11834.
3. <Священник С. А. Непеин> Тридцатипятилетие службы священника Борисо-Глебской Ельниковской церкви Грязовецкого уезда священника А. Г. Богословского // Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ), 1903, № 20, Прибавления, с. 657.
4. Семевский М. И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692–1724: Очерк из русской истории XVIII века. — Л.: Худож. лит., 1990, с. 216.
5. Быков А. В. Священник Богословский и его книга // Богословский Н., священник. Церковь святого пророка Илии в селе Кубенском. Репринтное издание. Вологда: «Ардвисура», [б/г].
6. Кудрин Н. Великоустюжское духовное училище // Советская мысль, № 98, 2.08.1993.
7. ВУФ ГАВО, ф. 252, оп. 1, ед. хр. 140, лл. 1об.-9.
8. ВЕВ, 1906, № 7–8, Прибавления, с. 183.
9. ВЕВ, 1909, № 1, Прибавления, с. 7.
10. Пластинина Л. Велико-Устюжское древнехранилище — художественный историко-археологический музей. Машинопись, архив автора.
11. Малкова О. А. Древнехранилище в Великом Устюге // Бысть на Устюзе... Вологда: «ЛиС», 1993.

-
12. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 2. Деяния XVII–XXX. М.: Издание Новоспасского монастыря, 1994, с. 11.
 13. Выписки из личного дневника о. протоиерея Константина Александровича Богословского. Составлены Н. А. Манаковой. Рукопись, архив автора.
 14. Журналы Чрезвычайного Епархиального собрания духовенства и мирян Вологодской епархии <оттиск, Вологда, 1918>.
 15. Следственное дело Богословского К. А., 1922–1923 гг. Архив УФСБ по Вологодской области, ед. хр. П–3705.
 16. Дунаева А. Р., Кляповская А. А. Архив в Великом Устюге: страницы истории // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 1995. — с. 331.
 17. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск — М., «Сибирский хронограф», РОССПЭН, 1998, с. 89.
 18. Резухин А., протоиерей. Церковная Вологда тридцатых и сороковых годов. Церковные очерки. Машинопись, архив автора.
 19. Подстаницкий А. Н., протоиерей. Памятная книга. Копия рукописи, архив автора.
 20. Справка УФСБ РФ по Вологодской области от 19.02.96 № ОРАФ/8-III-5. Архив Вологодской епархии.
 21. Постановление Великоустюгской думы от 30.10.98 № 66. Копия, архив автора.

Содержание

1. История вологодского бунта. 1906 год	9
2. Революция отступила. 1906 – 1907 годы	67
3. Накануне катастрофы. 1917 год	82
4. Палачи и жертвы революции. 1917 – 1918 годы	96
5. Кирилловские мученики. 1918 год	114
6. «Огонь и смерть в краю родном». 1918 – 1919 годы	128
7. «Не давайте святыни псам...» 1922 – 1925 годы	149
8. Обреченные. 1937 год	171
9. Бесы в разрушенном монастыре. 1937 – 1938 годы	183

10. Претерпевшие до конца. 1937 год	202
Эпилог.	236
Приложение 1. Следственное дело 1937 г. на Богословского К. А.	241
Приложение 2. Житие священно- мученика Вологодского протоиерея Константина Богословского	257

Литературно-художественное издание

Яцкевич Владимир Антонович

В тихой Вологде

Историческая повесть

Редактор А.К. Сальников

Корректор Н.В. Жукова

Дизайнер С.В. Кудрявцев

На 1-й странице обложки: храм Рождества
Пресвятой Богородицы в Вологде.
Фото Г. В. Карашмановой.

Архиерейское Покровское подворье
160001, Вологда, Торговая площадь, 9

Формат 70х90/32/ Печать офсетная. 8,75 печ. л.
Подписано в печать 16.12.2013. Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано: ООО ПФ «Полиграф-Книга»
160 001, Вологда, Челюскинцев, 3